

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Хлынин Андрей Павлович

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
социологических наук

Научный руководитель
д.соц.н. Крыштановская О.В.

Москва – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ	18
1.1. Основные теоретические подходы к изучению элиты.....	18
1.2. Этапы становления политической элиты России	40
1.3. Основные характеристики современной политической элиты России.	58
ГЛАВА 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАНАЛОВ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	80
2.1. Динамика социально-демографических характеристик политической элиты России.....	80
2.2. Образовательные характеристики политической элиты России	95
2.3. Карьерные траектории политической элиты России и их динамика ..	106
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	137
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	157
Приложение 1.	157
Приложение 2.	160

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Российская Федерация последние 30 лет находится в состоянии поиска баланса между сильной вертикалью власти и развитием демократических институтов. В подобные исторические периоды, особенно в условиях неблагоприятной внешнеполитической обстановки, значительно возрастает роль политических элит, являющихся главным проводником важнейших социально-политических изменений.

Актуальность исследования политической элиты обусловлена следующими факторами.

Во-первых, именно политическая элита обладает наибольшим объемом власти, который позволяет ей принимать решения в масштабе всего общества или отдельных его сфер, а значимыми предикторами данных решений являются личные качества и предыдущий жизненный опыт элитариев. В этой связи анализ общественно значимых характеристик выступает ключевым аспектом как для комплексного анализа элиты, так и понимания результативности государственного управления в целом.

Во-вторых, стремительные изменения во внутренней и внешней политике сформировали новые требования к компетенциям политической элиты: мировой финансовый кризис 2008 года, социально-политический кризис в Украине 2014 года, интеграция в состав России шести новых регионов (Севастополь, республика Крым, Луганская и Донецкая народные республики, а также Запорожская и Херсонская области), ведение масштабных санкций со стороны стран коллективного Запада, пандемия COVID-19 и проведение специальной военной операции привели к появлению *новых механизмов формирования и функционирования* элитных групп. В связи с этим анализ структуры российской политической элиты, включая процессы поиска, отбора и карьерного продвижения кандидатов, позволяет оценить вектор трансформации всего государственного управления.

В-третьих, трансформация политической элиты во многом происходит за счет внедрения в механизм элитообразования элементов, обеспечивающих наличие у ее представителей новых навыков, которые приобретают актуальность, исходя из текущей динамики общественно-политического развития. В этой связи сравнительный анализ структуры политической элиты способен раскрыть трансформацию формальных и неформальных требований к элитариям, что в конечном счете помогает оценить состояние и потенциал государственного управления.

Описанные выше факторы предопределяют теоретическую и практическую значимость исследования политической элиты России как субъекта властных отношений в обществе. Изучение действующих каналов социальной мобильности способствует рационализации государственного управления и повышению его эффективности, а также делает возможным предупреждение и разрешение ряда проблем, таких как дисфункция механизма формирования элиты, снижение темпов ее обновления и/ или дестабилизация политических отношений.

Степень научной разработанности. В современной социальной науке теория элит сложилась как междисциплинарное научное направление на стыке философии, социологии, политологии и других смежных дисциплин. Многообразие подходов к пониманию и интерпретации термина элита предопределило ситуацию, когда одному и тому же понятию разные исследователи дают различные определения.

Предпосылки становления теории элит как самостоятельного научного направления начали формироваться еще со времен глубокой древности в трудах Конфуция, Сократа, Платона, Аристотеля¹, которые утверждали, что справедливое управление обществом возможно лишь тогда, когда у власти находятся наиболее мудрые, честные и способные люди.

¹ См.: Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2016. 1311 с.; Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4. М.: Издательство «Мысль», 1983. 829 с.; Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. М.: ИД МГУ, 1987. 304 с.; Биряева А.В., Симаев А.В. Политико-правовые доктрины Сократа о государстве // Контентус. 2018. №12 (77). С. 13-19

В более позднее время идеи элитизма получили свое развитие в рамках ценностного подхода, представители которого рассматривали элиту как особую группу, в которую входят лучшие члены общества с точки зрения развития морально-нравственных и интеллектуальных способностей. Под элитой в рамках данного подхода понималась аристократия или просто лучшие граждане, являвшиеся ориентиром для общества и благодаря которым во многом поддерживается национальная культура, традиции, наука. Элита в данном разрезе выполняет прежде всего интегрирующую функцию для общества, скрепляет его и ведет за собой. К представителям ценностного подхода можно отнести Ф. Ницше и Х. Ортега-и-Гассета, данное направление было также отражено в трудах русских философов 19-20 веков – Н.А. Бердяева, Б.Н. Чичерина, К.П. Победоносцева, С.Н. Булгакова и др.² Особое место в рамках ценностного подхода занимают труды итальянского экономиста и социолога В. Парето, который под элитой понимал наиболее заслуженных в своей области индивидов (профессиональная элита, криминальная элита и т.д.).³

Альтернативный позиционный (альтиметрический) подход к пониманию элиты предложил итальянский социолог Г. Моска, который утверждал, что главной предпосылкой анализа властных отношений в обществе является понятие «социальной гетерогенности» – фундаментального закона общественного развития, смысл которого заключается в том, что общество не может рассматриваться в единстве в силу разрозненности ценностных ориентаций и

² См.: Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. / Сост. К.А. Свасьян, пер. Ю.М. Антоновский, Н. Полилов, К.А. Свасьян, В.А. Флерова. М.: «Мысль», 1990. 832 с.; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Пер. с исп. А. Гелескула. Москва: АСТ, 2016. 256 с.; Бердяев Н.А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1899. 810 с.; Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М.: Тип. Мартынова, 1882-1883. 468 с.; Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени [Электронный ресурс] – URL: <https://www.hramstrastoterpcy.ru/wp-content/uploads/2020/03/Победоносцев.-Великая-ложь-нашего-времени.pdf> (дата обращения: 01.10.2025); Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Рус. Кн., 1992. 525 с.; Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2010. 759 с.

³ См.: Парето В. Компендиум по общей социологии / Пер. с ит. А.А. Зотова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 513 с.

способностей составляющих ее индивидов. Таким образом, социальное неравенство является совершенно естественным, как и совершенно естественным является существование управляющего меньшинства – тех, кто принимает стратегические решения общегосударственного масштаба исходя из своей занимаемой позиции в ключевых институтах общества.⁴ Виднейшими представителями позиционного подхода к пониманию элиты являются Ч.Р. Миллс, Р. Даль, Э. Гидденс, Д. Рисмен, У. Домхофф, Дж. Хигли, С. Келлер, Д. Мейзел, М. Паренти, П. Турчин и др.⁵

Попытки синтеза ценностного и позиционного подходов к пониманию элиты отмечены в работах Д. Сартори, Г. Лассуэлла, Д. Марвик, которые утверждали, что индивид принадлежит к элите в том случае, если он занимает руководящую должность в рамках ключевых социальных институтов и обладает определенными качествами, которые и обеспечивают ему это положение.⁶

Одним из оригинальных подходов к пониманию элит является технократический подход Д. Бернхема и Д. Гэлбрейта, которые утверждали, что будущая научно-техническая революция приведет к власти профессиональных менеджеров-управленцев, которые станут новым экономически и политически господствующим классом, а главным признаком принадлежности к элите станет не

⁴ См.: Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187-198; Mosca G. The Ruling Class / A. Livingston (ed.). New York, 1939. 514 p.; Моска Г. История политических доктрин. Монография / Г. Моска. Изд.: «КноРус», 2015. 390 с.

⁵ См.: Миллс Р. Властвующая элита / Перевод с англ. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль, В.Л. Кон. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 544 с.; Dahl R.A. A Critique of the Ruling Elite Model // American Political Science Review. 1958. Vol.52. №2. P. 463-469; Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.; Riesman D. The Lonely Crowd. N.Y.: Doubleday Anchor Edition, 1953. 363 p.; Domhoff W. The Higher Circles & The Governing Class in America. N.Y., 1970. 367 p.; Хигли Дж. Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа // Сравнительная политика. 2010. №1. С. 50-72; Keller S. Elites. International Encyclopedia of the Social Science. N.Y., 1968. 531 p.; Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. N.Y.: Random House, 1968. 354 p.; Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США / Пер. с 7-го англ. изд. В. Горбатко. М.: «Поколение», 2006. 416 с.; Турчин П.В. Конец времен [перевод с английского В. Железнова]. Москва: Издательство АСТ, 2024. 432 с.

⁶ См.: Сартори Д. Вертикальная демократия // Полис. Политические исследования. 1993. №2. С. 80-89; Lasswell H.D, Marvick D.W. On Political Sociology. Chicago-London, 1977. 456 p.

капитал, а эксклюзивный доступ к знаниям и информации. Технократический подход получил серьезное развитие в XXI веке в рамках концепций «цифровой элиты» (А.П. Кочетков), «нетократии» (А. Бард, Я. Зондерквист), «диджерати» (Д. Брокман), «смарт-элиты» (О.В. Крыштановская, Н.Н. Мещерякова) как высших страт нового сетевого общества, обладающих творческим потенциалом, контролирующим ключевые информационные каналы и цифровые платформы, которые используются ими для конструирования и контроля социально-экономических процессов в своих целях.⁷

Еще одним направлением к изучению элит является сетевой подход, в рамках которого распределение власти в обществе объясняется посредством взаимодействия различных акторов, групп акторов и социальных институтов, а властная иерархия описана в виде сети, не имеющей четкой структуры и формирующейся по определенному случаю для решения конкретной проблемы. Виднейшими представителями данного подхода являются Д. Ноук, Ф. Хантер и др.⁸

Отдельно стоит отметить исследователей элиты в обществах советского типа, таких как М. Джилас, Д. Хоскинг, С. Коэн, А. Барнс, П. Рутланд и др.⁹ Данные

⁷ См.: Burnham J. The Managerial revolution. What is happening in the world. N.Y.: Day, 1941. 258 p.; Гэлбрейт Д. К. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж.К. Гэлбрейт. М.: Эксмо, 2008. 1200 с.; Кочетков А.П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. №1. С. 198-212; Давыдов Д.А. И сказал Интернет: сотворим нетократию по образу и подобию нашему. Критический взгляд на концепцию посткапитализма А. Барда и Я. Зондерквиста // Дискурс-Пи. 2022. №4. С. 66-81; Гавра Д.П. Цифровая элита vs. аналоговая элита: трансформация социальной стратификации в сетевую эпоху // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2018. № 4. С. 118-128; Мещерякова Н.Н., Крыштановская О.В. Смарт-элита: контуры концепции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т.11. №4. С. 30-52

⁸ См.: Knoke D., Pappi F., Broadbent J., Tsujinaka Y. Comparing policy networks. Labor politics in the U.S., Germany and Japan. Cambridge, 1996. 308 p.; Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. 314 p.; Минченко Е., Петров К., Баландин Ю. «Политбюро 2.0.» и «Новая холодная война»: элиты в поисках «новой нефти». Официальный сайт коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» [Электронный ресурс] – URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Politbyuro_21_final_15.07.21.pdf (дата обращения: 01.10.2025)

⁹ См.: Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? Из-во Т8, 2017. 172 с.; Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: издательство Фредерик А.Прегер, 1961. 243

исследователи акцентировали свое внимание на формировании в советских обществах нового класса – номенклатуры, представители которого имели практически неограниченную власть и контролировали основные ресурсы.

В России теория элит становится актуальным направлением с конца 1980-х – начала 1990-х годов. Среди работ российских исследователей федеральных и региональных элит необходимо выделить труды Г.К. Ашина, Г.А. Борщевского, О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Дуки, Н.В. Колесник, О.В. Крыштановской, А.В. Кынева, И.А. Лаврова, Н.Н. Мещеряковой, И.А. Палитая, А.В. Понеделкова, А.И. Сперкач, А.Ю. Старостина, Д.Б. Тева, Ж.Т. Тощенко, Ю.В. Усовой, А.В. Чириковой, Е.Б. Шестопап и др.¹⁰ Данные исследователи акцентируют свое

с.; Хоскинг Д. История Советского Союза 1917-1991. Москва: «Вагриус», 1994. 510 с.; Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI, 2007. 192 с.; Barnes A.S. *Owning Russia: the struggle over factories, farms and power*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. 273 p.; Rutland P. *The Political Elite in Post-Soviet Russia* / In: Best, H., Higley, J. (eds) *The Palgrave Handbook of Political Elites*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 698 p.

¹⁰ См.: Ашин Г.К. *Элитология: история, теория, современность: монография* / Г.К. Ашин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.; Борщевский Г.А. *Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России* // Журнал политической философии и социологии политики. 2018. № 1(88). С. 82-99; Гаман-Голутвина О.В. *Страны БРИК: элитообразование и внутриэлитные расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации* // Политическая концептология. 2014. №3. С. 117-153; Дука А.В. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. 2009. № 1(62). С. 142-159; Колесник Н.В. *Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция* // Мир России. Социология. Этнология. 2019. №4. С. 30-48; Крыштановская О.В. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров, 2005. 381 с.; Кынев А.В. *Губернаторы в России: между выборами и назначениями*. Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.; Лавров И.А. *Партии в цифровых джунглях* // Вестник университета. 2021. № 12. С. 168-178; Мещерякова Н.Н. *Смарт-элиты: контуры концепции* // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т.11. №4. С. 30-52; Палитай И.С. *Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011-2021 гг.)* // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 148-160; Старостин А.М., Понеделков А.В. *Политическая элитология: институциональный и инновационный аспекты развития* // Коммуникология: электронный научный журнал. 2024. Т.9. №1. С. 6-12; Сперкач А.И. *Цивилизационные основания межэлитного взаимодействия в современной России* // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. №3. С. 47-54; Тев Д.Б. *Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера* // Власть и элиты. 2022. Т.9. №2. С. 146-171; Тощенко Ж.Т. *Фантомы российского общества*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.; Усова Ю.В. *Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования: монография* / Ю.В. Усова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. 268 с.; Чирикова А.Е. *Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов* // Вестник Института социологии. 2024. Т.15.

внимание на таких аспектах как структура элиты, взаимодействие между различными субэлитными группами, а также факторах вертикальной и горизонтальной элитной мобильности с учетом федеральной и региональной специфики России.

По проблемам исследования российских элит федерального и регионального уровня в последние 5 лет было защищено несколько диссертаций, которые расширили и дополнили представления относительно элитных структур современной России.¹¹

Вместе с тем, в связи с качественно изменившейся внешнеполитической и социально-экономической ситуацией, в России происходят качественные трансформационные процессы, которые касаются рекрутации и структуры российской элиты, требующие научного осмысления, выявления и определения изменений в этой слое российского общества. Именно на осмысление новых реалий и направлена данная диссертационная работа.

Объект и предмет. Объектом диссертационного исследования является политическая элита современной России, под которой мы понимаем социальную общность, обладающую политической властью, контролирующую основные ресурсы общества и принимающую стратегические решения общегосударственного уровня. Предметом исследования является механизм

№1. С. 165-183; Шестопап Е.Б. Парадоксы политического лидерства // Полис. Политические исследования. 2023. № 3. С. 181-191

¹¹ См.: Кирюшин И.А. Электоральное поведение граждан в условиях цифровизации избирательного процесса: дис. ... канд. соц. наук: 5.4.5. / Кирюшин Иван Артемович. Москва, 2025. 152 с.; Лавров И.А. Институализация формирования политико-управленческой элиты в современной России: дис. ... канд. соц. наук: 5.4.4. / Лавров Иван Андреевич. Москва, 2023. 201 с.; Матюсова А.И. Личностные особенности представителей губернаторского корпуса России: политико-психологическое исследование: дис. ... канд. пол. наук: 19.00.12 / Матюсова Анастасия Игоревна. Москва, 2022. 238 с.; Шуликов А.О. Региональная элита в российском актуальном политическом процессе (на материалах Камчатского края): дис. ... канд. пол. наук: 23.00.02. / Шуликов Алексей Олегович. Петропавловск-Камчатский, 2018. 246 с.; Богданова О.В. Управленческий консалтинг в повышении социальной эффективности муниципальной элиты в Южном федеральном округе: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08 / Богданова Ольга Владимировна. Ростов-на-Дону, 2018. 166 с.; Заранкин И.А. Сравнительный анализ моделей и факторов рекрутирования министров правительств Российской Федерации и Французской Республики: дис. ... канд. пол. наук: 23.00.02 / Заранкин Илья Александрович. Москва, 2018. 194 с.

рекрутации и трансформация структуры политической элиты в современной России.

Цель и задачи. Целью исследования является выявление механизма рекрутации и трансформации структуры политической элиты в современной России. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Определить основные теоретические подходы к пониманию элит, раскрыть содержание ее деятельности, разработать понятийный аппарат исследования.

2. Выявить особенности рекрутации и специфику трансформации политической элиты в российском государстве до XXI века.

3. Проанализировать изменение аскриптивных и дескриптивных показателей политической элиты.

4. Определить основные этапы формирования политической элиты, а также эффективность функционирования механизма ее рекрутации в современной России.

Научная гипотеза исследования состоит в том, что укрепление властной вертикали в Российской Федерации с начала 2000-х годов привело к формированию новых механизмов элитной мобильности, носящих преимущественно закрытый характер, что выражается в непрозрачном отборе кандидатов («формальный отбор по неформальным критериям»), отсутствии функционала по интеграции победителей в элиту и карьерных продвижениях индивидов, уже ранее включенных в политический класс. Данная ситуация, по нашему мнению, заметно сужает бассейн рекрутирования, снижает уровень представительства различных социальных групп в органах власти, что с большой вероятностью способно стать катализатором уменьшения доверия населения к руководству страны и снижения уровня социально-политической активности населения в будущем.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы российских и иностранных ученых, изучавших социальную стратификацию,

властные отношения и особенности функционирования политических элит в обществе – теория элит Г. Моска, теория бюрократии М. Вебера и исследования политической элиты в России О.В. Крыштановской. Для социологического описания объекта диссертационного исследования был использован метод позиционного анализа, при помощи которого стало возможно выделение конкретных представителей политической элиты на основании их формально-функциональной позиции в законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти Российской Федерации на федеральном¹² и региональном¹³ уровнях. Для анализа характеристик политической элиты современной России были использованы методы сравнительного исторического, биографического анализа, а также анализ нормативно-правовых документов.

Эмпирическую основу исследования составили:

1. Исследование «Мониторинг российской политической элиты», проводимое в течение 30 лет под руководством д.соц.н. О.В. Крыштановской. Будучи членом команды и имея доступ к базе данных «Вся элита РФ», был проведен количественный биографический анализ 2605 персон, которые входили в состав российского истеблишмента в период с 1989 по 2024 гг. Изучались показатели: пол, возраст, уровень и характер образования, тип карьеры, географическая мобильность. Использовались только открытые источники данных.¹⁴

¹² На федеральном уровне к представителям политической элиты относятся: сенаторы Совета Федерации РФ, депутаты Государственной Думы РФ, руководящие члены Правительства РФ, федеральных ведомств, аппарата или секретариата, руководящие сотрудники Администрации Президента РФ, Полномочные представители Президента РФ в федеральных округах, председатель и заместители председателя Верховного суда РФ, судьи Конституционного суда РФ, председатель и заместители председателя Высшего арбитражного суда РФ, Генеральный прокурор РФ, председатели Следственного комитета РФ, Счетной палаты РФ, Центрального банка РФ, Центральной избирательной комиссии РФ

¹³ На региональном уровне к представителям политической элиты относятся главы субъектов РФ

¹⁴ См.: Официальный сайт Президента РФ [Электронный источник] – URL: <http://kremlin.ru>; Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ [Электронный источник] – URL: <http://www.council.gov.ru>; Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ [Электронный источник] – URL: <http://duma.gov.ru>; Официальный сайт Правительства РФ [Электронный источник] – URL: <http://government.ru>;

2. Авторское исследование «Становление губернаторского корпуса в России в 2004-2024 гг.». В рамках этого исследования были проанализированы биографии всех персон, которые занимали посты глав субъектов Российской Федерации в период с 2000 по 2024 гг. Было сделано 3 замера: по состоянию на 01.01.2004 – 90 человек, на 01.01.2014 – 86 человек, на 01.01.2024 г – 89 человек. Всего были изучены биографии 236 человек, которые занимали посты руководителей регионов в изучаемый период. Исследование носило сплошной характер, изучались показатели: пол, возраст, уровень и характер образования, тип карьеры, географическая мобильность. Использовались только открытые источники данных.¹⁵

3. Авторское исследование победителей первого потока Программы развития для участников специальной военной операции «Время Героев», осуществляемой в Высшей школе государственного управления РАНХиГС при Президенте РФ. Всего победителями этой программы за период 2024-2025 гг. стали 83 человека. Были собраны их биографические данные из открытых источников и проанализированы их карьерные треки.

4. Авторский опрос экспертов, занимающихся изучением политических элит России. В рамках данного исследования был проведен опрос (2024-2025 гг.) с использованием целевой выборки из 10 экспертов, имеющих ученую степень в сфере политологии/ социологии, а также релевантные научные публикации за последние 3 года.

Официальный сайт Верховного суда РФ [Электронный источник] – URL: <https://www.vsrp.ru>; Официальный сайт Конституционного суда Российской Федерации [Электронный источник] – URL: <http://www.ksrf.ru>; Сервер органов государственной власти «Официальная Россия» [Электронный источник] – URL: <http://www.gov.ru>; Сайт политической партии «Единая Россия» [Электронный источник] – URL: <https://er.ru>; Официальный сайт ТАСС [Электронный источник] – URL: <https://tass.ru>; Официальный сайт РИА Новости [Электронный источник] – URL: <https://ria.ru>; Официальный сайт РБК [Электронный источник] – URL: <https://www.rbc.ru>

¹⁵ См.: Официальный сайт Президента РФ [Электронный источник] – URL: <http://kremlin.ru>; Официальный сайт Правительства РФ [Электронный источник] – URL: <http://government.ru>; Сервер органов государственной власти «Официальная Россия» [Электронный источник] – URL: <http://www.gov.ru>; Сайт политической партии «Единая Россия» [Электронный источник] – URL: <https://er.ru>; Официальный сайт ТАСС [Электронный источник] – URL: <https://tass.ru>; Официальный сайт РИА Новости [Электронный источник] – URL: <https://ria.ru>; Официальный сайт РБК [Электронный источник] – URL: <https://www.rbc.ru>

Научная новизна исследования заключается в том, что:

1. Выделены и описаны ключевые этапы становления политической элиты в России в XXI веке: 2000-2004 годы – этап стабилизации и институализации; 2004-2014 годы – этап масштабирования; 2014-2024 годы – этап перезагрузки.

2. Выявлены ключевые тренды трансформации политической элиты: консолидация субэлитных групп вокруг текущего политического курса развития, усиление влияния федерального центра на кадровую политику в отношении региональной элиты, смена образовательного профиля с инженерно-технического на управленческий (государственное и муниципальное управление, экономика, юриспруденция); выделение РАНХиГС при Президенте РФ в качестве ключевого вуза подготовки элиты.

3. Определены трансформации механизма элитного рекрутирования, заключающиеся в введении новых каналов закрытого (программа резерва управленческих кадров федерального и регионального уровней, программа Президентского кадрового резерва – «Президентская сотня») и открытого (условно) типа («Лидеры России», «Лидеры Возрождения», «Время героев»), в том числе впервые исследован объем и направленность элитной мобильности программы «Время героев». На основании анализа сделан вывод, что существующие каналы элитной мобильности находятся в стадии становления и выполняют скорее функцию апробации по интеграции в политический класс, либо функцию трамплина для представителей политического класса.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Новые вызовы российской государственности, сопряженные с деинституализацией формирования политической элиты в результате распада СССР, привели к трансформации государственного управления, что, в свою очередь, оказало влияние на элитогенез. На основании анализа документов, первичных и вторичных данных о представителях элиты можно выделить 3 основных этапа: 2000-2004 годы – этап институализации политической элиты.

Именно в этот период происходит укрепление вертикали власти, сопряженное с усилением влияния института полномочных представителей в федеральных округах, отменой прямых выборов губернаторов, регламентация взаимоотношений государства и бизнеса, а также с замещением старой элиты 1990-х годов на новую; 2004-2014 годы – этап масштабирования. Данный период ознаменован расширением внедрения апробированных практик предыдущего периода и, в частности, сопряжен с такими событиями как проведение административной реформы, увеличением доли назначенных губернаторов, окончательной институализацией взаимоотношений государства и бизнеса (РССП, Опора России, Деловая Россия и др.), а также формированием резерва управленческих кадров; 2014-2024 годы – этап перезагрузки. На данном этапе беспрецедентные вызовы внешней среды в новейшей истории России обусловили необходимость в более качественном государственном управлении, что, в свою очередь, определило создание новых каналов вертикальной мобильности и внедрение переподготовки госслужащих на базе РАНХиГС, что в итоге позволило повысить уровень профессиональной зрелости политической элиты.

2. За исследуемый период отмечается изменение аскриптивных характеристик представителей политической элиты, выраженное в первую очередь в сохранении гендерной диспропорции, а именно – в преобладающей доле мужчин при росте доли женщин в органах государственного управления на более низких уровнях, повышение среднего возраста представителей федерального сегмента элиты при «омоложении» представителей «губернаторского корпуса», а также усилении влияния Москвы как федерального центра, связанного с увеличением как доли тех, кто родился в Москве, так и доли глав субъектов, имевших ранее опыт работы в структурах федеральных органов власти, а также стабильно высокой доле губернаторов, которые после отставки получают новую должность в Москве.

3. Анализ дескриптивных характеристик элитариев позволяет сделать вывод о повышении уровня профессиональной подготовки, связанном в первую очередь с трансформацией образовательного профиля представителей

политической элиты (руководителей ключевых органов власти) с инженерно-технического, сельскохозяйственного, естественно-научного на управленческий (государственное и муниципальное управление), экономический и юридический, ростом индекса образованности (среднее число дипломов о высшем образовании на одного представителя), а также увеличением доли окончивших РАНХиГС при Президенте РФ, в том числе в рамках специализированной программы подготовки управленческих кадров высшей квалификации «Школа губернаторов». Анализ карьерных траекторий глав субъектов позволяет сделать вывод об институализации формирования губернаторского корпуса, выраженной в снижении доли глав субъектов, для которых их текущая должность стала первой в рамках государственной службы при увеличении доли тех, чей карьерный путь начался в органах исполнительной власти федерального и регионального уровня.

4. В рамках исследуемого периода произошла перенастройка механизма элитного рекрутирования, связанная с постепенным движением от замещения ключевых элитных фигур преимущественно в ручном режиме к созданию новых каналов элитной мобильности закрытого типа для государственных служащих (программа резерва управленческих кадров федерального и регионального уровней, программа Президентского кадрового резерва – «Президентская сотня») и условно открытого типа («Лидеры России», «Лидеры Возрождения», «Время героев») для более широких слоев общества. Тем не менее по результатам анализа отмечается, что данные каналы элитной мобильности *находятся в стадии становления* и в большей степени выполняют функции либо интеграции победителей в политический класс, либо продвижения для уже действующих госслужащих. Кроме того, существующие на сегодняшний день кадровые конкурсы являются по своей сути «квазиканалами» мобильности ввиду непрозрачности конкурсных процедур, а также отсутствия этапа интеграции победителей в политическую элиту.

5. Ухудшение международной обстановки и беспрецедентное внешнеполитическое давление потребовали мобилизации ресурсов и

консолидации всего общества вокруг текущего курса развития страны. Данное обстоятельство способствовало объединению элиты и оттеснению от власти субэлитных групп, ориентированных на Запад, что в значительной степени снизило уровень политической конкуренции, а также вероятность выработки и реализации альтернативного курса развития государства. Вместе с тем произошедшая мобилизация потребовала усиления управленческой вертикали, что нашло свое выражение в повышении роли федерального центра в процессе отбора и назначения глав субъектов как регионального сегмента политической элиты. Данная тенденция нашла свое эмпирическое подтверждение в виде увеличения доли губернаторов «новой волны» – молодых профессиональных администраторов-управленцев, нередко назначаемых для руководства в чужой для него субъект. Данная практика, с одной стороны, позволила снизить риски потери управляемости регионом, побуждая губернаторов к тесной координации своей деятельности с федеральным центром, а, с другой стороны, лишение главы субъекта определенной доли самостоятельности увеличило риск возникновения патрон-клиентских отношений.

Теоретическая значимость исследования состоит в обогащении существующего социологического знания о рекрутации и трансформации политической элиты в современной России. Полученные результаты раскрывают взаимосвязь между каналами элитной мобильности, их трансформацией, а также стратегиями легитимации власти. Это способствует более глубокому осмыслению политического процесса и вносит вклад в развитие теории элит.

Практическая значимость исследования заключается в обогащении теории элит полученными данными, которые могут лечь в основу тематических учебных курсов по социологии/ политологии («Политическая социология», «Теория элиты», «Социальная структура общества»), в рамках которых будут затрагиваться вопросы государственной службы, социальной мобильности, структуры властных отношений и др. Кроме того, полученные данные могут быть использованы профильными государственными ведомствами для совершенствования кадровой

политики, сопряженной с поиском, отбором и продвижением кадров на различных уровнях государственной власти.

Достоверность результатов исследования обеспечивается за счет непротиворечивости реализации методологических подходов, адекватности методов исследования целям и задачам, а также применения современных методик обработки социологической информации.

Апробация работы. Основные идеи и положения диссертационного исследования были отражены:

- в выступлениях автора на 6 научных конференциях: Международная научная конференция «Ломоносовские чтения-2021» (Москва, 2021), XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения» (Москва, 2021), международная научная конференция «Ломоносовские чтения-2022» (Москва, 2022), XVI Международная научная конференция «Сорокинские чтения» (Москва, 2022), международная научная конференция «Ломоносовские чтения-2023» (Москва, 2023), XVII Международная научная конференция «Сорокинские чтения» (Москва, 2023);

- в 7 научных статьях, из которых 6 публикаций – в журналах из перечня ВАК РФ, 1 публикация из перечня РИНЦ на английском языке.

Структура работы состоит из введения, 2-х глав в составе 6-ти параграфов, заключения, списка источников и литературы и 2-х приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

1.1. Основные теоретические подходы к изучению элиты

В современной социальной науке теория элит сложилась как междисциплинарное научное направление на стыке философии, социологии, политологии и других наук. Многообразие подходов к пониманию и интерпретации термина элита предопределило ситуацию, когда одному и тому же понятию разные исследователи дают различные определения. В этой связи главной задачей данного параграфа является осмысление и систематизация существующих подходов к исследованию элит для последующего конструирования понятийного аппарата исследования.

Начиная с древнейших времен, человечество проявляло большой интерес к людям, которые занимали высшие позиции в общественной структуре. Выделение небольшого числа лиц в отдельную социальную общность, которая осуществляла принятие и реализацию ключевых решений относительно развития государства и общества, вдохновляло философов на размышления относительно легитимности властвования таких лиц, справедливости государственного устройства и характеристиках идеального лидера. Впоследствии важнейшие постулаты стали основой для оформления полноценных элитологических теорий и способствовали формированию отдельного направления социально-гуманитарного знания.

Исторически первым подходом к пониманию элиты принято считать *ценностный подход*, согласно которому элита представляет собой особую группу, являющуюся образцом для остальных, а главным критерием деления на «элиты-массы» является степень развития морально-нравственных качеств и интеллектуальных способностей. Так, древнегреческий мыслитель Платон утверждал, что управление государством должны осуществлять философы, поскольку только для них идеалом выступают «... не спасение во имя существования, как это считает большинство, но достижение совершенства и

сохранение его на всем протяжении своей жизни»¹⁶. Аристотель, рассуждая о ключевых добродетелях правителя, особенно выделял рассудительность: «рассудительность – вот единственная отличительная добродетель правителя; остальные добродетели являются, по-видимому, необходимым общим достоянием и подчиненных и правителей <...> подчиненный – это как бы мастер, делающий флейты, а правитель – это флейтист, играющий на его флейте»¹⁷.

Оригинальное понимание элиты как исключительного меньшинства сформулировал немецкий философ Ф. Ницше. В рамках своей теории сверхчеловека он разделял все общество на «аристократов духа» и «чернь» по основанию величия души, главным проявлением которого является личная ответственность за собственную жизнь: «для хорошей и здоровой аристократии существенно то, что она себя чувствует не функцией, а смыслом и высшим оправданием существующего строя, поэтому она со спокойной совестью принимает жертвы огромного количества людей, которые должны быть подавлены и принижены ради нее до степени людей неполных, до степени рабов и орудий»¹⁸.

Х. Ортега-и-Гассет в контексте теории массового общества также разделяет всех людей на «избранные меньшинства» и «массы», где главными критериями разделения являются требовательность, творчество и ответственность: «избранные не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно. И конечно, радикальней всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить – это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерастить себя»¹⁹.

¹⁶ Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2016. С. 1090

¹⁷ Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4. М.: Издательство «Мысль», 1983. С. 452

¹⁸ Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. / Сост. К.А. Свасьян, пер. Ю.М. Антоновский, Н. Полилов, К.А. Свасьян, В.А. Флерова. М.: «Мысль», 1990. С. 259

¹⁹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет; Пер. с исп. А. Гелескула. Москва: АСТ, 2016. С. 8

Понимание элиты в рамках ценностного подхода характерно для русских философов-обществоведов. Н.А. Бердяев отмечал, что в любом обществе обязательно выделяются два класса: управляющее меньшинство – аристократия, дворянство, и управляемое большинство – народные массы. Аристократия представляет собой расу, члены которой наделены особыми качествами с рождения: «возможен лишь природный, прирожденный аристократизм от Бога. Права аристократии – права прирожденные, а не благоприобретенные. Душевная основа аристократизма – благородство. Благородство есть дар судьбы, особого рода душевная благодать <...> Народные массы приобщаются к культуре через выделение аристократии и исполнение ею своей миссии»²⁰.

К.П. Победоносцев также отмечал, что по своей природе все люди делятся на две категории – управляющие и управляемые, – «последние, как бы, рождены для подчинения и составляют из себя стадо, следующее за людьми воли и решения, составляющими меньшинство»²¹.

Б.Н. Чичерин выделял два типа элит – «естественную аристократию» и «бюрократию». Естественная аристократия является в его понимании истинной элитой, представителей которой объединяет наличие «общих взглядов, внимание не только к своим, но и к чужим выгодам, общие соображения, выходящие из круга ежедневной деятельности лица»²². Естественной элите противостоит бюрократия, олицетворяющая формальный, равнодушный, оторванный от реальной жизни государственный аппарат. По мнению Чичерина, рано или поздно представители бюрократической прослойки устраниют из своей среды все высшие идеалы и насаждают все низменное и инстинктивное, поэтому единственным выходом является переподчинение бюрократии истинной элите в лице аристократии.

²⁰ Бердяев Н.А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 139

²¹ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени [Электронный ресурс] – URL: <https://www.hramstrastoterpcy.ru/wp-content/uploads/2020/03/Победоносцев.-Великая-ложь-нашего-времени.pdf> (дата обращения: 01.10.2025);

²² Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1899. С. 132

Известный отечественный социолог Ж.Т. Тощенко, рассматривая российскую элиту с точки зрения ценностного подхода, вообще ставит под сомнение ее фактическое существование. С его точки зрения, элитой являются «представители общества, обладающие не только экономической, политической или военной властью, но в первую очередь определенными социальными и нравственными качествами»²³. Рассматривая структуру и состав элиты в России, он отмечает огромные противоречия между ее формой и содержанием. По его мнению, главной целью тех, кто сейчас имеет власть и ресурсы в России, является исключительно удержание своего экономического и политического капитала всеми возможными способами. В этой связи те группы людей, которые сейчас находятся у руля страны, не могут называться элитами по определению: «как это ни парадоксально, но к тем деятелям и тем группам людей, которые заправляют экономическими и политическими делами в современной России, наиболее применимы и соответствуют духу, целям и методам работы такие понятия, как «клики», «кланы», «касты»»²⁴.

Особое место в рамках ценностного подхода занимают труды итальянского социолога и экономиста В. Парето. Отправной точкой его рассуждений является понятие «социальной гетерогенности» – фундаментального закона общественного развития, утверждающего, что общество не может рассматриваться в единстве в силу разрозненности ценностных систем и способностей индивидов – «не упоминая об исключениях, немногих и недолговечных, повсюду мы имеем немногочисленный правящий класс, удерживающийся у власти частично с помощью силы, частично с согласия управляемого класса, более многочисленного»²⁵.

²³ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. С. 489-490

²⁴ Там же. С. 498

²⁵ Цит. по: Смирнов В.А., Сутырин В.В. Эволюция подходов к изучению политических элит в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: случай Литвы // ПОЛИТЭКС. 2011. №2. С. 116

Именно Парето первым предложил использовать термин «элита» для описания узкого круга лиц, обладающих властью, используя французский термин «elite» в качестве аналога итальянскому «classi elite», т.е. «избранные классы»²⁶. В отличие от предшественников, ключевым основанием выделения элиты для Парето является критерий личного достижения и мастерства: «предположим, что в любой сфере человеческой деятельности каждому индивиду присваивается некий индекс, показатель его способностей, наподобие экзаменационных оценок. Например, самому лучшему профессиональному специалисту дается десять баллов; тому, кто не сумел найти ни одного клиента, выставляется один балл, чтобы можно было выставить ноль баллов тому, кто является полным идиотом <...> Введем класс, в который будут входить те, кто имеют наиболее высокие показатели в своей области деятельности. Назовем его «элитой»²⁷. Таким образом, элита, согласно Парето, по своей природе множественна и представлена совокупностью индивидов, каждый из которых является наиболее успешным в своей области.

Альтернативное понимание элиты впервые было представлено итальянским социологом Г. Моска, которого принято считать родоначальником *позиционного (альтиметрического) подхода*. В основе данного подхода лежит понимание элиты как группы людей, принимающих стратегические решения общегосударственного масштаба исходя из своей занимаемой позиции в ключевых институтах общества.

Г. Моска, проведя сравнительный исторический анализ, отмечал, что власть всегда находилась, находится и будет находиться в руках меньшинства, сколько бы ни говорилось о народном представительстве, демократии, равенстве и т.д. Он приходит к выводу о том, что независимо от территории и степени развития, во все времена и во всех обществах неизбежно выделялись два класса – небольшой класс властвующих лидеров, осуществляющих политическое управление, и значительно

²⁶ Антология мировой политической мысли: Зарубежная политическая мысль. XX в. В 5-ти томах. Т. 2 / Отв. ред.: Алексеева Т.А.; Ред.-сост.: Ашин Г.К., Морозова Е.Г. М.: Мысль, 1997. С. 78

²⁷ Парето В. Компендиум по общей социологии / Пер. с ит. А.А. Зотова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 307-308

большой по численности класс управляемых: «первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые она дает, в то время как второй, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере, внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма»²⁸. Таким образом, впервые в научный оборот было введено понятие политической (правлящей) элиты, ключевым критерием принадлежности к которой являлось наличие должности, обуславливающей высокое место в структуре государственного аппарата.

Видным продолжателем позиционного подхода являлся американский социолог Ч.Р. Миллс. В рамках своей концепции «властвующей элиты» он констатировал, что власть в обществе институционализована, в связи с чем общество «есть ни что иное как комбинация социальных институтов, расклассифицированных в соответствии с выполняемыми ими функциями»²⁹. Миллс выделял шесть ключевых институтов, соответствующих основным социальным потребностям:

1. политический – институт власти, обеспечивающий сохранение социального порядка;
2. экономический – институт, организующий хозяйственную деятельность;
3. военный – институт, обеспечивающий социальный порядок;
4. семейный – институт, регулирующий половые отношения, рождение и первичную социализацию новых членов;
5. просветительский – институт, обеспечивающий профессиональную социализацию новых членов в рамках хозяйственной деятельности;

²⁸ Mosca G. *The Ruling Class* / A. Livingston (ed.). New York, 1939. P. 50

²⁹ Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко. Под общей редакцией и с предисловием Г.С. Батыгина. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 156

б. религиозный – институт, объединяющий членов общества и решающий его духовные проблемы.³⁰

Тем не менее, по мнению Миллса в капиталистическом обществе власть фактически распределена только между тремя наиболее значимыми институтами – политическим, экономическим и военным, – «а все другие социальные институты оказались на задворках современной истории и вынуждены в соответствующих случаях подчиняться первым трем»³¹. В этой связи распределение власти в рамках институтов «большой тройки» приводит к концентрации власти у политических деятелей, генералов и банкиров, занимающих руководящие должности. Для описания узкой прослойки отмеченных выше руководителей Миллс вводит в научный оборот понятие властвующая элита – «людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия»³². Соответственно, пропуском во властвующую элиту является высокая должность в одном из трех вышеназванных институтах американского общества: «...люди, составляющие элиту, – это не просто те, кто имеет больше всех; они не имели бы «больше всех», если бы они не занимали свои особые позиции в важнейших социальных институтах, ибо эти институты являются неперенными основами власти, богатства, престижа и в то же время главным орудием осуществления власти, приобретения и сохранения богатства, реализации самых высоких притязаний на престиж»³³.

Иной вариант применения позиционного подхода к пониманию элиты и общества в XXI веке представлен в работах Э. Гидденса. В рамках своей теории структуризации он констатирует дуальный характер существования социальной структуры «как посредника и как продукта поведения, которое она непрерывно

³⁰ Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко. Под общей редакцией и с предисловием Г.С. Батыгина. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 155-156

³¹ Там же. С. 27

³² Миллс Р. Властвующая элита / Перевод с англ. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 2-3

³³ Там же. С. 18

организует»³⁴: структура формируется в результате жизнедеятельности индивидов, но при этом она сама является ограничителем их действий, а индивиды, действуя в условиях ограничений со стороны структур, все равно имеют определенную степень свободы. В этой связи взаимодействие политической элиты (индивидов, занимающих высокие позиции в социальных иерархиях) и масс рассматривается Гидденсом как взаимодействие социальной структуры и агентов: политическая элита, обладая определенными ресурсами, связями и доступом к принятию решений, в значительной степени определяет социальное развитие общества, а массы, представленные индивидуальными и коллективными агентами, взаимодействуют с политическими элитами в рамках определенных форм политического участия.

Так, политическая элита сама по себе формируется посредством взаимодействия отдельных индивидов (людей, стремящихся к власти), и существующих структур, т.е. существующих социальных институтов и традиций – индивиды используют свои ресурсы для достижения целей, но при этом вынуждены считаться с существующими формальными и неформальными ограничениями. Политическая элита как структура использует различные механизмы контроля для поддержания своей власти (идеология, реформы, репрессии и т.д.). Массы, в свою очередь, играют важную роль в поддержании или изменении существующей структуры – они могут как поддерживать действующую политическую элиту, так и выступать против, создавая давление на нее и тем самым меняя структуру.

Оригинальный взгляд на функционирование элиты в обществе представлен в рамках *клиодинамического подхода* П. Турчина. Суть данного подхода заключена в утверждении, что любые общества в своем развитии проходят циклы роста, стабилизации и упадка. Данная динамика обусловлена по большей части внутренними противоречиями внутри различных социальных групп, ключевыми из

³⁴ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. С. 498

которых являются элиты и массы. Элиту Турчин раскрывает с точки зрения позиционного подхода – элитой являются те, кто обладает большой социальной властью, а основными слагаемыми власти являются богатство, возможность легального применения силы, административно-бюрократический ресурс, а также влияние на медиасферу.³⁵

Турчин, проводя анализ динамики развития государств на протяжении веков, отметил два ключевых фактора, обуславливающих переход общества к фазе спада – это перепроизводство элиты, заключенное в значительном дисбалансе спроса на руководящие посты со стороны контрэлиты и существующего предложения, и обнищание основной массы населения, которое связано с увеличивающейся диспропорцией в доходах, т.е. концентрацией большей части всех доходов в руках узкого круга элитариев. Игнорирование элитой интересов масс постепенно приводит к снижению легитимности власти, снижению доверия к социальным институтам, деградации социальных норм и, как следствие – к росту социальной напряженности, потере управляемости и глубокому общественно-политическому кризису.

Что касается российской школы элитологии, то в советский период никаких исследований элит фактически не проводилось – «до 1989 г. любые вопросы, связанные с изучением правящей группы страны, были тайной за семью печатями. Тогда не только исследования, но и упоминания самого слова «элита» были запрещены в СССР»³⁶. Только в 1989 году под руководством О.В. Крыштановской на базе Института социологии РАН был основан Центр изучения элиты, который долгое время оставался единственным научно-исследовательским подразделением данного профиля.

Во многом благодаря работам О.В. Крыштановской в рамках российской школы элитологии наибольшее распространение получил позиционный подход, в соответствии с которым элита – это «правлящая группа общества, являющаяся

³⁵ Турчин П.В. Конец времен [перевод с английского В. Железнова]. Москва: Издательство АСТ, 2024. С.21-22

³⁶ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 9

верхней стратой политического класса. Элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня. Элита не только правит обществом, но и управляет политическим классом, а также создает такие формы организации государства, при которых ее позиции являются эксклюзивными. Политический класс формирует элиту и в то же время является источником ее пополнения»³⁷.

Г.К. Ашин понимал под элитой «часть общества, состоящую из наиболее авторитетных, влиятельных людей, которые занимают ведущие позиции в выработке норм и ценностей, определяющих функционирование и развитие социальной системы»³⁸.

О.В. Гаман-Голутвина описывает элиту как «внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом»³⁹.

А.В. Дука дает функциональное определение элиты как «группы, осуществляющей, прежде всего, стабилизирующие функции в масштабах всего общества, а также его отдельных подсистем»⁴⁰. Рассуждая о качестве элиты в России, он так или иначе признает ее существование: «можно сказать, что объективно существует социальная группа, выполняющая функции общего управления и стабилизации социальной системы. Как она это делает – другой вопрос»⁴¹.

³⁷ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 73

³⁸ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография / Г.К. Ашин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 15

³⁹ Там же. С. 100

⁴⁰ Дука А.В. Перспективы социологического анализа властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том 3. № 1. С. 78

⁴¹ Дука А.В. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. 2009. № 1(62). С. 158

В рамках современных исследований элит позиционный подход постоянно модернизируется и дополняется: так, например, для выявления ядра бюрократических элит США норвежские исследователи выделили не просто тех, кто занимал элитные должности, а тех, кто сумел сохранить эти должности после значимых политических потрясений на протяжении определенного времени – именно эти «выжившие» («survivors») и есть та настоящая элита, которая самым непосредственным образом влияет на принятие стратегических решений.⁴²

Отдельно стоит отметить концепции, авторы которых попытались объединить ценностный и позиционный подход к пониманию элиты. Так, попытку объединения ценностного и позиционного подходов в середине XX века предпринял американский исследователь Г. Лассуэлл, с точки зрения которого все люди в обществе изначально имеют равные возможности достижения общественных благ, однако не все индивиды, имея изначально равные возможности, способны добиться высот и влиться в элиту. По мнению Лассуэлла, для того чтобы пробиться на самый верх индивид должен иметь как определенные способности, так и конкретные заслуги. В этой связи единственным действенным способом достижения общественных благ является взаимодействие «актор-среда», сутью которого является формула «человек стремиться к благам через институции при помощи ресурсов». Достигнув вершины социальных институтов, индивиды стремиться к сохранению своего доминирующего положения при помощи определенных ресурсов различными способами, включая насилие.

Попытка синтеза ценностного и позиционного подходов к пониманию элиты также отмечена в работах американского политолога итальянского происхождения Д. Сартори. Согласно его концепции, главным критериями элитности является доступ к контролю политической власти. Пытаясь определить конкретные индикаторы принадлежности человека к элите, он определяет два необходимых критерия – руководящую должность и профессионализм, позволяющий занимать

⁴² Geys B., Læg Reid P., Murdoch Z., Webb Yackee S. I'm a Survivor: Political Dynamics in Bureaucratic Elites' Partisan Identification // American Political Science Review. 2024. P. 1-15

эту должность: «...власть возносит наверх, а обладающий властью потому и обладает ею, что находится наверху <...> с другой стороны, некто не потому оказывается наверху, что обладает властью, а как раз наоборот – лицо обладает властью и находится наверху потому, что того заслуживает»⁴³.

Иначе говоря, принадлежность человека к элитному слою обусловлена тем, что он занимает позицию и вместе с тем имеет профессионально-деловые заслуги, которые дают ему право занимать привилегированное положение. Если достижения элитария утрачивают свою значимость и больше не соответствуют занимаемой должности, то происходит обновление элиты: «в самом деле, когда заслуги и власть совмещены, мы наблюдаем состояние устойчивого общественного равновесия; когда они оказываются разведены, наступает неравновесие, порождающее круговорот: элиты «де-факто», т. е. альтиметрические, вытесняются элитами «по способностям», т. е. подлинными элитами»⁴⁴.

Одним из оригинальных подходов к пониманию элит является *технократический подход* Д. Бернхема и Д. Гэлбрайта. Отталкиваясь от идей К. Маркса относительно определяющей роли экономического базиса, Бернхем понимает под элитой «группу, которая, по сравнению с остальным обществом, в большей степени контролирует доступ к средствам производства и распоряжается распределением товаров»⁴⁵. При этом Бернхем существенно расходится с Марксом относительно видения будущего, утверждая, что после эпохи капитализма возникнет не социализм, а совершенно новая общественная формация – «менеджерское общество», – поскольку технологическая революция XX века приведет к появлению новой управляющей прослойки профессионалов-менеджеров, которые неизбежно станут ведущей экономической и, впоследствии, политической силой: «именно менеджеры, а не бюрократы будут являться

⁴³ Сартори Д. Вертикальная демократия // Полис. Политические исследования. 1993. №2. С. 81

⁴⁴ Там же. С. 82

⁴⁵ Burnham J. The Managerial revolution. What is happening in the world. N.Y.: Day, 1941. P.

ведущим звеном нового правящего класса»⁴⁶. Государственные служащие-руководители, по Бернхему, «не смогут сами по себе составить эффективный и стабильный правящий класс, так как у них нет экономической базы»⁴⁷.

Развивая идеи Бернхема, Д. Гэлбрэйт для описания нового менеджерского класса вводит понятие «техноструктура» – «комплекс ученых, инженеров и техников, работников сбыта и рекламы, экспертов, бюрократов, координаторов <...> они становятся руководящим разумом деятельности фирмы»⁴⁸. По мнению автора, ключевым критерием включенности в элиту станет не богатство, а исключительный доступ к знаниям и технологиям. Техноструктуру, таким образом, следует рассматривать как группу специалистов, которые обладают уникальными компетенциями в своей профессиональной сфере, позволяющими эффективно влиять на разработку и принятие решений в сфере управления: «принято считать, что власть исходит с самой вершины <...> Такой порядок имеет место в очень примитивных организациях <...> За некоторыми исключениями, принятие решения требует информации, и в этом случае некоторая власть к лицу или ряду лиц, обладающих необходимой информацией»⁴⁹. Гэлбрэйт приходит к выводу, что будущая элита превзойдет по качеству все ранее известные элиты благодаря двум важным качествам: во-первых, ее представители будут гораздо более эффективными ввиду наличия профессионального управленческого опыта, и, во-вторых, будущая элита будет в большей степени меритократическая, поскольку важнейшим условием достижения своего положения станет критерий личной заслуги.

Технократический подход к пониманию элиты получил серьезное развитие в XXI веке, когда в полной мере произошло оформление концепта «цифровое общество» как «технократического общества, в котором наиболее важным

⁴⁶ Burnham J. The Managerial revolution. What is happening in the world. N.Y.: Day, 1941. P. 147

⁴⁷ Там же. P. 156

⁴⁸ Гэлбрэйт Д.К. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж.К. Гэлбрэйт. М.: Эксмо, 2008. С. 84

⁴⁹ Там же. С. 79

становится не только собственность и деньги, но и обладание технологиями, умение их создавать, осуществлять с их помощью контроль за развитием экономики и общества <...> в таком обществе формируется новая цифровая элита – социальная страта, занимающая ключевое положение в сетевом обществе, обладающая креативными способностями, контролирующая информационные потоки и банки данных, которая может использовать достижения современных информационных технологий для управления экономикой и обществом в своих целях»⁵⁰. По мнению А.П. Кочеткова, ядро новой элиты составляют владельцы крупнейших мировых IT-компаний, в то время как периферия представлена наиболее креативными представителями топ-менеджмента этих же корпораций.⁵¹

Стоит, однако, отметить, что концепт «цифровая элита» в рамках технократического подхода не является единственным. Наряду с ним широкое распространение получил концепт «*нетократия*», впервые использованным А. Бардом и Я. Зондерквистом для описания новых элит, которые распоряжаются информацией и занимают лидирующие позиции в сетевых взаимодействиях, пользуясь вниманием как ценнейшим ресурсом.⁵² Распространенным термином для новой элиты также является концепт «*диджерати*» (*digerati*), введенный Д. Брокманом для обозначения новой элиты, состоящей из «верхушки IT-индустрии, предпринимателей-инноваторов, исследователей и учёных в области компьютерных технологий, а также, что немаловажно, лидеров мнений, которые продвигали технокультуру и её ценности в печатных и электронных медиа, на различных мероприятиях»⁵³.

⁵⁰ Кочетков А.П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. №1. С. 201

⁵¹ Там же. С. 202

⁵² Цит. по: Давыдов Д.А. И сказал Интернет: сотворим нетократию по образу и подобию нашему. Критический взгляд на концепцию посткапитализма А. Барда и Я. Зондерквиста // Дискурс-Пи. 2022. №4. С.70

⁵³ Гавра Д.П. Цифровая элита vs. аналоговая элита: трансформация социальной стратификации в сетевую эпоху // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2018. № 4. С. 119

В российской социологии наиболее широкое распространение получил концепт «смарт-элиты» (smart elite) как «группа внутри политической элиты <...> которая берет на себя не только ответственность за вопросы оперативного управления страной, но и направлена на осмысление стратегических задач, перспективного планирования, в первую очередь связанных с использованием новых цифровых технологий»⁵⁴. По мнению О.В. Крыштановской и Н.Н. Мещеряковой, «помимо инсайдеров из политической элиты, в смарт-элиту следует включить и специалистов, находящихся за бортом системы власти, но непосредственно участвующих в выработке решений по цифровизации: работников сферы IT, бизнесменов, юристов, политтехнологов и пр.»⁵⁵. В этой связи одним из новых способов объективного изучения элиты в цифровую эпоху является анализ метрик в социальных медиа и онлайн-СМИ, таких как количество лайков, репостов, охват пользователей, контекст упоминания, тональность публикаций и др.⁵⁶

Еще одним подходом к изучению элит является *сетевой подход*. В рамках данного подхода распределение власти в обществе объясняется посредством взаимодействия различных акторов, групп акторов и социальных институтов, а властная сеть представлена в виде сети, не имеющей определенной структуры и иерархии, которая формируется по определенному случаю для решения конкретной проблемы. Один из виднейших представителей сетевого подхода Д. Ноук отмечал, что «внутриорганизационные сети дают нам возможность описать и проанализировать всех существенных политико-управленческих акторов – от представленных в парламенте партий и правительственных ведомств до бизнес-

⁵⁴ Мещерякова Н.Н., Крыштановская О.В. Смарт-элиты: контуры концепции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т.11. №4. С. 31

⁵⁵ Там же. С. 33-34

⁵⁶ См., например: Крыштановская О.В. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2019. Т.2. №2. С. 4-11; Nurdiningsih S., Susilo D., Murwani E. Social Network Analysis: Political Elite Actors #DemokratLawanBegal on Twitter // Jurnal Komunikasi Profesional. 2024. 8(1). P. 19-37

ассоциаций, профсоюзов и других общественных объединений»⁵⁷. При исследовании элит при помощи сетевого подхода учитываются как формальные структуры распределения власти в обществе, так и неформальные механизмы взаимодействия ключевых акторов.

Одним из примеров применения принципов сетевого подхода является исследование элит, проведенное американским исследователем Ф. Хантером в городе Атланта. Согласно его видению, «власть заключена в людях – отдельных индивидах и группах, их взаимоотношениях между собой. Поэтому для объяснения структуры и характера власти, прежде всего, необходимо выявить таких людей»⁵⁸. В свою очередь, высокая позиция в ключевых институтах общества не является достоверным индикатором доступа к власти, поэтому мы никогда не можем сделать вывод о распределении властных отношений без предварительной эмпирической проверки. Используя метод экспертного опроса, Хантер составил список наиболее влиятельных представителей местной элиты. Следующим этапом стало определение их групповой и институциональной принадлежности: полученная профессия, занимаемая должность, членство в каком-либо клубе, по возможности – неформальные связи. И уже после этого он изучил конкретные карьерные траектории этих лидеров, их рекрутирование, функции и роли. Именно такая последовательность этапов, по мнению Хантера, позволяет рассмотреть основные структурные элементы, характеризующие власть в социальной общности.⁵⁹

Примером использования принципов сетевого подхода по отношению к исследованию элит в России является концепция Е. Минченко, получившая название «Политбюро 2.0». Данная концепция направлена на описание неформальной структуры принятия решений в России, сложившейся вокруг главы

⁵⁷ Цит. по: Антанович Н.А. Перспективы использования сетевого подхода в политической науке // Социология. 2010. № 2. С. 47

⁵⁸ Цит. по: Володин К.С. Кто управляет? Классики элитологии о властвующих элитах городских общностей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 9(89). С. 235

⁵⁹ Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. P. 60

государства. Согласно концепции, в состав данной структуры входят люди ближнего круга Президента, способные аккумулировать значительные ресурсы, распоряжаться ими и создавать собственные сети влияния, причем их формальные позиции не являются определяющими при оценке политического влияния. Состав данной структуры принятия решений, а также ранжирование определяется как на основе многочисленных экспертных интервью, так и на основе других показателей, таких как количество личных встреч с главой государства.⁶⁰ Тем не менее, по мнению самого Минченко, в настоящий момент концепция «Политбюро 2.0» испытывает кризис, связанный с фундаментальными изменениями внутренней политики.⁶¹

Стоит также отметить оригинальный дизайн исследования российской политической элиты, проведенного О.В. Крыштановской в рамках сетевого подхода: в целях определения круга элитариев, имеющих наибольший политический вес независимо от официально занимаемых позиций, был проанализирован персональный состав участников еженедельных совещаний с участием Президента (список присутствовавших на совещании ранее публиковался в открытом доступе). Таким образом, сравнительный анализ участников президентских совещаний на определенном временном отрезке позволял выявить ядро постоянных участников, которые, с большой долей вероятности, обладали наибольшим политическим весом и оказывали ключевое влияние на принятие стратегических решений в стране.⁶²

Впоследствии сетевой подход получил развитие в рамках теории равновесия, анализа нарративов и групп интересов, которая направлена на выявление истинной

⁶⁰ Минченко Е., Петров К., Баландин Ю. «Политбюро 2.0.» и «Новая холодная война»: элиты в поисках «новой нефти». Официальный сайт коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» [Электронный ресурс] – URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Politbyuro_21_final_15.07.21.pdf (дата обращения: 01.10.2025)

⁶¹ Евгений Минченко: «Все карьеры сейчас будут через Донбасс!». Официальный сайт деловой электронной газеты «Бизнес Online» [Электронный источник] – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/560803> (дата обращения: 01.10.2025)

⁶² См., например: Kryshstanovskaya, O. Inside the Putin court: A research note // Europe-Asia Studies. 2005. Vol.57(7). P. 1065-1075

структуры властных отношений через призму принятых решений. В данном случае, ключевым критерием «элитности» человека является не его позиция во властной иерархии и не экспертная оценка его «элитности», а конкретное зафиксированное изменение в политике, по результатам которого конкретный индивид, либо группа индивидов, получили определенное преимущество.⁶³

Таким образом, рассмотрев основные подходы к исследованию элит, сложившихся в рамках гуманитарных наук, можно констатировать, что авторы вкладывают в понятие элиты различные критерии и смыслы:

- Элита – философы, обладающие рассудительностью и способные ставить общественные интересы выше собственных (Платон, Аристотель);
- Элита – наиболее волевые, творческие и ответственные индивиды (Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Ницше);
- Элита – особая психическая раса, особенностью которой является благородство, данное от Бога (Н.А. Бердяев);
- Элита – наиболее успешные люди в своей сфере деятельности (В. Парето);
- Элита – наиболее активное меньшинство, ориентированное на завоевание политической власти (Г. Моска);
- Элита – узкая группа людей, занимающих позиции в ключевых социальных институтах, которые позволяют им принимать стратегические решения в масштабах всего общества (Ч.Р. Миллс);
- Элита – высшая страта политического класса (О.В. Крыштановская);
- Элита – особая социальная группа, объединяющая наиболее авторитетных и признанных обществом персон, играющих ключевую роль в формировании базовых правил и ориентиров в масштабах всего социума (Г.К. Ашин, О.В. Гаман-Голутвина);

⁶³ Weible C., Sabatier P. Theories of the Policy Process. New York: Westview Press, 2018. P. 301-309

- Элита – группа, осуществляющая управленческие и стабилизирующие функции в масштабах социальной системы (А.В. Дука);
- Элита – наиболее «заслуженные» люди, достигшие руководящих позиций в рамках ключевых социальных институтов (Г. Лассуэлл, Д. Сартори, Э. Гидденс);
- Элита – группа менеджеров-технократов, имеющих эксклюзивный доступ к знаниям и информации (Д. Бернхем, Д. Гэлбрейт, А. Бард, Я. Зордквист);
- Элита – группа индивидов, обладающих наибольшим количеством властных и экономических ресурсов независимо от их позиции в ключевых социальных институтах (Д. Ноук, Ф. Хантер, Е. Минченко).

Тем не менее, при всем многообразии подходов и определений можно выделить общие положения, которые определяют концептуальную модель диссертационного исследования:

1. В любом обществе, независимо от степени и формы его развития, существует расслоение на страты, основными из которых являются две: «элита», составляющая меньшинство, и «массы», представляющие собой большинство. Данное положение образует ядро теории элит и является фундаментальной предпосылкой для дальнейшего анализа;

2. Ключевая функция элиты заключается в управлении обществом посредством выработки и реализации стратегических решений, оказывающих непосредственное влияние на его развитие;

3. Элита служит эталоном поведения для широких масс населения;

4. Представители элиты выделяются яркими личностными чертами, выдающейся активностью и харизмой, что способствует достижению ими лидерских позиций в различного рода коллективах и сообществах;

5. Ключевыми характеристиками элиты является наивысший уровень обеспеченности основными ресурсами, наивысшее положение в рамках общественной структуры и наивысший социальный статус;

6. Внутри элиты также существует дифференциация, обусловленная неодинаковым доступом к различного рода ресурсам – положение элитария формируется не только за счет социального статуса, но и за счет связей с различными элитными и неэлитными группами, интересы которых он представляет;

7. В рамках современного общества имеется возможность как восходящей элитной мобильности, так и горизонтальной внутриэлитной мобильности между различными ее сегментами.

Обобщение приведенных выше положений позволяет вывести сущностное определение *элиты* как социального меньшинства:

- 1) занимающего высшие позиции в различных социальных иерархиях;
- 2) осуществляющего выполнение ключевых функций в обществе, таких как управление и интеграция;
- 3) обладающего исключительным правом на принятие решений относительно производства и распределения основных ценностей и ресурсов в обществе.

В данной работе мы придерживаемся точки зрения, что основополагающим критерием социальной стратификации является доступ к *власти*, под которой мы, вслед за М. Вебером, понимаем «любую вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась»⁶⁴. Самой сильной разновидностью власти в обществе является *политическая власть*, поскольку политическая власть:

1. Носит всеобъемлющий характер, т.е. распространяется на всех членов общества;
2. Подкреплена монопольным правом государства на применение силы;
3. Способна контролировать иные формы власти в обществе.

⁶⁴ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т.1. Социология / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 109

Политическая власть представляет собой особый вид власти, которая осуществляется через формальные и неформальные политические структуры, включая правительственные организации.⁶⁵ Ключевым субъектом, осуществляющим политическую власть, является *политическая элита* – «политическая элита не только определяет направление и программу действий всех других элит страны, но и координирует их деятельность, а также осуществляет контроль за их работой»⁶⁶.

Тем не менее, анализ научной литературы позволяет констатировать, что для определения правящей социальной общности, наряду с понятием политическая элита, получили распространение такие термины как «*властная элита*»⁶⁷, «*правящая элита*»⁶⁸, «*административная элита*»⁶⁹, «*управляющая элита*»⁷⁰, «*политический класс*»⁷¹, «*политико-административная элита*»⁷², «*административно-политические элиты*»⁷³. В этой связи важной задачей является прояснение взаимосвязи данных понятий, что в дальнейшем позволит избежать путаницы при конструировании понятийного аппарата исследования.

⁶⁵ Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА М – Норма, 1998. С. 41

⁶⁶ Пляйс Я.А. Политическая элита постсоветской России: этапы трансформации, проблемы совершенствования. АНО «Политическая энциклопедия», 2024. С. 10

⁶⁷ См., например: Дука А.В. Властные элиты в пространстве скандала (случай генерала Золотова) // Власть и элиты. 2018. Т.5. С. 110-149

⁶⁸ См., например: Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 97-103

⁶⁹ См., например: Тев Д.Б. Региональная административная элита: социальнопрофессиональные источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2022. Т.9. №2. С. 146-171

⁷⁰ См., например: Челенкова И.Ю. Нравственные аспекты «служения» российской управляющей элиты // Социально-гуманитарные знания. 2022. №7. С. 42-46

⁷¹ См., например: Каневский П.С. Политический класс как ключевая категория политического процесса // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 4(56). С. 145-152

⁷² См., например: Борщевский Г.А. Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России // Журнал политической философии и социологии политики. 2018. № 1(88). С. 82-99

⁷³ См., например: Игнатов В.Г., Понеделков А.В., Старостин А.М. Административно-политические элиты России: методологический и феноменологический аспекты исследования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2005. №3-4. С. 36-60

Одним из наиболее важных вопросов является вопрос о соотношении понятий «политическая элита» и «политический класс». Г. Моска впервые вводит понятие «политический класс», определяя его как класс профессиональных политиков, живущих для политики и ради политики.⁷⁴ В политический класс входят как уже наделенные властью индивиды, так и те, кто стремится ее получить в будущем. Данная структура политического класса была близка и В. Парето, который отмечал наличие в обществе правящей и неуправляющей элиты: «для исследования социального равновесия полезно разделить этот класс на две части; выделим тех, кто прямо или косвенно играет заметную роль в управлении обществом и составляет правящую элиту; остальные образуют неуправляющую элиту... итак, мы имеем две страты населения, а именно: 1) низшая страта, неэлита, относительно которой мы пока не выясняем какую роль она может играть в управлении; 2) высшая страта, элита, делящаяся на две части: а) правящая элита; в) неуправляющая элита»⁷⁵. В этой связи согласимся с О.В. Крыштановской что «политическая элита является верхней стратой политического класса <...> а политический класс, формирующий политическую элиту, в то же время является источником ее пополнения»⁷⁶.

Стоит отметить, что элита в рамках своего сущностного определения уже предполагает наличие у ее представителей власти, следствием которой является возможность управлять. Исходя из этого, такие понятия как «правящая элита», «властная элита», «управляющая элита» сами по себе являются тавтологией. На наш взгляд, все вышеперечисленные понятия сводимы к понятию «политическая элита», поскольку основным содержанием политики является завоевание, удержание и использование власти в масштабах всего общества.

Употребление терминов «административная элита», «политико-административная элита», «административно-политические элиты» во многом

⁷⁴ Цит. по: Соловьева Д.Д. Подходы к пониманию структуры и компонентов политического класса // Социально-политические науки. 2020. Т.Х. №1. С. 33-39

⁷⁵ Парето В. Компендиум по общей социологии / Пер. с ит. А.А. Зотова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 413

⁷⁶ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 74

связано с попыткой выделения субэлитных групп по различным основаниям. Как писала О.В. Крыштановская, «субэлитные группы могут быть отраслевыми (политическая, экономическая, военная субэлиты), функциональными (идеологи, силовики, администраторы и пр.), иерархическими (субэлитные слои), рекрутационными (назначенцы, избранники). Отраслевых субэлитных групп можно выделять столько, сколько требуется детальностью анализа»⁷⁷. В данном конкретном случае употребление вышеназванных понятий связано с традиционным веберовским разделением политического класса на две подгруппы: политиков, которые получают/ теряют власть в зависимости от результатов электорального цикла, и бюрократов, которые сохраняют свои должности вне зависимости от результатов электорального цикла.⁷⁸

В конце концов необходимо отметить, что понятие политическая элита является наиболее устоявшимся и используется большинством российских и зарубежных элитологов для описания социальной общности, члены которой имеют всю полноту власти в обществе. На наш взгляд, наиболее целесообразным при исследовании политической элиты исходить из критериев позиционного подхода, поскольку данный подход обладает рядом преимуществ, такими как объективность, верифицируемость и доступность, что и делает его наиболее применимым в рамках диссертационного исследования. В этой связи определим *политическую элиту* как социальную общность, обладающую политической властью, контролирующую основные ресурсы общества и принимающую стратегические решения общегосударственного уровня.

1.2. Этапы становления политической элиты России

Для глубокого понимания особенностей формирования политической элиты в обществе важно начать с исследования ключевых аспектов зарождения самого общества, связанных с «рождением его «духа», его культурного архетипа, т.е.

⁷⁷ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 40-41

⁷⁸ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644-706

системного набора жизненных смыслов, консолидирующих общество»⁷⁹. Анализ изучения научных источников позволил нам выделить ряд важнейших аспектов, существенно повлиявших на формирование российской государственности:

1. Географическое положение, отличительной чертой которого являются суровые климатические условия – особенности территории, сопряженные с низкой производительностью труда, обусловили становление жесткой вертикали власти, способной к концентрации ресурсов для выживания системы государства, и особую роль бюрократического аппарата как главного субъекта государственной политики.

2. Низкая производительность труда и вертикаль власти обусловили формирование общинной формы организации жизни социума с иерархической системой приоритетов: наивысший приоритет – государственные интересы, затем интересы общины, затем интересы семьи и в последнюю очередь интересы отдельного человека.

3. Обширные территории, малопригодные для ведения оседлого типа хозяйствования, обусловили развитие экстенсивной подсечно-переложной системы земледелия, сопряженной с необходимостью постоянной экспансии на новые территории. Данное обстоятельство способствовало формированию протяженной государственной границы, что в большинстве случаев приводило к вооруженным столкновениям и обуславливало необходимость наличия боеспособной армии как одного из ключевых институтов общества.

4. Сохранение культуры и самосознания народов, входивших в состав России, как особенность внешней политики.⁸⁰ В этой связи общей культурной рамкой для многочисленных народов стала Православная церковь и идея

⁷⁹ Чешев В.В. Могла ли в России сформироваться цивилизационная элита? // Идеи и идеалы. 2020. №2-1. С. 37

⁸⁰ Михайлюк В.М. Пермская шкатулка. Пермь и пермский край в судьбе России. ИД: «Пермские новости», 2007. С. 73

«проправославного консенсуса»⁸¹ как идеологии справедливости и равенства для всех народов на основании постулатов православной веры.

Совокупность всех перечисленных выше аспектов привела к возникновению особого типа политического устройства под названием «царское самодержавие», при котором глава государства имел статус «божьего помазанника» и в этой связи имел право «одновременно править, судить, законодательствовать, именоваться Главой Церкви и Императорской Фамилии, а также быть наследственным обладателем государственной территории с указанием об этом в его титуле»⁸². В этой связи Т. Грэм справедливо отмечает, что «в России государственная власть никогда не позиционировалась как эманация общества, созданная для защиты прав граждан <...> Скорее она возникла как инородная сила, призванная установить порядок и управлять непокорными людьми»⁸³.

Таким образом, для обеспечения жизнеспособности государства в условиях внешних угроз постепенно формируется жестко иерархизированная система власти, что, по оценкам экспертов, является характерным проявлением мобилизационной модели развития, сущность которой сводится к достижению «чрезвычайных целей с помощью исключительных средств и экстренных организационных форм»⁸⁴. Указанная модель носит принципиально иной характер по сравнению с моделью постепенного, эволюционного развития, поскольку ставит во главу угла не частно-экономические, а государственно-политические интересы. В этой связи важно отметить, что взаимодействие между различными акторами в рамках российской модели государственного управления происходило в условиях

⁸¹ Узланер Д.А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 37-38

⁸² Шайрян Г.П. Цивилизационно-культурная самобытность Российской государственности на основе воззрений зарубежных авторов / Г. П. Шайрян // Право – явление цивилизации и культуры, Москва, 30-31 марта 2018 года / Российский университет дружбы народов. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 332

⁸³ Грэм Т. Россия и США на мировой сцене. Часть III. Роль мессианства, исключительности, амбиций и выживания в разжигании соперничества // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 60

⁸⁴ Погребинская В.А. Мобилизационная модель догоняющей модернизации России (первая половина XX века) // Мир новой экономики. 2020. №2. С. 82

отсутствия значимого давления со стороны внешних акторов, в частности со стороны институтов гражданского общества.

Приведенную выше точку зрения разделяет известный отечественный исследователь Я. Пляйс – «в России политическая и иная модернизация всегда имела свою специфику. С одной стороны, она диктовалась необходимостью догоняющего развития, а с другой – она всегда проводилась по воле верхов, осознававших на определенном этапе развития страны опасность ее отставания и настоятельную потребность его преодоления. Из этого вытекает, что внешний фактор всегда играл особую роль в модернизации России в целом и политической сферы в частности»⁸⁵.

Кроме того, по мнению А.И. Сперкача, российская модель государственного управления имеет специфику «центр-периферия», проявляющуюся в способности «политического Центра к концентрации материальных ресурсов зачастую вопреки частным интересам и пожеланиям элит другого уровня, в частности региональных <...> Ее причины носят исторический характер, закрепленный успешными ответами на целый ряд стратегических вызовов, и, с понятными оговорками, они характеризуют и Московское царство, и Петровскую империю, и СССР, и, как все более отчетливо проявляющаяся тенденция, Российскую Федерацию XXI в.»⁸⁶. Становление российского государства происходило под влиянием жестких природно-климатических и иных факторов, обусловивших постоянную необходимость концентрации колоссального объема ресурсов, многократно превышающих возможности отдельных экономических субъектов, и посильных исключительно государству. Вследствие этого все политические структуры оказывались полностью интегрированы в структуру аппарата государственной бюрократии.

⁸⁵ Пляйс Я.А. Политическая элита постсоветской России: этапы трансформации, проблемы совершенствования. АНО «Политическая энциклопедия», 2024. С. 19

⁸⁶ Сперкач А.И. Цивилизационные основания межэлитного взаимодействия в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. №3. С. 49

В рамках мобилизационного сценария развитие государства сопряжено с эксплуатацией ресурсов системы на максимальном уровне, что иногда вызывает острую ответную реакцию со стороны населения и приводит к сопротивлению проводимой сверху политике. Для преодоления подобного сопротивления государство вынуждено поддерживать эффективную систему силовых ведомств, направленных на принудительную реализацию государственных решений вне зависимости от их одобрения. Именно это объясняет тот факт, что исторически на содержание российской политики огромное влияние оказывают представители силовых структур: «эта привязка обеспечивает согласованность и порядок, тем самым гарантируя выживание моноцентрической российской государственности в том виде, в каком она развивалась исторически»⁸⁷. Таким образом, российская элита исторически формировалась как идеологически гомогенная общность: ее монолитность обеспечивалась за счет консенсуса подавляющего большинства представителей по ключевым социальным, политическим и экономическим вопросам, а те, кто отклонялся от общепринятой позиции, маргинализировался и исключался из системы как инородный дисфункциональный элемент.⁸⁸

Преобладание мобилизационной модели развития общества в истории России обусловило формирование особой системы формирования элиты. Принято считать, что в самом начале становления государственности на Руси высшим классом общества являлась княжеская дружина – дружинники представляли своего рода наемную элиту, существовавшую за счет княжеских доходов, и нуждались в князе гораздо больше, чем князь нуждался в них. Далее, по мере развития государства, модель наемной элиты трансформируется в более надежную – родовую, – согласно которой княжеское назначение на управление городами происходило за счет княжеских сыновей и ближайших родственников. В рамках данной модели удельные князья сохраняли определенную независимость от

⁸⁷ Viktorov I., Kryshchanovskaya O. Presidential Succession in Russia: Political Cycles and Intra-Elite Conflicts // Russian Politics. 2023. 8(1). P. 119

⁸⁸ Хигли Дж. Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа // Сравнительная политика. 2010. №1. С. 57

главного киевского князя, что имело свои недостатки и впоследствии привело к феодальной раздробленности, ослаблению и стало одной из главных причин татаро-монгольского ига.

Во времена Московской Руси соби́рание русских земель и острая необходимость в управляемости обусловили централизацию власти – глава государства отныне являлся уже не первым среди равных князей, а единоличным самодержцем, обладающим практически неограниченной властью. Концентрация власти в одних руках требовала беспрекословного подчинения регионов центру, а также личной преданности государю, и зачастую приводило к масштабным репрессиям. По итогу многочисленные чистки элиты негативно сказывались на ее качественном и количественном составе, что отчетливо проявилось в период Смутного времени – потребовалось срочное расширение социальной базы, которое в итоге произошло за счет привлечения к государственной службе дворянства, которые, отличии от бояр, не имели в собственности каких-либо значимых социальных благ и полностью завесили от государя.⁸⁹

Особенно показательной в этой связи является эпоха преобразований под руководством Петра I, который за время своего правления осуществил масштабную административную реформу, завершившуюся созданием Табели о рангах. Историческое значение Табели о рангах состояло в рационализации административной службы: единственным способом получения дворянского титула являлась продолжительная государственная служба, принцип которой сводился к соблюдению четкой служебной иерархии.⁹⁰ Таким образом, со времен Петра I именно дворянство становится главной опорой для государей и окончательно смещает боярство со своих позиций.

Дворянство оставалось опорой для правителей на всем протяжении правления династии Романовых, однако за это время оно существенно

⁸⁹ Холяев С.В. Смутное время: аристократическая революция 1.0 // Современная научная мысль. 2019. №5. С. 16

⁹⁰ Пудина С.И. Служба дворянина в первой четверти XVIII в. согласно «Табели о рангах» // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. №1(33). С. 169

видоизменилось, повторяя цикл развития боярского сословия – дальнейшее укрепление и развитие государственного аппарата привело к резкому росту численности государственных служащих.⁹¹ Дворянство как «элита заслуги» постепенно вырождалась, что сначала привело к неспособности преодоления негативных тенденций XIX века, а после – к революциям XX века и последующему замещению более способной контрэлитой. Примечательно, что в организации февральской революции 1917 года и дальнейшей ликвидации дворянского сословия приняли участие сами дворяне, что по мнению экспертов является беспрецедентным правовым феноменом.⁹²

После революции 1917 года власть переходит Коммунистической партии, представленной небольшой группой профессиональных революционеров во главе с В. Лениным. Члены данной немногочисленной группы отличались железной внутрипартийной дисциплиной, единством убеждений и впоследствии образовали ядро политической элиты, осуществлявшей управление новым государством. Спустя некоторое время, вследствие необходимости жесткой централизации, снова происходит заметное увеличение численности центральных партийных органов и снова формируется значительная прослойка государственных бюрократов.

Со смертью Ленина руководство партией переходит к И. Сталину, который сначала ликвидирует существовавшие внутренние оппозиционные фракции внутри партии, чем укрепляет свою позицию и одновременно повышает роль Центрального Комитета. Далее Сталин начинает волну чисток против старого поколения революционных лидеров, которые уступают место новым кадрам, демонстрирующим абсолютную лояльность: главным качеством новых партийцев является беспрекословная исполнительность. Как впоследствии писал бывший соратник Сталина Л. Троцкий, «с помощью деморализующих методов,

⁹¹ Гурьянов П.А. Социально-экономические предпосылки революции 1917 года: уроки истории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. №4. С. 10

⁹² Февраль 1917: дворяне против дворянского государства. Правовые расследования РАПСИ. Официальный сайт РАПСИ [Электронный источник] – URL: https://rapsinews.ru/incident_publication/20181120/291332387.html (дата обращения: 01.10.2025)

превращающих мыслящих коммунистов в машины, убивающих волю, характер, человеческое достоинство, верхушка успела превратиться в несменяемую и неприкосновенную олигархию, подменившую собою класс и партию»⁹³.

Экономическая отсталость нового государства обуславливает проведение масштабных экономических реформ в сжатые сроки. Отсутствие института частной собственности и, соответственно, отсутствие частных экономических интересов обуславливают преобладание политических факторов над экономическими – как и при правлении Петра I, форсированная модернизация проводится по инициативе высшего руководства во главе со Сталиным. Критическая необходимость быстрых преобразований полностью оправдывает легитимность полного контроля коммунистической партии над всеми сферами личной и общественной жизни, что также подразумевает монополию на государственное управление, применение насилия и распоряжение собственностью.

Известный югославский историк М. Джилас, исследуя становление новой советской элиты, ввел в научный оборот термин «новый класс» – «особый слой внутри самой бюрократии, состоящий из людей не занятых непосредственно административной работой, составляет ядро правящей бюрократии или того, что я называю новым классом. Это и есть партийная или политическая бюрократия, тогда как другие бюрократы – всего лишь аппарат, подчиненный новому классу»⁹⁴.

Известный исследователь советских элит Д. Хоскинг, описывая существование нового класса, отмечает: «с одной стороны, для них начиналось комфортабельное и обеспеченное существование <...> Каждый мог рассчитывать на быстрое продвижение по службе, потому что каждый день кого-нибудь вырывали из нормальной жизни, и его место занимал другой <...> Но, с другой стороны, жизнь новых назначенцев была полна опасностей. Они не являлись собственниками тех благ, о которых только что шла речь: все это они имели до тех

⁹³ Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? Из-во Т8, 2017. С. 317

⁹⁴ Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: издательство Фредерик А.Прегер, 1961. С. 58

пор, пока занимали свой пост, т.е. до тех пор, пока были в милости у Сталина, у НКВД, у Отдела партийных кадров Центрального Комитета»⁹⁵. Так, специфика политического устройства привела к формированию специфических механизмов функционирования политической элиты: во избежание ареста, означавшего полную потерю текущего социального статуса, чиновники были вынуждены делать выбор в пользу одной из двух стратегий выживания – либо устранять конкурентов через написание ложных доносов в органы государственной безопасности, либо выбирать коллективное действие («круговая порука»).

После смерти И. Сталина к руководству партией приходит Н. Хрущев, который в целях развенчания культа личности освобождает высшую партийную номенклатуру от постоянного опасения репрессий. С другой стороны, своими действиями по реорганизации партийных органов он все равно вызывал тревогу у высокопоставленных бюрократов, что впоследствии стало ключевым фактором его отставки. Согласно оценкам историков, на заключительном этапе правления Хрущева советское «бесклассовое» общество можно было охарактеризовать как «в высшей степени иерархическое, стабильное и консервативное <...> Имеется в виду, что оно на деле было единой огромной организацией, которой управлял партийно-государственный аппарат»⁹⁶.

Приход к руководству партией Л. Брежнева отмечен исследователями как переход к новому подходу к формированию высших органов власти, получившему впоследствии название «доверие к кадрам». Согласно новому подходу, продвижение в элиту зависело исключительно от благосклонности самого Брежнева, но вместе с тем если человек все же смог заслужить его доверие, то он мог рассчитывать на пожизненное сохранение своей позиции в номенклатуре, что дало элитариям ощущение небывалой ранее защищенности и уверенности: «можно определенно говорить об утверждении в брежневский период в партии и в

⁹⁵ Хоскинг Д. История Советского Союза 1917-1991. Москва: «Вагриус», 1994. С. 216

⁹⁶ Там же. С. 387

государстве геронтократии»⁹⁷. Именно в этот период высшая элита начинает обособляться, а функционирование социальных лифтов значительно ухудшается.

С середины 1980-х годов к власти приходит М. Горбачев, который инициирует проведение важнейших общественно-политических реформ: «в «командно-административной системе», доставшейся в наследство Горбачеву, общесоюзный партийный аппарат был главнокомандующим и всемогущим администратором. Всего за пять лет картина коренным образом изменилась: советская политическая система перестала быть ленинистской или, как сказали бы некоторые, коммунистической <...> Главный нервный центр аппарата, Секретариат ЦК, фактически прекратил свою деятельность, партийные комитеты в министерствах были распущены или утратили влияние, а на более низком государственном уровне их власть перешла в руки избираемых Советов»⁹⁸.

Именно в этот период, сопряженный с началом кардинальных перемен в политико-экономической структуре Советского союза, руководители высшей номенклатурной прослойки стали разрабатывать различные схемы для перевода подконтрольной им государственной собственности в частное владение – «министерские посты были использованы для приватизации целых отраслей экономики, руководящие позиции в финансовой сфере позволили легитимизировать контроль над капиталами, директора заводов и предприятий обеспечили переход своих учреждений в частные руки, а партийная номенклатура успешно конвертировала административный ресурс для приватизации партийной собственности в частную»⁹⁹.

Конец 1980-х годов ознаменовался масштабным расширением приватизационных процессов, вышедших далеко за пределы столичного региона – практически все конфликты между союзным руководством и республиканскими

⁹⁷ Хакимов Р.Ш. Возрастной и образовательный уровень высшей партийно-государственной элиты СССР // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 12. С. 380

⁹⁸ Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI, 2007. С. 26-27

⁹⁹ Barnes A.S. *Owning Russia: the struggle over factories, farms and power*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. P. 45

властями были сопряжены с перераспределением собственности и властных полномочий, что впоследствии стало катализатором усиления сепаратистских настроений. Таким образом, в очередной раз в истории России главным инициатором общественно-политических реформ выступила существовавшая на тот момент политическая элита, которая также в очередной раз эволюционировала из элиты заслуг в элиту собственников, став главным бенефициаром распада Советского Союза.

Распад Советского Союза в 1991 году и отмена связанного с ним запрета на многопартийность коренным образом трансформировали политическую систему России: данный период большинство отечественных политологов называет периодом демократического транзита как процесса перехода от авторитарного/ тоталитарного политического режима к демократии. Тем не менее, одним из ключевых препятствий транзита стало отсутствие опыта демократического строительства в истории России, поэтому заявленные перемены в политической сфере напоминали попытку построения демократии по форме, но не по содержанию.

Так, одним из первых решений нового Президента РФ Б. Ельцина стало создание нового органа государственной власти – Администрации Президента, – призванного заменить существовавший ранее аппарат партийной бюрократии. В 1993 году была принята новая Конституция, которая впервые в истории России официально закрепляла демократический принцип разделения властей на три ветви: законодательную в лице Федерального собрания РФ, исполнительную в лице правительства РФ и судебную в лице судов РФ. На официальном уровне была закреплена федеративная структура России, сняты ограничения на свободу слова и печати, разрешено создание политических партий и общественных организаций, в экономической сфере были осуществлены реформы, направленные на переход от плановой системы к рыночной.

Тем не менее на практике все было немного по-другому. Так, декларированный принцип разделения властей подменялся системой «сдержек и

противовесов», которой руководил Президент в ручном режиме. Вновь образованные центры власти вступали друг с другом в конкуренцию, поскольку многие функции носили межведомственный характер и подразумевали параллельное исполнение. Ввиду отсутствия формальных законодательных разграничений между государственными органами, вся российская политика того времени погрязла в многочисленных интригах и аппаратных играх. Институты государственной власти в своей работе исходили из собственных интересов, что в конечном счете приводило к отсутствию консенсуса по основополагающим вопросам государственного строительства. По замечанию Р. Мухаева и А. Жданова, «плюралистические институты были слабы, группы интересов маргинальны, а политические структуры, которые могли бы помочь исправить данный дисбаланс, например, сильный парламент или независимая судебная система, отсутствовали. В этих условиях выборы приобретали «ритуальный» характер, не оказывая должного влияния на траекторию государственного развития»¹⁰⁰.

Кризисы становления новой государственности, сопряженные с катастрофически низким уровнем поддержки населения, постепенно приводили к тому, что Президент делегировал большую часть своих полномочий так называемым «доверенным лицам», которые постепенно становились отдельными могущественными субъектами политической системы – так, получают широкое распространение «точечные назначения», связанные с введением должностей под конкретных лояльных подчиненных, которые сразу упразднялись после их отставок.¹⁰¹ По данным исследователей, в период правления Б. Ельцина высшие административно-политические посты обновлялись довольно часто – «срок пребывания в среднем составлял не более 2-3 лет, у 20% деятелей не превысил нескольких месяцев. Только 24% представителей элиты ельцинской когорты после

¹⁰⁰ Мухаев Р.Т., Жданов А.И. Демократический транзит: траектория и модели политической трансформации: монография. Москва: ИНФРА-М, 2023. С. 49

¹⁰¹ Стрелец И.Э. Ельцин и Путин: Президентское лидерство в контексте российской политической трансформации // Актуальные проблемы Европы. 2019. №2. С. 188

освобождения от высшей должности карьеры ушли из политики, 76% продолжили карьеру»¹⁰².

Тактика опоры на доверенных лиц, «имевших явно недемократические установки и ценности»¹⁰³, помогла Ельцину одержать победу на президентских выборах 1996 года, но все больше втягивала его в систему неформальных обязательств, что впоследствии обернулось для страны разрастанием олигархических кланов, захвативших власть во всех государственных структурах. Такой политический режим многие политологи определяли как «полу-демократия, российский гибрид, демократия для меньшинства или демократия для олигархов»¹⁰⁴.

Как показало время, демократический транзит в постсоветской России привел к становлению политического режима, лишь отдаленно напоминающего демократию – по выражению А. Жаброва, «под конец своего правления Ельцину удалось совершить нечто из разряда высшего политического пилотажа – создать режим, совершенно неэффективный с точки зрения реализации общественных потребностей, но идеально приспособленный для осуществления интересов власти и кормящихся возле нее групп»¹⁰⁵.

Отдельное внимание при рассмотрении демократического транзита в постсоветской России необходимо уделить становлению и функционированию новых политических элит. Рассуждая о процессе смены элит в постсоветской России, Г. Ашин отмечал, что в отличие от большинства стран, где при свержении старой элиты к власти приходит контрэлита, сформированная из оппозиции, новая политическая элита России по большей части сформировалась в рядах Коммунистической партии. Постсоветская элита, по мнению Ашина, являлась

¹⁰² Беленова Е.И. Российская политико-административная элита федерального уровня в 1990-2000 гг.: сравнительный анализ // Pro nunc. 2012. №1 (11). С. 52-53

¹⁰³ Дорожкин Ю.Н., Ахунов У.Р. Демократия в представлении политических элит в постсоветской России эпохи Б. Ельцина // Власть. 2010. №6. С. 101

¹⁰⁴ Шумилина А.Б., Артюхин О.А., Крицкая А.А. Президентская власть в постсоветской России: лично-лидерская проекция // The Scientific Heritage. 2020. №47-4. С. 25-26

¹⁰⁵ Жабров А.В. Эволюция института президентализма в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. №2. С. 230

более интеллектуальной и открытой, однако те качества, благодаря которым она пришла к власти, сильно отличаются от качеств, необходимых правящей элите: многочисленные обещания и справедливые лозунги, сформулированные ее представителями в ходе предвыборных кампаний, на деле оказались обманом.

Новая элита, сохранив и приумножив все худшие качества старой номенклатурной элиты, оказалась абсолютно некомпетентной при решении основных вопросов государственного устройства – под ее прикрытием реально правила все та же советская бюрократия: «после августа 1991 года почти никто из упраздненной номенклатуры КПСС не обратился на биржу труда: бывшие номенклатурщики либо вошли в состав неономенклатуры, либо стали руководителями или влиятельными советниками коммерческих структур»¹⁰⁶. Подытоживая рассуждение о новой элите, он делает очень важное замечание: «по отношению к России XX века «не работает» один из наиболее принятых в социологии критериев отнесения людей к элите общества, под которой разумеется группа людей, ценности и модели поведения которых приняты в обществе в качестве образцовых»¹⁰⁷.

О.В. Крыштановская, исследуя становление новой российской элиты, в некоторой степени ставит под сомнение тезис о том, что вся она представлена выходцами из номенклатурного класса СССР. По ее данным, в 90-е путь в элиту стал открыт для многих «случайных» кандидатов, особенно на федеральном уровне: «половина всех лидеров партий, 59% новых бизнесменов, треть депутатов, четверть президентской команды и правительства никогда в прошлом не были в составе номенклатуры. Наиболее традиционным путем рекрутировалась региональная элита, где лишь 17% свободны от номенклатурного прошлого»¹⁰⁸. Однако это совсем не означает, что выходцы из номенклатуры остались без работы:

¹⁰⁶ Жабров А.В. Эволюция института президентализма в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. №2. С. 456

¹⁰⁷ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 444

¹⁰⁸ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 65

высшие слои номенклатуры, безусловно, утратили свои прежние посты, однако «основным плацдармом движения вверх были второй и третий ранги номенклатуры»¹⁰⁹. Примерно о том же пишет П. Ратланд – «подавляющее большинство новых экономических и политических лидеров в России были на поколение моложе своих предшественников и занимали довольно маргинальные позиции в советской карьерной иерархии»¹¹⁰.

А.В. Дука отмечал, что в новой России способы рекрутирования в высшие эшелоны власти были достаточно разнообразны. Во-первых, появился новый способ попадания в высшие эшелоны власти – выборы: в целом во многих регионах, особенно в первой половине 1990-х годов, личные качества кандидата могли оказаться решающим фактором для попадания в представительные органы. Во-вторых, для представителей государственной бюрократии сохранялось карьерное продвижение. В-третьих, на личном уровне важным механизмом вертикальной мобильности оставалась протекция. В-четвертых, как это часто бывает в переломные моменты истории – особенно во времена смены политического вектора развития, – большую роль играл случай, связанный либо с личными предпочтениями первого лица, либо с конкретной ситуацией. В-пятых, для национальных автономий значительно возрастал фактор этнической принадлежности. В-шестых, нередко наблюдалась конвертация символического капитала в политический.¹¹¹

Отдельно нужно упомянуть о становлении постсоветской элиты на региональном уровне, которое можно условно разделить на два периода. Первый период можно назвать периодом становления, когда переформатирование политической системы дало новые экономические и политические возможности для укрепления своего влияния на местах. Так, после избрания Президентом

¹⁰⁹ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 64

¹¹⁰ Rutland P. The Political Elite in Post-Soviet Russia / In: Best, H., Higley, J. (eds) *The Palgrave Handbook of Political Elites*. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 281

¹¹¹ Дука А.В. Постсоветская элита: институционализация и рекрутирование // *Политические институты России и Франции: традиции и современность*. 2014. №2014. С. 216-217

РСФСР Б. Ельцина, 22 августа 1991 года им был подписан указ «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР». Данный указ учреждал в регионах новый институт власти – региональные администрации. Главы администраций регионов назначались на должность лично Президентом. Несколько позже Верховный Совет РСФСР принял закон «О выборах главы администрации» и тем самым назначил проведение региональных выборов в ряде субъектов, однако через несколько дней Съезд народных депутатов с целью стабилизации политической ситуации отложил их проведение и дополнительно закрепил за Президентом право единоличного назначения глав регионов. В дальнейшем запрет на проведение региональных выборов губернатора планировалось продлить, но ряд регионов были не согласны с таким решением и в 1993 году в ряде субъектов выборы глав все-таки состоялись.

Второй этап можно охарактеризовать как этап, на котором региональные элиты получили значительное укрепление своих позиций. Некоторые исследователи началом данного этапа считают публикацию президентского указа от 17 сентября 1995 года «О выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления», согласно которому устанавливался новый порядок избрания на должность: на смену практики назначения пришли прямые выборы. Таким образом, с 1995 года практически все губернаторы стали избираться путем прямого голосования на местах. Данный указ значительно расширил полномочия региональных глав, которые, избираясь на основе прямых тайных выборов, теперь обладали дополнительной легитимностью и не были обязаны своим назначением Президенту. Выборность региональных руководителей принципиально изменила политический ландшафт в России – на самый верх приходили новые люди, которые были де-факто независимы от федеральной власти.

В дальнейшем затяжной конфликт ключевых субъектов федеральной политики – правительства, Государственной Думы и Администрации Президента, – значительно ослабил власть центра, что привело к еще большему усилению

позиций региональной элиты. Так, повсеместно начинают возникать центры принятия решений, ведущие свою отдельную борьбу за ресурсы. Повсеместно нарушается Конституция РФ, поскольку законы субъектов федерации зачастую обладали большей силой по отношению к федеральным: так, «только за период с 1991 по 1994 годы семь республик РФ (Якутия, Башкирия, Татарстан, Чечня, Тува, Коми, Бурятия) закрепили законодательно свой суверенитет. Новосибирская область выступила с предложением создать Сибирскую республику, Свердловская область – Уральскую республику»¹¹². Наиболее тяжелая ситуация сложилась в Чеченской республике, где конфликт федеральной и региональной элиты привел к открытому вооруженному столкновению, в результате которого федеральный центр пошел на значительные уступки и фактически признал независимость региона. По мнению В.Ю. Разумовского, «к началу 2000 г. Россия превратилась в некое подобие конфедеративного государства, а сохранение подобной ситуации в дальнейшем неизбежно подводило общество к черте, за которой могла начаться политическая нестабильность, неуправляемость, хаос, анархия и другие негативные последствия».¹¹³

Таким образом можно констатировать, что взятый курс на демократические преобразования после распада СССР поспособствовал, с одной стороны, к существенному ослаблению институционального фильтра и попаданию на высшие государственные должности случайных неподготовленных людей, но, с другой стороны, утвердил появление новых механизмов элитного рекрутирования. Новая политическая элита оказалась неоднородной ни с точки зрения социально-политического «происхождения», ни с точки зрения профессиональных качеств и компетенций, ни с точки зрения интересов. Данная неоднородность элиты в рамках происходившего демократического транзита привели государство к глубокому общественно-политическому кризису.

¹¹² Алябьева Т.К. Россия: от полураспада к централизации // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2018. №5. С. 288

¹¹³ Разумовский В.Ю. Региональные режимы правления в контексте генезиса российского федерализма: сущность, противоречия, результаты деятельности // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. №88. С. 154

Подытоживая параграф, мы можем отметить, что на протяжении всей своей истории российское государство, ввиду географического положения и вытекающих из него социально-экономических факторов, развивалось в рамках мобилизационной модели развития, подразумевающей сосредоточение всех имеющихся ресурсов на достижении определенных стратегических целей. Данное положение дел обусловило своеобразие политической системы, связанное с жесткой централизацией власти, ключевой ролью государственного аппарата и силовых органов, контролем государства над ключевыми аспектами общественной жизни. Мобилизационная модель стала основной, начиная от централизационных усилий Московского царства по собиранию русских земель, реформ Петра Великого, советской индустриализации и осуществлению демократического транзита в 1990-е – редкие промежутки времени, связанные с ослаблением мобилизационной модели и выходом на передний план эволюционной, в большинстве своем проводили к ослаблению государства и усилению общественно-политического кризиса.

В рамках мобилизационной модели чрезвычайно важной является роль политических элит, которые на протяжении российской истории традиционно играли ключевую роль в реализации мобилизационных проектов, выступая проводниками государственной воли и обеспечивая необходимый уровень лояльности. В таких условиях элита была вынуждена адаптироваться под требования времени, демонстрируя гибкость и готовность к отстаиванию государственных интересов. С другой стороны, колоссальные возможности для исполнения данной функции часто приводили к злоупотреблению своими возможностями, со временем превращая элиту заслуг в элиту собственников. В конечном счете именно состояние элит каждый раз обуславливало состояние государства в определенный момент – упадок элит с большой долей вероятности приводил к упадку государственного строительства и, наоборот – пассионарность и профессионализм элиты обуславливали общественно-экономическое процветание.

1.3. Основные характеристики современной политической элиты России

В предыдущих параграфах мы рассмотрели существующие подходы к пониманию элиты, общую специфику функционирования политической элиты в обществе, а также специфику ее формирования в российском государстве на различных исторических этапах, оставив за рамками анализа детальную операционализацию объекта исследования, необходимую для эмпирического исследования. В этой связи главной задачей данного параграфа является конструирование понятийного аппарата, а также выбор исследовательского метода, который позволит на эмпирическом уровне выделить объект исследования и зафиксировать его ключевые характеристики.

Отправной точкой операционализации является понятие общество, поскольку политическая элита возникает и функционирует именно в обществе. Наиболее функциональным в контексте дальнейшего анализа является определение общества как «исторически развивающейся совокупности отношений между людьми, складывающаяся на основе постоянного изменения форм и условий их деятельности»¹¹⁴. Близким по значению к понятию общество является понятие социальная система, под которой мы понимаем «совокупность элементов, находящихся между собой в определенных отношениях и связях и образующих определенную целостность»¹¹⁵. В свою очередь, определенные отношения и связи между элементами социальной системы представляет собой социальную структуру как «совокупность относительно устойчивых связей между элементами социальной системы, которая отражает ее внутренние характеристики»¹¹⁶.

Существование любой социальной структуры подразумевает наличие базовых взаимосвязанных элементов. В этой связи, соглашаясь с определением социальной структуры Ч.Р. Миллса как «комбинации социальных институтов,

¹¹⁴ Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. С. 330

¹¹⁵ Новейший социологический словарь / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный дом, 2010. С. 956

¹¹⁶ Там же. С. 958

расклассифицированных в соответствии с выполняемыми ими функциями»¹¹⁷, в качестве ключевого элемента социальной структуры мы выделим понятие социальный институт, подразумевая под ним «определенную совокупность социальных статусов и ролей, предназначенных для удовлетворения определенной социальной потребности»¹¹⁸. В свою очередь, с понятием социальный институт тесно связаны понятия «социальный статус» и «социальная роль»: под социальным статусом мы понимаем «соотносительное положение в социальной системе, определяемое по ряду признаков, характерных для данной системы»¹¹⁹, а под социальной ролью – «нормативно одобренный, относительно устойчивый образец поведения, воспроизводимый в зависимости от социального статуса»¹²⁰.

Социальный статус и социальная роль, в свою очередь, тесно связаны с такой основополагающей характеристикой общества, как социальное неравенство – как отмечал П.А. Сорокин, «общества без расслоения, с реальным равенством их членов – миф, так и никогда не ставший реальностью за всю историю человечества»¹²¹. В этой связи неотъемлемой частью любой социальной системы является социальная стратификация, под которой мы, вслед за Сорокиным, понимаем «дифференциацию некоей данной совокупности людей на классы в иерархическом ранге. Она находит свое выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основание и сущности – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества»¹²².

Вместе с тем, любая социальная система динамична, поэтому каждому обществу в той или иной степени присуща социальная мобильность – «любой

¹¹⁷ Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко. Под общей редакцией и с предисловием Г.С. Батыгина. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 156

¹¹⁸ Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 91

¹¹⁹ Новейший социологический словарь / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный дом, 2010. С. 995

¹²⁰ Там же. С. 954

¹²¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 304

¹²² Там же. С. 302

переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую»¹²³. Вертикальное перемещение снизу-вверх по основаниям стратификации Сорокин определяет как «социальное восхождение», перемещение по вертикали сверху вниз – как «социальный спуск». Главными показателями вертикальной мобильности считаются *дистанция* и *объем*: «дистанция есть количество страт, которое удалось пройти индивиду при подъеме по социальной лестнице, под объемом понимается число индивидов, которые переместились по социальной лестнице в вертикальном направлении за определенный промежуток времени»¹²⁴. Горизонтальное перемещение происходит внутри одной страты и не подразумевает существенного изменения социального статуса.

Между социальными стратами происходит постоянный контакт: часть наиболее способных индивидов из низших слоев переходит в высший, пополняя состав элиты, а часть наименее способной элиты перемещается в более низшие. В этой связи, по мысли Сорокина, механизм трансформации элиты как высшей страты общества можно представить в виде трех уровней, которые проходят ее представители: *уровень социального восхождения, уровень функционирования и уровень социального спуска*. В нашем исследовании данный механизм определяет *динамику* политической элиты.

На уровне социального восхождения происходит рекрутация новых членов в элиту, сопряженная с восхождением через каналы вертикальной мобильности, которые Сорокин называл «каналами вертикальной циркуляции» или «социальными лифтами». Самыми главными каналами политической мобильности являются *государственный аппарат* и *политические партии*.

Наиболее распространенным каналом вертикальной мобильности является *государство*, поскольку именно государство является тем главным социальным

¹²³ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 373

¹²⁴ Новейший социологический словарь / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный дом, 2010. С. 948

институтом, в рамках которого существует политический класс и политическая элита как высшая страта политического класса. Государство одновременно является и бюрократической организацией, управляющей всей социальной системой, и главным инструментом политической власти: «государство существует там, где есть политический аппарат, управляющий определенной территорией, чья власть опирается на законодательную систему и возможность использовать силу для реализации своей политики»¹²⁵. И.А. Ветренко отмечает, что «бюрократический аппарат является доминирующим каналом рекрутирования элит во всех развивающихся странах, а также таких высокоразвитых государствах как Япония и Швеция»¹²⁶. Ю.В. Усова также отмечает доминирующее влияние данного канала мобильности и для высокоразвитых государств: «во Франции, Германии, Швеции, Швейцарии бюрократический аппарат выступает в качестве важного канала элитообразования, а большая часть представителей высших эшелонов власти именно государственной службе обязана своим положением в составе политической элиты»¹²⁷.

Справедлива данная ситуация и для России: по мнению О.В. Ляховенко, в силу исторической специфики влияния государства на общественную жизнь, государственный аппарат является одним из наиболее значимых каналов в формировании элиты, причем «на символических «социологических весах» принадлежность к административным и политическим структурам значительно «перевешивает» иные статусы и роли»¹²⁸.

¹²⁵ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 248

¹²⁶ Ветренко И.А. Механизмы и каналы рекрутирования политической элиты: на примере сравнительного анализа РФ и США // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. №4(24). С. 170

¹²⁷ Усова Ю.В. Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования: монография / Ю.В. Усова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. С. 39

¹²⁸ Ляховенко О.И. Принцип «вращающихся дверей» и проблема взаимной проницаемости политических, научных и бизнес-элит в России / в сб.: SCHOLA-2012: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2012. С. 213

Рассуждая о политической элите в демократических обществах, Сорокин уделял особое внимание *политическим партиям*: «нет необходимости говорить, что подавляющее большинство политических лидеров, правителей, государственных деятелей, сенаторов и прочих должностных лиц современных демократических стран достигли своих позиций по каналу политических партий. Особенно это относится к тем из них, кто родился в нижнем социальном слое»¹²⁹. Данная точка зрения находит свое подтверждение и в наше время: «если посмотреть на современные страны Европы, то становится очевидным, что политические партии остаются главными поставщиками кадров для правящей элиты европейских стран»¹³⁰.

Одним из наиболее распространенных каналов вертикальной мобильности является *бизнес*, под которым мы будем понимать деятельность, осуществляемую в различных организационных формах с целью получения прибыли.¹³¹ Бизнес и политика почти всегда являются взаимосвязанными явлениями: когда бизнес, связанный с удовлетворением личных финансовых интересов сращивается с политической властью, представляющей интересы всей социальной системы, принято говорить об олигархии как «строе, основывающемся на имущественном цензе; у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении»¹³². Данное явление имеет негативную окраску ввиду того, что олигархия, по выражению Дж. Уинтерса, «независимо от формы является защитой собственности и доходов людьми, владеющих ими, политическими средствами»¹³³. Так, К. Крауч, описывая тенденции развития современного общества в контексте «постдемократии»,

¹²⁹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 399

¹³⁰ Ветренко И.А. Механизмы и каналы рекрутирования политической элиты: на примере сравнительного анализа РФ и США // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. №4(24). С. 170

¹³¹ Энциклопедический словарь. Современная рыночная экономика. Государственное регулирование экономических процессов / Общ.ред.: д.э.н. проф. Кушлин В.И., д.э.н., проф., член-корр. РАН Чичканов В.П. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 41

¹³² Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 335

¹³³ Winters A.J. Oligarchy. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 6-7

отмечает: «...сегодня политики отзываются в первую очередь на запросы горстки вождей бизнеса, чьи интересы и становятся содержанием публичной политики»¹³⁴. Во многом данное положение дел справедливо и для России: по данным исследования П. Чейсти, «тесная связь депутатов Государственной Думы с определенными экономическими секторами служит сильным мотивом некоторых аспектов их законодательного поведения»¹³⁵. Д. Тев, исследуя федеральную политическую элиту России в 2010-х годах приходит к схожим выводам: «плутократическое рекрутирование наиболее характерно для политической элиты, которая интегрирована с экономически господствующим классом в более высокой степени, чем законодательные элиты большинства европейских стран»¹³⁶.

Одним из старейших каналов мобильности является *армия*. В истории находится множество подтверждений того, как благодаря армии множество представителей низших классов становились элитой общества: «несчетное множество средневековых разбойников, крепостных и людей простого происхождения стали дворянами, хозяевами, князьями, герцогами и высокопоставленными официальными лицами благодаря армии»¹³⁷.

Не утрачивает армия своего значения и в современных обществах. У. Уиттманн, проведя биографическое исследование представителей швейцарской элиты, утверждает: «с середины 1930-х гг. доля офицеров среди членов швейцарской элиты была неизменно высокой, она составляла более 50% и была самой высокой среди административной элиты. Но и бизнес-элиты, состоящие на 45% из офицеров, также были хорошо интегрированы с армейской элитой»¹³⁸.

¹³⁴ Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. С. 39

¹³⁵ Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma // Europe-Asia Studies. 2013. Vol.65. №4. P. 729-732

¹³⁶ Тев Д.Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России // Власть и элиты. 2018. Т.5. С. 74

¹³⁷ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 393

¹³⁸ Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / В. В. Семенова и др.; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 135

Согласно последним исследованиям, статус армии как канала мобильности «прогрессивно растет в странах Латинской Америки, Израиля. Так, три последних премьер-министра Израиля – боевые генералы»¹³⁹. Отмечается, что одним из определяющих акторов политического процесса стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) являются военные: «максимальная вовлеченность военных элит в политический процесс ряда государств БВСА является одной из базовых характеристик региона»¹⁴⁰.

Исключительную значимость для общества армия приобретает во время войны. В этот период любой солдат, благодаря мужеству, таланту и личным качествам, может высоко продвинуться по карьерной лестнице за более короткий срок. Получив повышение, индивиды, как правило, используют данный капитал как для дальнейшего продвижения по службе, так и для личного обогащения в условиях военного времени – например, для осуществления мародерства на захваченных территориях.

Еще одним каналом вертикальной мобильности была и остается *церковь*. Можно отметить, что после легализации христианства в Римской империи при императоре Константине церковь становится заметным социальным лифтом, по которому нередко поднимались вчерашние рабы и бедняки. Сорокин в этой связи отмечает: «... из 144 пап, по которым имеются достаточные сведения, 28 были простого происхождения, 27 вышли из средних классов»¹⁴¹. По мнению британского социолога Р. Греттона, христианство, принимавшее последователей из разных социальных страт, давало им шанс подняться в более высокие социальные страты: «в старые времена в Англии единственным способом продвижения из низших слоев общества в высшие была церковь. Ставшие великими религиозными

¹³⁹ Ветренко И.А. Механизмы и каналы рекрутирования политической элиты: на примере сравнительного анализа РФ и США // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. №4(24). С. 170

¹⁴⁰ Миргород Д.А. Военные элиты в политическом процессе стран Ближнего Востока и Северной Африки // Вопросы элитологии. 2022. Т.3. №2. С. 48

¹⁴¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 395

авторитетами и поэтому влиятельными политиками бедняки вышли в основном из крестьянства, из среды фермеров и квалифицированных работников»¹⁴².

Безусловно, в течение последних нескольких веков, доля религиозного института заметно сократилась в социальной жизни индивида, однако невозможно не отметить ренессанс религиозного института в некоторых странах. Так, по мнению Ж.Т. Тощенко, все существующие страны можно разделить на несколько групп по степени взаимоотношений государства и религии: «в таких странах, как Иран, Судан, Афганистан и в меньшей степени Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ власти не скрывают своего теократического характера, в них духовная и светская власть неразделимы, а основой всей государственности являются религиозные догмы и каноны <...> в таких государствах, как Греция, Пакистан, Ливия, Мавритания, Израиль, Норвегия существует «господствующая» (государственная) религия, которой даны основные приоритеты по регулированию общественной жизни и участию в определении судеб Отечества»¹⁴³. Очевидно, что в таких странах церковь как канал мобильности играет важную роль. Последние исследования подтверждают наше предположение: так, «церковь и околоцерковные религиозные организации как каналы социальной мобильности преобладают в исламских странах и государствах с сильным влиянием католической церкви»¹⁴⁴.

Существенное влияние на дистанцию и скорость восходящей мобильности оказывает имеющийся у индивида *капитал*, который можно разделить на три вида: *семейный, образовательный и профессиональный*.

Так, одним из главных факторов социальной мобильности во все времена являлось *социальное происхождение*. Семья, являясь фундаментом социальной жизни индивида, напрямую определяет его стартовую позицию в социальной

¹⁴² Gretton R.H. The English Middle Class. G: Bell and sons, Limited, 1917. P. 151

¹⁴³ Тощенко Ж.Т. Современные лики теократии // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Т. 19. № 2. С. 26-27

¹⁴⁴ Ветренко И.А. Механизмы и каналы рекрутирования политической элиты: на примере сравнительного анализа РФ и США // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. №4(24). С. 170

иерархии, и, следовательно, социальную дистанцию по отношению к высшей страте: дети, родившиеся в элитной семье, автоматически наследуют социальный статус родителей и начинают свое восхождение вверх с более выгодных позиций. Кроме того, семья является надежной опорой индивида на пути продвижения по социальной лестнице, что также является немаловажным фактором, особенно для обществ с нестабильной политической и экономической системой. Н.В. Розенберг со ссылкой на исследование ИСПЭН РАН заявляет о наличии прямой взаимосвязи между социальным положением родителей и детей в России: «высокий ресурсный потенциал семьи с большой долей вероятности приводит к поступлению детей в высшее учебное заведение; получению такой специальности и работы, которая обеспечивает как высокие доходы, так и достаточно быстрый карьерный рост»¹⁴⁵. Данная ситуация характерна и для других стран – «почти 2/3 немецких элит происходят из семей среднего или высшего среднего классов. Самая большая группа (почти 40%) рекрутируется из буржуазии, еще чуть более четверти – из высшей буржуазии»¹⁴⁶.

В рамках института семьи действенным каналом вертикальной мобильности был и остается *брак*. Так, по мнению С. Косинова, в современном обществе особую популярность приобретает канал «международного брачного рынка, на котором представлены потенциальные брачные партнеры из различных стран, с различным статусом»¹⁴⁷. Тем не менее, значение брака как канала вертикальной мобильности нельзя переоценивать, поскольку «зачастую он выступает в качестве иллюзии...

¹⁴⁵ Розенберг Н.В. Ресурсный потенциал семьи как фактор успешной социальной мобильности молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. Т. 3. № 1(9). С. 52

¹⁴⁶ Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / В. В. Семенова и др.; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 132

¹⁴⁷ Косинов С.С. Основные каналы социальной мобильности российской молодежи в современных условиях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. №4(18). С. 91

Действительно изменить свой социальный статус удастся только единицам с помощью этого социального лифта»¹⁴⁸.

Еще одним значимым фактором социальной мобильности является *образование*: по мнению Сорокина, «институты образования и воспитания во все времена были средством вертикальной циркуляции <...> в современном западном обществе школы представляют один из наиболее важных каналов вертикальной циркуляции»¹⁴⁹. Полученное образование способно в значительной степени повлиять на продвижение по социальной лестнице – так, согласно исследованию Ю.В. Усовой, «высшее образование имеют более 90% европейских парламентариев и почти 97% государственных должностных лиц»¹⁵⁰.

Образование как фактор мобильности обладает рядом специфических особенностей. Во-первых, по окончании учебного заведения респондент получает определенную специализацию, которая является отправной точкой для построения дальнейшей карьеры. Во-вторых, образовательное учреждение выполняет функцию социализации и интеграции индивидов, что в значительной степени определяет круг их социальных контактов, способных поспособствовать вертикальной мобильности в дальнейшем. В-третьих, в образовательном учреждении индивид усваивает те социальные практики, которые присущи тому или иному обществу, либо определенной социальной страте.

С образованием тесно связана *профессиональная* мобильность индивида. С точки зрения Г. Ленски, данный канал получает наибольшее распространение в индустриальную эпоху, когда, ввиду усложнения технологии производства товаров и услуг, возрастает роль знаний и связанной с ними профессиональной специализации. Профессиональная мобильность связана, с одной стороны, с ростом компетенций индивида в рамках своей профессии. Данный рост зависит от

¹⁴⁸ Романова К.С. Социальные лифты как средство социальной мобильности // Дискурс-Пи. 2015. № 2(19). С. 32

¹⁴⁹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 396-397

¹⁵⁰ Усова Ю.В. Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования: монография / Ю.В. Усова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. С. 40

владения необходимым количеством теоретических знаний, подтвержденных сданными экзаменами, а также наличия практических умений и навыков в рамках квалификации. Так, согласно швейцарскому исследователю элит У. Уиттманну, «отцы сегодняшних членов политических и экономических элит имеют значительно более высокий профессиональный статус по сравнению с остальным населением и прошли через длительный период накопления образовательного уровня»¹⁵¹.

Описанные выше каналы Сорокин относит к *институциональным*, которые в совокупности образуют фильтр, способствующий отбору наиболее достойных представителей. В то же время он отмечает, что если данный фильтр является злокачественным или чрезмерно строгим, то все общество обречено на страдания и наоборот – если фильтр адекватен и правомерен, то общество ждет процветание. Если данный фильтр является умеренным, то принято говорить об *открытой* элите, если фильтр чрезмерно жесткий, то говорят о *закрытой* элите.

Закрытая элита связана с искусственным ограничением объема вертикальной мобильности через усиление институциональных фильтров, делая невозможным попадание в элиту индивида из других социальных страт. В данном случае рекрут происходит в основном за счет внутриэлитных резервов, а в ситуациях, когда внутренних резервов недостаточно, рекрут происходит из ближайшего окружения представителей элиты. Открытая элита связана с наличием в обществе множества каналов вертикальной мобильности, которые открыты для представителей всех страт и в данном случае теоретический шанс попадания в элиту есть у каждого индивида, а дальнейшее продвижение вверх зависит от его способностей и амбиций.

Фазы существования открытой из закрытой элиты находятся в прямой зависимости от процессов формирования и эволюции политических режимов. Так, вновь образованные режимы часто сталкиваются с нехваткой квалифицированной

¹⁵¹ Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / В. В. Семенова и др.; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 133-134

бюрократии, нередко сопряженный с ограничениями на рекрутирование представителей прежнего политического класса, в связи с чем новая элита впоследствии вынуждена заметно ослаблять институциональные фильтры. Напротив, чем старше и стабильнее политический режим, тем меньше вероятность попадания в элиту случайных людей, тем более долгий путь нужно проделать кандидату для восхождения и тем меньше становится объем вертикальной мобильности в целом. Таким образом, особенности карьерных траекторий представителей элит являются важным показателем политической системы: «изменчивая структура правящих классов имеет преимущественное значение в определении политического типа, а также уровня цивилизации разных народов»¹⁵².

Помимо институциональных каналов вертикальной мобильности, социальное восхождение индивида предполагает соблюдение определенных неформальных требований. В этой связи Г. Хелмке и С. Левитски выделяют так называемые *неформальные институты*, под которыми они понимают «разделяемые большинством правила, обычно неписанные, которые создаются, сообщаются и применяются вне официально санкционированных каналов»¹⁵³. Чем выше должность, тем больше существует неформальных каналов и тем большее количество правил и требований необходимо соблюсти кандидату. Примером такого рода требований может стать позиция по отношению к общественно-политическому развитию: «решающим фактором является не принадлежность к классу собственников, а классовые интересы, которым они служат. Богатого человека, который демонстрирует явно прогрессивные взгляды, скорее всего, не пригласят на властную должность»¹⁵⁴.

Еще одним значимым предиктором вертикальной мобильности являются *личные характеристики* индивида: «высокий интеллект, сильные амбиции, предприимчивый и авантюрный характер, изобретательный ум, жесткая и

¹⁵² Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 4

¹⁵³ Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2. №4. P. 727

¹⁵⁴ Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США // Пер. с 7-го англ. изд. В. Горбатко. М.: «Поколение», 2006. С. 209

несентиментальная натура, своеобразным цинизм, а также воля к власти и господству»¹⁵⁵. Кроме того, важная роль отводится *внешним данным* и *возрасту*: в первом случае привлекательная внешность оказывает заметное влияние на переход человека из низших слоев в высшие, во втором случае имеет место существование определенного возрастного ценза применимо к назначению на высшие должности.

Как уже отмечалось ранее, в данной работе мы придерживаемся точки зрения, согласно которой основополагающим критерием социальной стратификации является доступ к *власти*. Так, известный социолог Р. Дарендорф отмечал, что именно доступ к власти является главным фактором, вокруг которого образуется общественная структура: «я решительно утверждаю, что господство является неустранимым началом общественного устройства. В этом смысле оно имеет более общее значение, чем, например, собственность или даже статус»¹⁵⁶. В этой связи выражением социального неравенства становится существование социальных классов, под которыми он понимает «категории людей, занимающих одинаковое положение в структурах господства. Они находятся между собой в конфликтных отношениях в силу того, что обычно они «либо стоят у руля, либо нет»»¹⁵⁷.

Родоначальником социологической концепции власти является М. Вебер, который определял ее как «любую вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась»¹⁵⁸. Несколько позже американский политолог Р. Даль, соглашаясь с Вебером, дает собственное определение власти, раскрывающее ее

¹⁵⁵ Сорокин П.А. Социальная мобильность / П.А. Сорокин; Питирим Сорокин; пер. с англ. М. В. Соколовой. М.: Academia, 2005. С. 282

¹⁵⁶ Цит. по: Батуренко С.А. Социальная стратификация в социологической теории Ральфа Дарендорфа // Социология. 2019. №4. С. 8

¹⁵⁷ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 149

¹⁵⁸ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т.1. Социология / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 109

механизм: «А имеет власть над Б в той степени, в которой А может заставить Б делать то, что Б в ином случае не стал бы делать»¹⁵⁹.

Главным критерием, отделяющим субъекта власти от объекта, является наличие **ресурсов**. В этой связи ресурсное неравенство является основополагающим при осуществлении власти в обществе: субъект имеет больше ресурсов, чем объект. Виды ресурсов позволяют субъекту власти оказывать воздействие на объект и традиционно делятся на несколько типов: принудительные, утилитарные и нормативные.¹⁶⁰ Ресурсы власти находят свое выражение в **санкциях**, которые можно разделить на два вида – *стимулирующие* и *репрессивные*. Стимулирующие санкции опираются на ожидание действий объекта власти, соответствующих воле субъекта, либо как подкрепление уже выполненного приказа. Репрессивные санкции, наоборот, основаны на ожидании действий объекта власти, не соответствующих воле субъекта, либо как наказание за невыполнение приказа.

Как мы уже отмечали ранее, самой сильной разновидностью власти в обществе является **политическая власть**, поскольку только она *распространяется на всех членов общества, подкреплена возможностью легитимного применения репрессивных санкций и способна контролировать иные виды власти*. Главным социальным институтом политической власти является **государство**, которое выделяется из общества и представляет собой форму организации социальной жизни под единой властью, координирующей разнообразные интересы членов общества. В этой связи под **государством** мы понимаем «универсальный политический институт, осуществляющий на определенной территории поддержание политического порядка и управление социальными процессами»¹⁶¹.

¹⁵⁹ Dahl R.A. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. Vol. 2 P. №3. P. 203

¹⁶⁰ Политология: учебник / коллектив авторов; под ред. В.И. Буренко. – 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2013. С. 85-86

¹⁶¹ Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. Москва: Проспект, 2015. С. 80

Центральное место в системе государственного устройства занимает *государственный аппарат*, под которым мы понимаем систему органов государственной власти, основанную на единстве целей и задач, принципах организации и деятельности. Именно государственный аппарат в значительной степени определяет механизм функционирования государства. Базовым элементом государственного аппарата является *государственный орган*, под которым мы понимаем «организационно обособленное звено государственного аппарата, созданное по инициативе государства, действующее в рамках установленного правового режима и наделенное определенными полномочиями для осуществления возложенных на него задач по реализации функций государства»¹⁶². А. Венгеров отмечает, что понятие государственного органа используется в широком и узком смыслах: «в широком смысле это орган государственной власти, а в узком – орган, ориентированный на специальную функцию, необходимую для жизнедеятельности общества»¹⁶³. Государственный орган создается для решения определенной задачи и в этой связи обладает определенными функциями, необходимыми для ее решения. Он осуществляет свою деятельность в соответствии с государственным законодательством, однако в рамках своих компетенций может издавать нормативные и правовые акты, обязательные для исполнения.

В соответствии с Конституцией РФ, «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную <...> Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации»¹⁶⁴. Также отдельно необходимо

¹⁶² Астафуров А.М. Государственный аппарат и механизм государства: к проблеме соотношения понятий // Вестник ТГУ. 2010. №12. С. 300

¹⁶³ Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. М.: Омега-Л., 2002. С. 183

¹⁶⁴ Конституция Российской Федерации. Официальный сайт Президента России [Электронный источник] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 01.10.2025)

выделить Администрацию Президента и Совет Безопасности, являющиеся отдельными государственными органами – президентурами.

Первичной единицей государственного органа является *должность*, определяющая «положение, место и связанные с ним служебные обязанности»¹⁶⁵. В свою очередь, любая государственная должность связана с конкретным человеком, *государственным служащим* – лицом, являющимся представителем политического класса, которое исполняет должностные обязанности в государственном органе, получая соответствующее финансовое вознаграждение за счет бюджетных средств. В России должности гражданской службы, согласно ФЗ №79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации», делятся на несколько групп: руководители, помощники, специалисты, обеспечивающие специалисты, которые делятся также на высшие, главные, ведущие, старшие, младшие должности <...> Должности категорий «руководители» подразделяются на высшую, главную и ведущую.¹⁶⁶

В зависимости от конкретного органа власти, государственные должности делятся на *назначаемые* и *выборные*, в связи с чем всех чиновников можно разделить на две основные группы: тех, кто получил государственную должность в результате назначения и тех, кто получил государственную должность в результате выборов. Первых мы называем *бюрократами*, вторых – *депутатами*.

Понятие *бюрократ* тесно связано с понятием бюрократия, которую современные словари определяют как «...организацию профессиональных государственных служащих для квалифицированного, эффективного исполнения общественной политики»¹⁶⁷. М. Вебер выделял даже особый бюрократический государственный строй, «который в своей самой рациональной форме характерен

¹⁶⁵ Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М.: Академический проспект, 2005. С. 514

¹⁶⁶ Федеральный закон №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 г. Официальный сайт Президента России [Электронный источник] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210> (дата обращения: 01.10.2025)

¹⁶⁷ Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН [Электронный ресурс] – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHec8a482a3089a91ee4f8ec> (дата обращения: 01.10.2025)

и для современного государства и именно для него»¹⁶⁸. Государственная бюрократия действует, прежде всего, в рамках исполнительной и судебной власти и предназначена для реализации различных политических программ, а также для осуществления контроля за соблюдением официальных государственных норм.

Бюрократия имеет ряд специфических особенностей, накладывающих отпечаток на ее представителей-бюрократов. Во-первых, существование бюрократии сопряжено с наличием строгой иерархии, связанной с персональной ответственностью руководителя за подчиненных. Бюрократическую иерархию можно представить в виде пирамиды, где на нижнем уровне находятся простые чиновники, занимающиеся повседневными делами. Все они подчиняются своим непосредственным руководителям, которые составляют следующий уровень. Они, в свою очередь, подчиняются руководителям более высокого звена и так вплоть до вершины пирамиды – главного руководителя. Согласно Федеральному закону о государственной гражданской службе, в России все государственные должности делятся на 5 категорий: младшие, старшие, ведущие, главные и высшие, где высшая должность соответствует должности руководителя.¹⁶⁹

Во-вторых, строгая иерархия должностей предполагает наличие четких должностных инструкций, регламентирующих рабочий процесс. Л. Мизес определял бюрократа как наместника государства, реализовывающего его волю во вверенной ему области. Однако ввиду того, что воля государства не может быть выражена четко, ее подменяют различные инструкции и регламенты, которые служат основанием его деятельности. Отсюда бюрократическое управление есть «управление, которое должно следовать детально разработанным правилам и предписаниям, установленным властью вышестоящего органа»¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Вебер М. Политика как призвание и профессия / Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 489

¹⁶⁹ Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 г. Официальный сайт Президента России [Электронный источник] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210> (дата обращения: 01.10.2025)

¹⁷⁰ Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993. С. 38

В-третьих, бюрократ не владеет теми материальными и имущественными активами, которыми он имеет право распоряжаться в процессе исполнения своих обязанностей, более того – ключевой актив любого чиновника – власть, – тоже не принадлежит ему лично, поскольку право пользоваться властью предоставлено ему лишь временно и зависит от того, занимает он свою должность или нет. Лишаясь должности, бюрократ автоматически утрачивает все ее атрибуты.

В-четвертых, наличие строгой вертикальной иерархии подразумевает под собой последовательное продвижение бюрократа вверх по служебной лестнице с самого низа. Р. Мертон, объясняя логику развития карьеры бюрократа, писал: «функция гарантированного пребывания должности, пенсий, возрастающего должностного оклада и упорядоченной процедуры продвижения по службе заключается в том, чтобы обеспечить полноценное исполнение служебных обязанностей, несмотря на посторонние влияния»¹⁷¹.

В-пятых, по отношению к бюрократии действует принцип «политической нейтральности». Данный принцип обеспечивает способность и возможность бюрократов функционировать под руководством любых политических партий и программ.

Другую группу государственных служащих образуют *депутаты*. Одержав победу по результатам выборов, депутат, не имевший до этого отношения к государственной службе, занимает государственную должность и тем самым встраивается в систему государственного аппарата. Депутат, также как и бюрократ, является госслужащим, а, значит, во-первых, получает вознаграждение за счет государственного бюджета и, во-вторых, отстранен от тех благ и ресурсов, которые ему доступны в соответствии с занимаемой должностью.

Тем не менее, между депутатами и бюрократами существует ряд принципиальных различий. Во-первых, депутат, в отличие от бюрократа, не тратит десятки лет на преодоление карьерной иерархии с низших ступеней до

¹⁷¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006. С. 325

руководителя: побеждая на выборах, он сразу занимает руководящую должность и воспринимается бюрократами как начальник.

Во-вторых, существует значительная разница по времени пребывания в должности: если у бюрократа время пребывания в должности не ограничено, то депутат занимает свою должность временно, строго в соответствии с утвержденным сроком (обычно не более 4-5 лет).

В-третьих, контроль и оценку деятельности депутата, в отличие от бюрократа, осуществляет не конкретный вышестоящий руководитель, а абстрактные избиратели, что в значительной мере повышает независимость депутата. Кроме того, дополнительным фактором независимости является депутатская неприкосновенность, согласно которой депутаты не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности без согласия соответствующей палаты Федерального собрания Российской Федерации.¹⁷²

В-четвертых, если деятельность бюрократа скрыта от общественного контроля, то деятельность депутата находится в публичной сфере и глубоко персонифицирована. Это в значительной мере обусловлено тем, что бюрократ действует от лица организации и старается быть нужным своему руководителю, в то время как депутат является «брендом» сам по себе и старается заручиться поддержкой избирателей.

Вся совокупность государственных служащих образует собой *политический класс* общества, под которым мы, вслед за О.В. Крыштановской, понимаем совокупность «акторов, которые владеют политическим капиталом и находятся внутри государственной корпорации, являясь ее инсайдерами <...> В него входят люди, занимающиеся политикой профессионально. Политический класс являются правящим, так как он занимается управлением и распоряжением

¹⁷² Федеральный закон № 440-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.12.2020 г. Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания РФ [Электронный источник] – URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/fz_status/ (дата обращения: 01.10.2025)

ресурсами власти»¹⁷³. Политический класс является наиболее влиятельным классом, поскольку под контролем его представителей находится государство.

Тем не менее, не все представители политического класса имеют одинаковый доступ к власти, поэтому его структуру можно представить в виде двух неравнозначных групп: небольшой группы руководителей, которые принимают управленческие решения в составе государственного органа и основной группы подчиненных, содействующих выполнению данных решений. В этой связи на эмпирическом уровне мы будем понимать *политическую элиту* как *совокупность руководителей ключевых государственных органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти на федеральном¹⁷⁴ и региональном¹⁷⁵ уровне*.

Политическая элита, представляя собой закрытую группу, является труднодоступным объектом исследования, поэтому ряд исследовательских методов, получивших широкое распространение в рамках социо-гуманитарных наук, таких как анкетный опрос, фокус-группа, глубинное интервью, включенное наблюдение, не могут быть использованы по объективным причинам. В этой связи, возможно единственным доступным методом исследования остается анализ биографий, получивший широкое распространение среди элитологов: «биографический метод <...> является важным и иногда единственно возможным

¹⁷³ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 63

¹⁷⁴ На федеральном уровне к представителям политической элиты мы будем относить: сенаторов Совета Федерации РФ, депутатов Государственной Думы РФ, руководящих членов правительства РФ, федеральных ведомств, аппарата или секретариата, руководящих сотрудников Администрации Президента РФ, Полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, председателей и заместителей председателя Верховного суда РФ, судей Конституционного суда РФ, председателя и заместителя председателя Высшего арбитражного суда РФ, Генерального прокурора РФ, председателя Следственного комитета РФ, Счетной палаты РФ, Центрального банка РФ, Центральной избирательной комиссии РФ

¹⁷⁵ На региональном уровне к представителям политической элиты мы будем относить глав субъектов РФ. На наш взгляд, фигура главы субъекта является наиболее репрезентативной ввиду того, что она сочетает в себе элементы как электократии (избираемой элиты), так и бюрократии (назначаемой элиты)

эмпирическим способом для социального измерения и понимания происходящего»¹⁷⁶.

Эмпирическую базу нашего исследования составляют:

1. Исследование «Мониторинг российской политической элиты», проводимое в течение 30 лет под руководством д.соц.н. О.В. Крыштановской. Будучи членом команды и имея доступ к базе данных «Вся элита РФ», был проведен количественный биографический анализ 2605 персон, которые входили в состав российского истеблишмента в период с 1989 по 2024 гг. Изучались показатели: пол, возраст, уровень и характер образования, тип карьеры, географическая мобильность. Использовались только открытые источники данных.¹⁷⁷

2. Авторское исследование «Становление губернаторского корпуса в России в 2004-2024 гг.». В рамках этого исследования были проанализированы биографии всех персон, которые занимали посты глав субъектов Российской Федерации в период с 2000 по 2024 гг. Было сделано 3 замера: по состоянию на 01.01.2004 – 90 человек, на 01.01.2014 – 86 человек, на 01.01.2024 г – 89 человек. Всего были изучены биографии 236 человек, которые занимали посты руководителей регионов в изучаемый период. Исследование носило сплошной характер, изучались показатели: пол, возраст, уровень и характер образования, тип

¹⁷⁶ Колесник Н.В. Биография элиты: возможности социоструктурного анализа // Социологические исследования. 2009. № 6(302). С. 84

¹⁷⁷ См., например: Официальный сайт Президента РФ [Электронный источник] – URL: <http://kremlin.ru>; Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ [Электронный источник] – URL: <http://www.council.gov.ru>; Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ [Электронный источник] – URL: <http://duma.gov.ru>; Официальный сайт правительства РФ [Электронный источник] – URL: <http://government.ru>; Официальный сайт Верховного суда РФ [Электронный источник] – URL: <https://www.vsrfl.ru>; Официальный сайт Конституционного суда Российской Федерации [Электронный источник] – URL: <http://www.ksrf.ru>; Сервер органов государственной власти «Официальная Россия» [Электронный источник] – URL: <http://www.gov.ru>; Сайт политической партии «Единая Россия» [Электронный источник] – URL: <https://er.ru>; Официальный сайт ТАСС [Электронный источник] – URL: <https://tass.ru>; Официальный сайт РИА Новости [Электронный источник] – URL: <https://ria.ru>; Официальный сайт РБК [Электронный источник] – URL: <https://www.rbc.ru>

карьеры, географическая мобильность (прил. 1). Использовались только открытые источники данных.¹⁷⁸

3. Авторское исследование победителей первого потока Программы развития для участников специальной военной операции «Время Героев», осуществляемой в Высшей школе государственного управления РАНХиГС при Президенте РФ. Всего победителями этой программы за период 2024-2025 гг. стали 83 человека. Были собраны их биографические данные из открытых источников и проанализированы их карьерные треки.

4. Авторский опрос экспертов, занимающихся изучением политических элит России. В рамках данного исследования был проведен опрос (2024-2025 гг.) с использованием целевой выборки из 10 экспертов, имеющих ученую степень в сфере политологии/ социологии, а также релевантные научные публикации за последние 3 года (прил.2).

¹⁷⁸ См., например: Официальный сайт Президента РФ [Электронный источник] – URL: <http://kremlin.ru>; Официальный сайт правительства РФ [Электронный источник] – URL: <http://government.ru>; Сервер органов государственной власти «Официальная Россия» [Электронный источник] – URL: <http://www.gov.ru>; Сайт политической партии «Единая Россия» [Электронный источник] – URL: <https://er.ru>; Официальный сайт ТАСС [Электронный источник] – URL: <https://tass.ru>; Официальный сайт РИА Новости [Электронный источник] – URL: <https://ria.ru>; Официальный сайт РБК [Электронный источник] – URL: <https://www.rbc.ru>

ГЛАВА 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАНАЛОВ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

2.1. Динамика социально-демографических характеристик политической элиты России

В предыдущей главе мы рассматривали теоретические подходы к пониманию элиты, специфику элитообразования в дореволюционный, советский и постсоветский период России до 2000 года, а также сконструировали понятийный аппарат, необходимый для проведения эмпирического исследования. В этой связи главной задачей данной главы является анализ аскриптивных и дескриптивных характеристик представителей политической элиты в рамках эмпирического исследования, который позволит выявить изменение ее структуры и механизма рекрутации новых членов.

Анализ структуры политических элит большинство исследователей традиционно начинают с анализа *гендерной составляющей*. Принято считать, что женщины как представители элиты в истории – явление гораздо более редкое, чем мужчины. Так, М. Паренти в отношении политической элиты США отмечает, что «с самого начала становления нашего государства и до настоящего времени все высшие руководящие должности в нем, включая должности президента, вице-президента, членов правительства и главы Верховного суда, занимали преимущественно белые мужчины из богатых семей»¹⁷⁹. Тем не менее, включенность женщин в элиту является не просто индикатором демократизации политического процесса, но и важнейшим фактором обеспечения устойчивости социума.¹⁸⁰ Как отмечает Г. Беляева, вовлечение женщин в систему властных отношений на различных уровнях способствует более полному учету интересов тех сфер жизни общества, которые традиционно ассоциируются с женской занятостью:

¹⁷⁹ Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США / Пер. с 7-го англ. изд. В. Горбатко. М: «Поколение», 2006. С. 208

¹⁸⁰ См, например: Mlambo C., Kapingura F. Factors influencing women political participation: The case of the SADC region // Cogent Social Sciences. 2019. Vol. 5. Iss.1. P. 1-13

здравоохранение, культурно-образовательная сфера, сфера обслуживания и торговли.¹⁸¹ Стоит отметить, что в последние несколько десятков лет тенденция увеличения представительства женщин в политической сфере отмечается по отношению к различным государствам в мире.¹⁸²

Согласно нашим данным, небольшой тренд на увеличение доли женщин в политике отмечается и в России: если на федеральном уровне в 2013 году доля мужчин составляла 93,2% при доле женщин в 6,8%, то в 2023 году данная пропорция несколько изменилась и составила 89,7% и 10,3% соответственно. Тем не менее на уровне субъектов РФ отмечается иная динамика: в 2004 году доля женщин в структуре губернаторского корпуса составляла 1,2%, в 2014 году – 3,2%, в 2024 году – 1,3%. Современные исследования в целом подтверждают полученные выводы – так, О.В. Крыштановская и Н.А. Бальбот отмечают, что «... по данным на 2022 г., во всей совокупности федеральных органов власти женщины занимают 16% мест, причем в аппарате правительства РФ их всего 8,4%»¹⁸³.

Вместе с тем, в рамках нашего исследования можно отметить небольшой тренд на увеличение доли женщин, занимающих «неэлитные» должности в системе государственного управления. Так, по данным правительства РФ, «с 2016 года доля женщин, замещающих должности гражданской службы в центральных аппаратах федеральных органов государственной власти, за последние 5 лет увеличилась на 2,5 процентных пункта (2021 год – 59,4 процента), доля женщин среди государственных гражданских служащих органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации – на 4,7 процентных пункта (2021 год – 74,2 процента) <...> доля женщин в категории «руководители» в центральных

¹⁸¹ См., например: Mlambo C., Kapingura F. Factors influencing women political participation: The case of the SADC region // Cogent Social Sciences. 2019. Vol.5. Iss.1. P. 1-13

¹⁸² См., например: Shreeves R., Prpic M., Claros E. Women in politics in the EU. European Parliamentary Research Service [Электронный источник] – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/635548/EPRS_BRI\(2019\)635548_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/635548/EPRS_BRI(2019)635548_EN.pdf) (дата обращения: 01.10.2025); Прокопенко Л.Я. Женщины и власть (на примере стран Юга Африки). М.: Институт Африки РАН, 2018. С. 27

¹⁸³ Бальбот Н.А., Крыштановская О.В. Женщины в политике: укорененность как фактор гендерного представительства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 140

аппаратах федеральных органов государственной власти увеличилась на 5,3 процентных пункта и составляет почти 40 процентов общего числа руководителей (2021 год – 1,2 тыс. женщин)»¹⁸⁴.

Что касается регионального уровня, то тут мы также можем зафиксировать небольшой рост – согласно А. Соболеву, «с 2014 г. увеличилось число женщин, являющихся вице-губернаторами по внутренней политике (с 9 до 12 человек)»¹⁸⁵. Кроме того, по данным А. Егорова, «женщины недопредставлены в региональных парламентах, однако их доля все равно растет: если в когорте 1927-1940 годов рождения она составляет менее 10%, то в самой младшей когорте 1981-1990 годов рождения она достигает почти 25%»¹⁸⁶.

Указанное выше противоречие во многом определяет характерную особенность гендерного представительства, сопряженную с высокой концентрацией женщин на нижних и средних позициях системы государственного управления с небольшой заработной платой и отсутствием гарантированных перспектив вертикальной мобильности. Анализ работ российских исследователей позволяет нам объяснить обозначенную выше диспропорцию. Во-первых, данное положение дел во многом сопряжено со слабым развитием механизмов вертикальной мобильности, что нередко приводит к ситуации, когда «российские женщины чаще «следуют» за ситуацией, а их попадание во власть – результат стечения благоприятных обстоятельств, а не продуманной карьерной стратегии»¹⁸⁷. Во-вторых, существующая гендерная диспропорция сопряжена с широкой

¹⁸⁴ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023-2030 годы. Официальный сайт правительства РФ [Электронный источник] – URL: <http://static.government.ru/media/files/ilHtVckhskBAE9DAflD3Akpd787xAOc4.pdf> (дата обращения: 01.10.2025)

¹⁸⁵ Соболев А.В. Вице-губернаторы по внутренней политике: эволюция института и его современное состояние // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. №1. С. 231

¹⁸⁶ Egorov A., Malinovsky S. Higher education and regional elite formation in Russia / In Book: Assessing the Contributions of Higher Education. Edited by S. Marginson, B. Cantwell, D. Platonova, A. Smolentseva. Published by Edward Elgar Publishing Limited, 2023. P. 290

¹⁸⁷ Бурмистрова Е.С., Вершинина Д.Б. Женское политическое представительство: теоретические и исторические аспекты // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. №3. С.378

распространенностью традиционных патриархальных ценностей в российском обществе, в том числе установок на то, что главное предназначение женщины – домашнее хозяйство и воспитание детей, а политика считается делом грязным и является уделом мужчин. Исследователи приходят к выводу, что все вышеперечисленное способствует тому, что «российские женщины делают свою карьеру в большей степени случайно, не проявляя выраженной готовности бороться за свое место «под солнцем»»¹⁸⁸.

Осознание существующих проблем, связанных с недостаточной включенностью женщин в общественно-политическую жизнь, привело к принятию и утверждению Национальной стратегии действий в интересах женщин, направленной на создание равных возможностей для реализации женщин во всех сферах жизни общества.¹⁸⁹ В этой связи существуют все основания полагать, что в ближайшие годы по мере реализации Стратегии дисбаланс представленности мужчин и женщин в высших эшелонах власти будет сокращаться и существующий тренд на увеличение доли женщин в политическом классе в конечном итоге сформирует тренд на увеличение доли женщин в политической элите.

Фактором, оказывающим прямое влияние на характер проводимой политики, является *возраст*: с одной стороны, отсутствие достаточного представительства молодых элитариев приводит политическую элиту к изоляции и закрытости, что значительно снижает возможности адекватного понимания внешней среды и способности адаптироваться под ее изменения, с другой стороны, слишком молодая политическая элита лишена необходимого опыта, а недостаток возрастных представителей ведет к дисфункции процесса преемственности поколений и перспективе революционных общественных изменений.

¹⁸⁸ Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Женщина во власти в России: карьерный рост и мотивация // Россия и современный мир. 2010. №1. С. 68

¹⁸⁹ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023-2030 годы. Официальный сайт правительства РФ [Электронный источник] – URL: <http://static.government.ru/media/files/ilHtVckhskBAE9DAfID3Akpd787xAOc4.pdf> (дата обращения: 01.10.2025)

Зачастую именно возраст выступает тем маркером, который позволяет понять ценностные ориентации политических акторов при принятии ими стратегически важных решений и тем самым в некоторой степени предсказать вектор государственного развития в будущем. В данном контексте большую ценность представляет теория поколений Н. Хоува и У. Штрауса, согласно которой все общество можно разделить на совокупность отдельных поколений, которые сопряжены с важнейшими историческими этапами развития государства. По мысли авторов, каждое поколение составляет в среднем 20 лет, что сопряжено с формированием устойчивой системы личностных характеристик и социальных установок.¹⁹⁰

Как мы отметили выше, выделение поколений сопряжено с конкретными культурно-историческими событиями, произошедшими в государстве, в связи с чем у каждого государства такого рода периодизация уникальна: наиболее известной попыткой адаптации теории поколений для российского общества является классификация В. Радаева – «мобилизационное поколение (1938 г. и ранее), поколение оттепели (1939-1946 гг.), поколение застоя (1947-1967 гг.), реформенное поколение (1968-1981 гг.), поколение миллениалов (1982-2000 гг.), поколение Z (2001 г. и позднее)»¹⁹¹. Тем не менее в рамках нашего исследования мы будем придерживаться 6-ти уровневой классификации, составленной на основании классификации Н. Хоува и У. Штрауса с учетом культурно-исторического развития российского государства: «величайшее поколение (1903-1923), молчаливое поколение (1924-1943), беби-бумеры (1944-1963), поколение X (1964-1984), поколение Y (1985-2003), поколение Z (2004-2024)»¹⁹².

Согласно анализу федерального сегмента политической элиты, абсолютное большинство элитариев можно отнести к двум поколениям – поколению беби-

¹⁹⁰ См. например: Strauss B., Strauss W., Howe N. The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: Morrow, 1991. P. 7-19

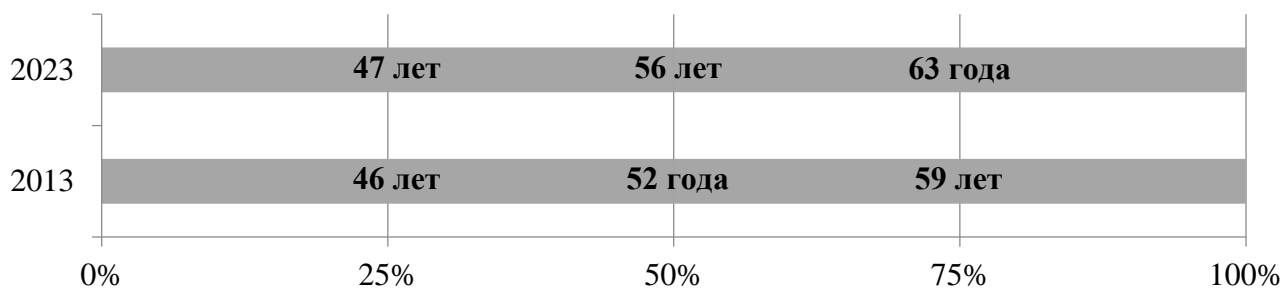
¹⁹¹ Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 49

¹⁹² Колесников А.В., Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В., Сиренко С.Н. Нелинейная модель смены поколений элиты // Известия вузов. ПНД. 2022. №4. С. 459

бумеров (послевоенному поколению) и поколению X. Так, если в 2013 году беби-бумеры составляли большинство (58%), тогда как к поколению X принадлежало 41% элитариев (1% принадлежали к молчаливому поколению), то в 2023 году налицо заметная трансформация – теперь большинство принадлежало уже представителям поколения X (57%), беби-бумеры сократили свое присутствие до 39%, вместе с тем в федеральную политическую элиту впервые вошли представители поколения Y (3%), 1% остался за представителями молчаливого поколения.

Однако не смотря на уменьшение доли возрастных представителей элиты, относящихся к поколению беби-бумеров, средний возраст федерального сегмента элиты вырос с 52 лет в 2013 году до 56,2 лет в 2023 году. Для выявления причинно-следственных связей данного роста в рамках анализа мы разделили возраста всех элитариев на момент 2013 и 2023 годов на 4 равных квантили (рис.1).

Рисунок 1. Квартильное распределение возраста федерального сегмента политической элиты

Источник данных – диссертационное исследование

Проведенный квартильный анализ возрастной структуры свидетельствует, что отмеченный рост среднего возраста элитариев обусловлен не столько сокращением рекрутирования молодых кадров, сколько устойчивым сохранением доли возрастных беби-бумеров. Данное положение дел, возможно, сопряжено с принадлежностью Президента РФ к поколению беби-бума, вследствие чего он более охотно делегирует полномочия для решения ключевых государственных задач проверенным кадрам своего же поколения, имеющего с ним одни и те же

поколенческие ценности, что в некотором смысле является возрождением политики «доверия к кадрам» во времена правления Л. Брежнева.

Стоит отметить, что при рассмотрении возрастного распределения представителей регионального сегмента политической элиты отмечена иная тенденция: если в 2014 году большинство глав субъектов принадлежали к поколению беби-бумеров (71%), остальная часть принадлежали к поколению X (29%), то в 2024 году к данному поколению – поколению X, – уже принадлежала большая часть губернаторского корпуса (79%), 17% относились к беби-бумерам и 4% составили губернаторы поколения Y.

В противоположность тенденции, отмеченной на федеральном уровне, губернаторский корпус демонстрирует устойчивый тренд на омоложение на протяжении последних трех десятилетий – «применительно к периодам с 1991 по 1999 г., период президентства Б.Н. Ельцина, средний возраст руководителя региона – 57 лет. В период с 2000 по 2007 г. средний возраст губернаторов – 55 лет. С 2008 по 2009 г. средний возраст губернаторов составил уже 48 лет»¹⁹³. Данные нашего исследования также подтверждают вышеописанный тренд на омоложение – в 2004 году средний возраст губернатора составил 53,7 года, в 2014 году – так же 53,7 года, а в 2024 году снизился до 51,7 года.

Снижение среднего возраста губернаторов, по мнению опрошенных экспертов, является закономерным результатом существующей федеральной политики: ««омоложение» губернаторского корпуса – искусственный процесс, так как федеральный центр стремится назначать опытных управленцев, которые готовы развиваться сами и также интенсивно развивать регион во всех сферах. Важно отметить, что все новые главы имеют опыт регионального руководства и необходимые компетенции, чтобы управлять регионом с помощью различных подходов»¹⁹⁴. Если учесть тот факт, что руководство субъектом в большинстве

¹⁹³ Филатов А.В. Трансформация губернаторского корпуса постсоветской России (1991-2010 гг.): общие оценки // Вестник ТГУ. 2011. №5. С. 23

¹⁹⁴ Курбанова К.М. Типология позиционирования и управленческого стиля «новых губернаторов» в РФ в 2017-2022 годы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 3. С. 23

случаев воспринимается губернаторами как трамплин для дальнейшего роста – согласно результатам исследования посткарьерных траекторий российских губернаторов 1991-2020 годов, «наиболее частым направлением посткарьерного перехода стали федеральные органы власти»¹⁹⁵, – то можно предположить, что молодой губернатор больше заинтересован в высоком результате своей деятельности.

Так или иначе поколение беби-бумеров постепенно уступает место представителям более молодых поколений, которые значительно отличаются от предшественников. По мнению О.В. Крыштановской, «выход на лидирующие позиции поколения ХУ окажет неизбежное влияние на стиль и направленность государственной политики из-за тяготения молодых управленцев к большей открытости и склонности к глобальному мировоззрению»¹⁹⁶. Другие исследователи, наоборот, отмечают наличие антидемократического тренда, характерного для всех возрастных категорий: «если сразу после распада СССР и потом на протяжении 1990-х годов «левые» и центристско-левые взгляды разделяло до 80% населения в рамках отдельных когорт, то к 2011 году идеологический баланс выровнялся – правая и левая части шкалы примерно равны по численности»¹⁹⁷. Оставляя за скобками идеологические предпочтения представителей элиты поколения X и Y, согласимся, что данные представители в скором будущем окажут заметное влияние на стратегию развития государства.

Важной детерминантой становления человека является *среда*, под которой мы в данном исследовании будем понимать *тип населенного пункта*, в котором родился и вырос представитель политической элиты. В целом исследователи уже давно выделяют условия проживания человека в качестве одного из основных

¹⁹⁵ Флягин А.М. Посткарьера российских губернаторов 1991-2020: основные траектории // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. №2. С. 126

¹⁹⁶ Крыштановская О.В. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020-2030 гг. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5(102). С. 120

¹⁹⁷ Российская элита – 2020. Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». Официальный сайт НИУ ВШЭ [Электронный источник] – URL: clck.ru/34Cbgv (дата обращения: 01.10.2025)

слагаемых социализации – так, «уровень общей социализированности у городских детей выше, что обусловлено, на наш взгляд, высоким уровнем социальной адаптации, активной жизненной позицией и большими возможностями для самореализации <...> Городские подростки увереннее в себе, они часто проявляют смелость в общении, общий уровень самооценки у них выше, чем у сельских <...> При этом сельские дети меньше подвержены стрессовым факторам <...> больше удовлетворены жизнью и проявляют к ней интерес»¹⁹⁸.

По результатам нашего исследования федерального сегмента политической элиты можно говорить о снижении числа регионов рождения представителей элиты: если в 2013 году таких регионов насчитывалось 50 (+ 12 иностранных государств), то в 2023 году их число снизилось до 43 (+ 10 иностранных государств). При этом сохраняется доминирование двух субъектов – городов Москва и Санкт-Петербург, – в этих городах суммарно родился примерно каждый третий представитель элиты: в 2013 году – 30% (19% – в Москве, 11% – в Санкт-Петербурге), в 2023 году – 32% (21% – в Москве, 11% – в Санкт-Петербурге). В целом можно отметить явный тренд – за 10 лет значительно снизилось число тех, кто родился в селе/ деревне/ хуторе, в сравнении с остальными типами населенных пунктов (табл. 1).

Таблица 1. Доля представителей федерального сегмента элиты по рождению в различных населенных пунктах (в %)

Тип населенного пункта	2013 год (n=125)	2023 год (n=124)
Город федерального значения	29,5	32,4
Город с населением от 1 млн. человек	10,6	13
Город с населением от 500 тыс. до 1 млн. человек	4,1	6,5
Город с населением от 100 тыс. до 500 тыс. человек	15,4	16,3
Город с населением до 100 тыс. человек	19,2	19,5
Сельское поселение	21,2	12,3

На наш взгляд данная ситуация во многом сопряжена с давним, постоянно нарастающим трендом на урбанизацию, индикатором которого является

¹⁹⁸ Кобизь Т.Н. Особенности социализации подростков в условиях города и села // Социальные трансформации. 2018. № 29. С.125-126

сокращением числа граждан, проживающих в селах: за период с 1959 по 2023 год численность сельского населения в России снизилась с 56,1 млн. человек до 36,8 млн.¹⁹⁹

Во многом схожая тенденция отмечается и по отношению к главам субъектов – если в 2004 году доля уроженцев Москвы составляла 6%, в 2014 году снизилась до 2%, то в 2024 году выросла до 8%. После Москвы наиболее распространенным регионами рождения губернаторов на момент 2024 года являются Красноярский край (5%), Санкт-Петербург, Калужская, Самарская и Костромская область (по 3%).

Тем не менее необходимо отметить тот факт, что реальное число лиц, которые выросли и сформировались как городские жители в результате переезда родителей или иных причин, значительно выше. К примеру, в 2004 году доля губернаторов, которые получили первый диплом об окончании московского вуза, составляла 19%, в 2014 году – 21%, в 2024 году – 21%. В этой связи доля представителей губернаторского корпуса с первым московским высшим образованием в среднем в 3 раза выше уроженцев Москвы, что может быть связано с переездом в Москву в раннем возрасте.

По мнению экспертов, рост доли губернаторов, родившихся в Москве, отражает новую тенденцию назначения (несмотря на возвращение процедуры выборов) федеральным центром губернаторов-варягов, имеющих опыт работы в рамках федеральных органов власти.²⁰⁰ Данные нашего исследования во многом подтверждают данное мнение – так, доля выходцев их какого-либо региона, который губернатор впоследствии возглавил, достигала в 2004 году 53%, в 2014 году поднялась до 59%, а в 2024 году упала до 42%.

¹⁹⁹ Российский статистический ежегодник 2024. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный источник] – URL: www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2024.pdf (дата обращения: 01.10.2025)

²⁰⁰ Флягин А.М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991-2019 гг. // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. №1. С. 36-37

Еще одной важной социально-демографической характеристикой и капиталом является *социальное происхождение*, под которой мы подразумеваем родительскую семью – достаточно сказать, что на ранних этапах развития общества семья была главным и зачастую единственным каналом социальной мобильности. Семья, являясь фундаментом социальной жизни индивида, напрямую определяет его стартовую позицию в социальной иерархии, и, следовательно, социальную дистанцию по отношению к высшей страте: дети, родившиеся в элитной семье, автоматически наследуют социальный статус родителей и начинают свое восхождение вверх с более выгодных позиций. Кроме того, семья является надежной опорой индивида на пути продвижения по социальной лестнице, что также является немаловажным фактором, особенно для обществ с нестабильной политической и экономической системой.

Н. Розенберг со ссылкой на исследование ИСПЭН РАН заявляет о наличии прямой взаимосвязи между социальным положением родителей и детей в России: «высокий ресурсный потенциал семьи с большой долей вероятности приводит к поступлению детей в высшее учебное заведение; получению такой специальности и работы, которая обеспечивает как высокие доходы, так и достаточно быстрый карьерный рост»²⁰¹.

В рамках института семьи действенным каналом вертикальной мобильности был и остается *брак* – «зачастую последовательные браки, как и активно распространившиеся в последнее время разводы внутри элитных семей, используются в качестве важного элемента политики и способа сохранения финансовых и социальных капиталов. Браки внутри элитного сообщества являются и индикатором интересов различных сегментов внутри федеральной, региональной элиты»²⁰². Тем не менее значение брака как канала вертикальной мобильности нельзя переоценивать, поскольку «зачастую он выступает в качестве иллюзии...

²⁰¹ Розенберг Н.В. Ресурсный потенциал семьи как фактор успешной социальной мобильности молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. Т.3. № 1(9). С. 52

²⁰² Колесник Н.В. Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект // Власть и элиты. 2017. Т.4. С. 23

Действительно изменить свой социальный статус удастся только единицам с помощью этого социального лифта»²⁰³.

Как известно из истории российского государства, вплоть до революции 1917 года все правители являлись выходцами из двух династий – Рюриковичей, правивших Русью с момента ее образования до 1613 года, и Романовых, правивших на протяжении 304 лет. Что касается современного периода, то родственный компонент формирования элит продолжает сохраняться и, более того, исследователи фиксируют тенденцию усиления значимости родственного статуса, а также укрепления роли политических династий в постиндустриальном обществе.²⁰⁴

Н. Колесник, исследуя неформальные аспекты воспроизводства российской элиты, констатирует: «проведенный анализ показывает значимость семейных ресурсов для воспроизводства элитной общности в современной России. Эмпирические данные российских элитологов показывают, что социальные сети, как на региональном, так и федеральном уровнях, выстроенные на семейной/родственной и дружеской основе, оказываются прочными и устойчивыми»²⁰⁵.

Необходимо отметить также специфику формирования региональных элит в национальных республиках, связанную с особенностями политической культуры и традиций. В. Ачкасов отмечал, что характерной чертой российского этнофедерализма является отсутствие регионального самосознания малых народов, вместо которого широкое распространение получила акцентированная этническая идентичность, что находит свое отражение и в политической сфере – «вместо открытой, публичной, политики, пользующейся поддержкой различных

²⁰³ Романова К.С. Социальные лифты как средство социальной мобильности // Дискурс-Пи. 2015. № 2(19). С. 32

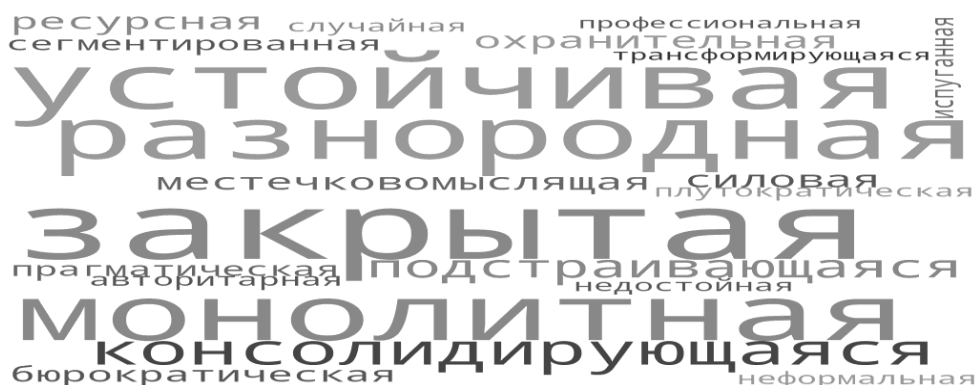
²⁰⁴ Барков С.А., Дорохина О.В., Маркеева А.В., Максимов А.А. Династии и фамилии-бренды в политической сфере постиндустриального общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. №4. С. 808

²⁰⁵ Колесник Н.В. Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект // Власть и элиты. 2017. Т.4. С. 25

групп населения, доминируют неформальные правила игры»²⁰⁶. Одним из таких примеров является республика Дагестан, где выделение ключевых политических игроков происходит по национальному признаку, а основными критериями отнесения политика к элите республики является уровень материального благосостояния и родственные/ дружеские отношения с правящим кланом.²⁰⁷

Наконец, важным для понимания природы современной политической элиты являются мнение экспертов, позволяющее выявить некоторые неформальные факторы, определяющие ее структуру. Так, по мнению опрошенных экспертов, ключевыми характеристиками современной политической элиты России являются: закрытость, устойчивость, а также монолитность и разнородность (рис. 2).

Рисунок 2. Ключевые характеристики современной политической элиты России по мнению опрошенных экспертов (n=30)²⁰⁸

По мнению экспертов, закрытость элиты связана в большей степени с тем, что за последние 10 лет уменьшилась пропускная способность каналов элитной мобильности, а также в целом снизилось число такого рода каналов, несмотря на формальный рост возможностей. Следствием закрытости (по выражению

²⁰⁶ Ачкасов В.А., Абалян А.И. Российский этнофедерализм: становление и перспективы развития // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. №3. С. 206

²⁰⁷ Курбанова К.М. Трансформация политической элиты Республики Дагестан в 2017-2020 годах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. №3. С. 137

²⁰⁸ Облако слов представлено совокупностью ответов опрошенных экспертов (n=10) на вопрос: «Могли бы Вы назвать 3 ключевых прилагательных-характеристики, которые описывают российскую политическую элиту на современном этапе?»

некоторых экспертов – «консервации») политической элиты в России является ее устойчивость, поскольку отсутствие новых элитных игроков в последнее время указывает на упрочение позиций уже существующих, напрямую заинтересованных в политической стабильности и фиксации текущего статуса-кво. Текущие внешнеполитические вызовы политической системе России вынуждают представителей элиты консолидироваться, в связи с чем позиции всех «несогласных» игроков в значительной мере ослабляются. Вместе с тем, существовавшие внутриэлитные противоречия субэлитных групп никуда не исчезли – группы интересов по-прежнему существуют, более того, по мере сокращения ресурсов их борьба только усиливается. Главными мотивами объединения элитариев в субэлитные группы являются в большей степени неформальные факторы – дружеские/ родственные отношения, основанные на предыдущем опыте взаимодействия, реже – профессиональные качества.

Подводя итог параграфа, обозначим основные выводы, полученные нами по результатам исследования качественных характеристик представителей политической элиты:

1. Беспрецедентные вызовы внешней среды со стороны стран глобального Запада ускорили переход России к модели мобилизационного развития («осажденной крепости»), проявившееся в двух основных аспектах: а) консолидации политической элиты вокруг текущего курса развития, выбранного Президентом и б) выход на лидирующие позиции представителей условного «силового блока» при потере позиций представителей условного «экономического блока». Обратной стороной консолидации элиты стала фактическая консервация текущего статуса-кво: пропускная способность каналов элитной мобильности значительно снизилась, а существующая мобильность происходит в интересах уже существующих элитных игроков.

2. Для представителей политической элиты отмечается наличие существенной гендерной диспропорции. По мнению экспертов, главными причинами такого положения дел является недостаточная развитость механизмов

продвижения женщин на высшие должности, а также существование в российском обществе традиционно-патриархальных представлений о гендерных ролях, в частности представлений о том, что политика – удел мужчин. Вместе с тем отмечается тренд, сопряженный с ростом доли женщин на более низких ступенях государственной службы, которая выросла за 10 лет и в настоящий момент превосходит аналогичную долю мужчин.

3. По результатам исследования отмечена смена поколений в элите – представители поколения X (1964-1984 гг.) постепенно вытесняют представителей поколения беби-бумеров (1944-1963 гг.). При исследовании возрастного распределения представителей губернаторского корпуса отмечен долгосрочный тренд на снижение среднего возраста глав субъектов на протяжении 30 лет. Данное обстоятельство во многом является результатом целенаправленной политики федерального центра и во многом опирается на позиционирование должности главы субъекта как трамплина для дальнейшего роста, в котором заинтересованы более молодые главы субъектов. В этой связи молодые кадры гораздо более мотивированы в высоком результате своей деятельности на посту главы субъекта. Вместе с тем отмечается значительный рост среднего возраста представителей федерального сегмента политической элиты, что связано не с уменьшением притока молодых кадров, а с включенностью в политическую элиту большой доли возрастных элитариев. Данное обстоятельство во многом затрудняет процесс обновления, что потенциально может сказаться на ее адаптивности к новым вызовам внешней среды и, как следствие, на качестве государственного управления.

4. Практически каждый третий представитель федерального сегмента политической элиты родился в одном из двух мегаполисов – Москве или Санкт-Петербурге. Данные представители элиты с большой долей вероятности имели достаточно состоятельных родителей, которые, пользуясь возможностями крупных мегаполисов, оказали серьезную поддержку своим детям на начальном и последующих этапах их карьеры. Представители губернаторского корпуса, в

сравнении с представителями федеральной политической элиты, значительно чаще имеют региональное происхождение. Тем не менее рост числа элитариев, родившихся в городах, происходит на фоне практически двукратного снижения представителей элиты, родившихся в сельской местности. Данное положение дел во многом отражает существующий тренд на урбанизацию и является потенциальным негативным фактором вследствие сокращения разнообразия групп для рекрутирования (селяне, горожане, жители мегаполисов), каждая из которых обладает собственным уникальным опытом, имеющим ценность в рамках системы государственного управления.

2.2. Образовательные характеристики политической элиты России

Образовательные характеристики выступают важнейшими предикторами тех решений, которые принимают представители политической элиты, в связи с чем образование часто понимается современными исследователями как один из факторов социального неравенства – соответственно, доступ к элитному образованию существенно увеличивает жизненные перспективы отдельно взятой личности.²⁰⁹

Так, по мнению Сорокина, «институты образования и воспитания во все времена были средством вертикальной циркуляции <...> в современном западном обществе школы представляют один из наиболее важных каналов вертикальной циркуляции»²¹⁰. Кроме того, согласно результатам последних исследований, получение высшего образования напрямую связано с ростом доходов: «за последние три года люди в возрасте от тридцати до пятидесяти лет, окончившие среднюю школу, но не поступившие в колледж, могли рассчитывать на заработок менее 30 000 долларов в год. Те, чей высший уровень образования был степенью

²⁰⁹ См., например: Brezis E.S. Elitism in Higher Education and Inequality: Why Are the Nordic Countries So Special? // *Intereconomics*. 2018. №53. P. 201-208; Grundmann M. Education and Socialization // *Soziologie – Sociology in the German-Speaking World*. 2020. P. 53-66

²¹⁰ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 396-397

бакалавра, зарабатывали чуть менее 60 000 долларов в год, а лица с ученой степенью зарабатывали более 80 000 долларов»²¹¹.

Образование как фактор мобильности обладает рядом специфических особенностей. Во-первых, по окончании учебного заведения выпускник получает определенную специализацию, которая является отправной точкой для построения дальнейшей карьеры. Во-вторых, образовательное учреждение выполняет функцию социализации и интеграции индивидов, что в значительной степени определяет круг их социальных контактов, способных поспособствовать вертикальной мобильности в дальнейшем. В-третьих, в образовательном учреждении индивид усваивает те социальные практики, которые присущи тому или иному обществу, либо определенной социальной страте.

Согласно исследованию Ю. Усовой, «высшее образование имеют более 90% европейских парламентариев и почти 97% государственных должностных лиц»²¹². По результатам нашего исследования можно сделать вывод, что уровень образованности в российской политической элите заметно превышает аналогичный показатель по отношению к коллегам из Европы: все 100% представителей федеральной политической элиты по состоянию на 2013 и 2023 годы, а также все 100% глав субъектов по состоянию на 2014 и 2024 годы имели не менее одного диплома о высшем образовании. Таким образом можно сделать вывод о том, что политическая элита входит в число социальных групп с наиболее высоким уровнем образования в России, а диплом вуза с большой долей вероятности выступает в качестве необходимого пропуска в ее ряды.

Важным индикатором качества политической элиты выступает среднее число дипломов на одного ее представителя, что теоретически может свидетельствовать о постоянном стремлении к актуализации имеющихся знаний

²¹¹ Greenstone M., Looney A., Patashnik J., Yu M. Thirteen economic facts about social mobility and the role of education [Электронный источник] – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/THP_13EconFacts_FINAL.pdf (дата обращения: 01.10.2025)

²¹² Усова Ю.В. Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования: монография / Ю.В. Усова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. С. 40

для эффективного выполнения профессиональных обязанностей и в целом способности элиты к более гибкому и адекватному реагированию на новые вызовы внешней среды. По результатам нашего анализа можно сделать вывод о существовании тенденции к увеличению образовательной активности как среди федерального, так и среди регионального (в большей степени) сегмента элиты (табл.2).

Таблица 2. Динамика доли представителей федерального и регионального сегмента политической элиты по наличию дипломов вуза (в %)

Количество дипломов об окончании вуза	Федеральная элита		Региональная элита	
	2013 год (n=125)	2023 год (n=124)	2014 год (n=86)	2024 год (n=89)
2 диплома	47,6	49,2	73,4	76,3
3 диплома и более	14,5	20,2	14,3	34,2

Примечательно, что анализ группы обладателей трех и более дипломов в федеральном и региональном сегменте политической элиты не выявил значимой корреляции с возрастом, что может быть связано с равномерной распространенностью практики получения дополнительного образования среди всех представителей элиты вне зависимости от возраста. Кроме того, нужно понимать, что 53,2% глав субъектов получили свой диплом о высшем образовании в РАНХиГС при Президенте РФ, причем 93,3% получили диплом в рамках управленческого, юридического и экономического профиля.

Приведенные данные позволяют выдвинуть предположение о том, что третий диплом для глав субъектов, как правило, связан с программами повышения квалификаций государственных служащих высшей категории и координируется на федеральном уровне. В целом же динамика среднего количества дипломов у руководителей регионов демонстрирует повышение в контексте 20-ти летнего периода: 1,9 в 2004 году, 1,8 в 2014 году и 2,2 в 2024 году.

Первое высшее образование играет определяющую роль в формировании личности и его дальнейшей профессиональной траектории. Исследование географической принадлежности вузов получения первого диплома показывает значительное расширение охвата: с 22 российских регионов и 2 зарубежных стран

в 2013 году до 42 регионов и 8 стран в 2023 году для представителей федерального сегмента, и с 76 регионов в 2013 до 77 регионов в 2023 году для губернаторов. Приведенные выше результаты фиксируют один из трендов, сопряженных со снижением доли губернаторов, которые получили свое первое образование в столичных регионах – «в конечном счете в России не существует сформированного пула элитных вузов в силу того, что представители элитной общности получают образование в различных российских и зарубежных вузах, что порождает новые исследовательские вопросы»²¹³.

Учебные заведения, представляющие основные каналы получения образования, можно условно разделить на три категории: массовые, элитные и элитарные. Массовые учебные заведения доступны для всех членов общества и, как правило, не отличаются высоким уровнем предлагаемого образования. Элитные учебные заведения формально доступны для всех членов общества, однако предъявляют более жесткие требования к абитуриентам, что обуславливает получение более высокого уровня образования и престижа. Элитарные учебные заведения доступны ограниченному кругу лиц и предполагают получение самого высшего уровня образования, доступного в обществе на данный момент. По выражению Сорокина, данного рода учебные заведения выступают в роли лифта, осуществляющего перемещение пассажиров исключительно между верхними уровнями социальной иерархии. Еще Ч.Р. Миллс отмечал, что «если мы хотим понять основу национального единства социальных верхов современной Америки, то лучший ключ для понимания этого явления дают нам подлинно закрытые пансионы для девочек и подготовительные школы для мальчиков»²¹⁴. Согласно результатам исследования ирландской элиты, в период с 1922-2022 года, исключительную роль в ее формировании играют частные школы: «в то время как частные платные средние школы составляют лишь 6,9% всех средних школ в

²¹³ Колесник Н.В. Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. Социология. Этнология. 2019. №4. С. 43

²¹⁴ Миллс Р. Властвующая элита / Перевод с англ. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 103-104

стране, три четверти старших судей и чуть менее трети членов кабинета министров посещали учебные заведения данного типа»²¹⁵.

Говоря о существовании пула элитных учебных заведениях высшего образования в России, О.В. Крыштановская и И.А. Лавров, на основании сопоставления данных различных рейтингов, данных о проходных баллах ЕГЭ и стоимости обучения, выделили 9 вузов, которые можно назвать элитными «де-юре» – это «НИУ ВШЭ, МФТИ, МГУ имени М.В. Ломоносова, НИЯУ МИФИ, СПбГУ, СПбПУ, МГИМО МИД РФ, Дипломатическая академия МИД РФ, РЭШ (таблица 5 – авт.) <...> две отличительные особенности российского элитного образования – сосредоточение лучших университетов в Москве и Петербурге и подготовка специалистов, главным образом, по естественно-научным, инженерно-техническим, дипломатическим и экономическим специальностям»²¹⁶.

Однако при анализе полного перечня высших учебных заведений, оконченных членами политической элиты «де-факто», то ситуация выглядит следующим образом: только три вуза совпадают со списком 9 элитных учебных заведений России – МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ и МГИМО МИД РФ. Так, согласно данным нашего исследования, МГУ имени М.В. Ломоносова занимает вторую позицию по востребованности среди представителей федерального сегмента элиты – доля его выпускников составляла 7,2% в 2013 году и 8,3% в 2023 году. На третьем и четвертом местах расположились СПбГУ и МГИМО, причем доля выпускников сильно поменялась в динамике: если в 2013 году доля выпускников СПбГУ составляла 7,7%, доля выпускников МГИМО – 2,8%, то в 2023 году пропорция достигла 3,8% и 4,8% соответственно. Кроме того, несколько сократилась доля выпускников силовых ведомственных вузов (ФСБ, ФСО, СВР, МВД, Росгвардия, Минобороны) – с 13,8% в 2013 году до 10,8% в 2023

²¹⁵ Hogan J., Feeney S., O'Rourke B.K. Quantitatively comparing elite formation over a century: ministers and judges // Administration. 2023. Vol. 71. №2. P. 18

²¹⁶ Крыштановская О.В., Лавров И.А. Высшее образование в России: элитное vs элитарное? // Мир России. Социология. Этнология. 2023. №4. С. 148

году. Параллельно отмечается увеличение числа выпускников с зарубежными дипломами (без СНГ) – с 1,7% до 3,8% за аналогичный период.

Заметно выделяется на фоне остальных вузов Президентская академия (РАНХиГС): доля выпускников данного учебного заведения наивысшая как среди элитариев федерального сегмента (12,7% в 2013 году и 14,3% в 2023 году), так и среди представителей губернаторского корпуса (30,2% в 2013 году и 52,4% в 2023 году). Примечательно, что «РАНХиГС не входит в первую тысячу лучших вузов планеты ни по версии рейтинга THE, ни ARWU, а в рейтинге RAEX за 2022 г. академия находится на 10-м месте. По проходному баллу ЕГЭ она располагается на 13-й позиции, по годовой стоимости обучения – на 19-й. Тем не менее, не будучи элитной по качеству образования, РАНХиГС занимает совершенно особенное место в системе подготовки управленческих кадров»²¹⁷. В данном контексте важно упомянуть и о том, что данное учебное заведение имеет очень разветвленную сеть из 45 филиалов по всей стране.²¹⁸

Как мы уже отмечали ранее, у большинства представителей элиты диплом об окончании РАНХиГС является вторым, чаще третьим дипломом о получении высшего образования, что во многом обосновывает предположение об активизации в России механизма дополнительного обучения представителей высшего политического руководства в рамках существующей программы обучения под названием «Школа губернаторов» на базе Высшей школы государственного управления академии. Данный факт во многом подтверждает выводы О.В. Крыштановской и И.А. Лаврова о том, что «система подготовки управленческих кадров высшего звена, сложившаяся в России сегодня, антиэлитна»²¹⁹, поскольку элитные вузы окончили не более трети элитариев – большая же часть окончили «неэлитные» учреждения в каком-либо регионе страны и затем, добившись

²¹⁷ Крыштановская О.В., Лавров И.А. Высшее образование в России: элитное vs элитарное? // Мир России. Социология. Этнология. 2023. №4. С. 152

²¹⁸ Официальный сайт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ [Электронный источник] – URL: <https://www.ranepa.ru/filialy/> (дата обращения: 01.10.2025)

²¹⁹ Крыштановская О.В., Лавров И.А. Высшее образование в России: элитное vs элитарное? // Мир России. Социология. Этнология. 2023. №4. С. 154

значительных высот в своей профессиональной деятельности, прошли подготовку в РАНХиГС при Президенте РФ. Данный сценарий значительно отличается от образовательных траекторий элитариев в США, Великобритании, Японии, где большая часть из них изначально получили элитное образование в лучших вузах своей страны.

Особый интерес представляет программа «Школа губернаторов», поскольку она на сегодняшний день является достаточно эффективным каналом рекрутирования в политическую элиту. Так, по словам Президента РФ, «уже 57 выпускников [«Школы губернаторов»] возглавили регионы Российской Федерации <...> В целом за эти годы участниками программы стали 463 человека, которые проявили себя в самых разных областях в госуправлении, бизнесе, общественной жизни и проявили себя с очень хорошей стороны»²²⁰. По данным А. Комиссарова, являющегося ректором РАНХиГС при Президенте РФ, «не менее 70% из всего состава участников является руководителями высшего звена сферы госуправления <...> и это наивысший показатель в сравнении с сопоставимыми уровнями резервов – резервом управленческих кадров под патронажем Президента Российской Федерации и высшим уровнем федерального резерва управленческих кадров»²²¹. Отдельно отметим, что по данным Министерства труда РФ общая доля назначений из числа госслужащих, находящихся в кадровых резервах регионального уровня, составляет 33%, федерального уровня – 37%.²²² При этом очень важным представляется отметить замечание экспертов о том, что система кадровых резервов различных уровней госслужбы очень часто используется как инструмент обхода конкурсного отбора на вакантные должности при трудоустройстве.

²²⁰ Путин сообщил, что 57 выпускников «Школы губернаторов» РАНХиГС возглавили регионы. Официальный сайт информационного агентства ТАСС [Электронный источник] – URL: <https://tass.ru/politika/21232051> (дата обращения: 01.10.2025)

²²¹ Комиссаров А.Г., Шебураков И.Б. Кадровые резервы в системе государственного управления: опыт и новые смыслы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 17

²²² Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты населения [Электронный источник] – URL: <https://mintrud.gov.ru/docs#> (дата обращения: 01.10.2025)

Говоря про школу губернаторов, ряд экспертов отмечали, что эффективность «Школы губернаторов» как канала элитной мобильности в первую очередь сопряжена с тем, что участники уже предварительно согласованы к назначению на конкретные элитные должности (прежде всего должности глав субъектов РФ). В этой связи данная программа по своей сути имеет двойное назначение – с одной стороны она, безусловно, «прокачивает» кандидатов с точки зрения развития необходимых современному управленцу компетенций, а, с другой стороны, позволяет искусственно конструировать элиту с заранее заданными качествами, ключевыми из которых являются лояльность, управляемость и бессубъектность.

Одним из эффектов функционирования данной системы подготовки и рекрутирования является формирование в региональном сегменте политической элиты т.н. губернаторов «новой волны», ключевыми характеристиками которых являются «возраст, профессиональная сфера и образование губернаторов <...> в частности, подготовка в «Школе губернаторов», созданной на базе ведущих образовательных центров страны (ВШЭ, РАНХиГС, корпоративного университета Сбербанка и других)»²²³, а также «решительность, высокие амбиции, повышенная сосредоточенность на исполнении деловых и профессиональных обязанностей»²²⁴. В результате, по выражению одного из экспертов, происходит «смерть региональной политики», связанная с тем, что полностью зависимый губернатор практически всегда назначается сверху с заранее заданными характеристиками и практически никогда не вырастает снизу.

Большое значение при анализе образовательных характеристик имеет специализация. Для достижения цели исследования мы типологизировали все множество различных направлений подготовки на 7 основных типов: экономический, военный, управленческий, гуманитарный, юридический, инженерно-технический и другой (спортивный, художественный и др.).

²²³ ЭИСИ в своем новом докладе представил ТОП-10 губернаторов новой волны. Официальный сайт «Экспертного института социальных исследований» [Электронный источник] – URL: clck.ru/34RQ8q (дата обращения: 01.10.2025)

²²⁴ Матюсова А.И. Губернаторы «нового поколения»: требования к личностным качествам // The Newman in Foreign policy. 2022. №64 (108). С. 7

Полученные результаты подтверждают отмеченный ранее тренд на постепенное сокращение доли элитариев с инженерно-техническим образованием в пользу элитариев с управленческим, юридическим и экономическим образованием²²⁵: если в рамках федерального сегмента элиты в 2013 году насчитывалось 39,6% элитариев при доле в 100,3% среди тех, кто имел диплом о получении высшего образования управленческого, юридического и экономического профиля, то через 10 лет данная пропорция стала уже 26,3% и 136,4% соответственно.

Анализ образовательных профилей регионального сегмента элиты также подтверждает обозначенный выше тренд: так, если в 2004 году доля инженерно-технического профиля составляла 51,1%, в 2014 году – 44,2%, а в 2024 году – снизилась до 21,4%. Напротив, доля управленческого, экономического и юридического профиля в 2004 году суммарно составляла 33,3%, в 2014 году – 65,1%, в 2024 году – уже 112,3%. Самый значительный прирост показал управленческий образовательный профиль – с 4,4% в 2004 году до 17,4% в 2014 году и 48,3% в 2024 году. Помимо этого, за 20 лет отмечается значительный рост полученных военных специальностей у губернаторов (9% в 2004 году, 7% в 2014 году, 15,7% в 2024 году).

На наш взгляд, рост популярности юридического, управленческого и экономического образования можно объяснить универсальностью их применения – данные специальности востребовано в каждом из сегментов политической элиты. В рамках опроса большинство экспертов также подтвердили тенденцию к получению гуманитарного образования, что во многом связано с формальным требованием к получению образования по профилю «Государственное и муниципальное управление».

Еще одним ресурсом, который способен ускорить вертикальную мобильность и поспособствовать попаданию в политическую элиту, является ученая степень. И в этой связи проведенный нами сравнительный анализ выявил

²²⁵ См., например: Мещерякова Н.Н., Крыштановская О.В. Качество образования российской политической элиты // Высшее образование в России. 2023. №12. С. 138-152

существенное сокращение доли представителей федерального и регионального сегментов, успешно защитивших кандидатскую/ докторскую диссертации: в 2013 году ученую степень имели 73,3% федеральных (46,1% – кандидаты наук, 27,3% – доктора наук) и 63,3% региональных (34,2% – кандидаты наук и 29,1% – доктора наук) представителя элиты, то через 10 лет данная пропорция уже составила 51,6% среди федеральных (29,8% и 21,8% соответственно) и 51,6% среди региональных (29,8% и 21,8% соответственно) элитариев.

На наш взгляд наиболее корректным объяснением значительного снижения числа представителей элиты с ученой степенью является точка зрения Р. Смирнова – «оставаясь функциональной и эффективной «в себе», т.е. в течение трех лет для каждого отдельного аспиранта, она в недостаточной степени выполняет свою функцию детерминанты социального роста в перспективе»²²⁶. В этой связи отсутствие видимых перспектив вертикальной мобильности при высокой трудоемкости процесса написания и защиты диссертации, а также усиление внешнего контроля за качеством работ в контексте увеличения числа случаев обнаружения масштабных заимствований в диссертациях высших чиновников, перетекших в публичную плоскость²²⁷, существенно сокращает представительство элитариев, имеющих ученую степень.

По результатам опроса экспертов можно констатировать, что образование как канал вертикальной мобильности обладает на сегодняшний день незначительным потенциалом: при существующем тренде на закрытость элиты и снижение объемов мобильности в высшие эшелоны власти образование является необходимым («дураков не берут, это понятно»), но далеко не решающим «втягивающим фактором» – гораздо большей втягивающей силой обладают неформальные факторы, такие как родственные связи (политические династии), знакомства, совместный опыт работы в прошлом, персональная лояльность,

²²⁶ Смирнов Р.Г. О показателях социальной мобильности аспирантов // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 134

²²⁷ См., например: Диссертационные скандалы в России. Официальный сайт ИД «Коммерсант» [Электронный источник] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3427960> (дата обращения: 01.10.2025)

управляемость и т.д. Данные выводы во многом находят свое подтверждение в рамках исследований других авторов – к примеру, «45% российских чиновников устроились на работу по личной рекомендации, среди сотрудников федеральных министерств данным образом устроился 51%»²²⁸.

Подводя итог параграфа, обозначим основные выводы:

1. Политическая элита является одной из самых образованных социальных групп России, а наличие высшего образования является необходимым условием вхождения в ее ряды. По результатам исследования отмечена тенденция повышения уровня профессиональной подготовки представителей политической элиты. Данная тенденция, во-первых, проявляется в увеличении количества дипломов об окончании вуза, во-вторых, в трансформации образовательного профиля с инженерно-технического на в пользу управленческого, экономического и юридического, необходимого элитарию как руководителю большим штатом подчиненных, и, в-третьих, в широкой представленности среди представителей политической элиты тех, кто прошел профессиональное обучение в рамках программы «Школа губернаторов», направленной на профильную подготовку управленцев высшего уровня. В рамках регионального сегмента политической элиты все вышеперечисленные тенденции приводят к формированию губернаторов «новой волны» – молодых образованных губернаторов-администраторов, способных выстроить работу в любой вверенной ему области.

2. Анализ образовательных траекторий позволил сделать вывод о том, что система подготовки высших управленческих кадров в России имеет ряд специфических особенностей и отличается от системы большинства развитых стран, таких как США, Великобритания, Япония и др.: так, если в вышеуказанных странах представители политической элиты в своем большинстве изначально получают образования в элитных вузах, то в России элитный вуз первого образования суммарно окончили менее трети элитариев – большая часть окончили

²²⁸ Комиссаров А.Г. Методология оценки компетенций и отбор высших управленческих кадров // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. 58(1). С. 73

какой-либо «не элитный» университет и затем, показав высокие в рамках своей трудовой деятельности, прошли профессиональную переподготовку.

3. Образовательная программа «Школа губернаторов», направленная на подготовку и формирование кадрового резерва для замещения высших руководящих должностей в регионах (прежде всего – должностей глав субъектов) является одним из самых эффективных каналов элитной мобильности и значительно превосходит остальные конкурсы кадрового резерва. Основным фактором успеха данного канала является тот факт, что абсолютное большинство участников уже предварительно согласованы на должности. Тем не менее успех данной программы имеет и обратную сторону – при помощи данного инструмента система бесконечно воспроизводит саму себя через отбор наиболее лояльных управляемых и бессубъектных кандидатов, не угрожающих ее целостности и устойчивости.

4. По мнению экспертов, само по себе образование как фактор элитной мобильности обладает на сегодняшний день небольшим потенциалом: являясь необходимым условием попадания в высшие эшелоны власти, оно в значительной степени уступает таким неформальным факторам, как родственные связи (политические династии), знакомства, совместный опыт работы в прошлом, персональная лояльность и управляемость и т.д.

2.3. Карьерные траектории политической элиты России и их динамика

Важнейшим показателем мобильности являются профессиональные траектории представителей политической элиты, поскольку предыдущий трудовой опыт оказывает огромное влияние на социализацию, профессиональные навыки и ценностные установки человека, востребованные на высшем государственном уровне. В этой связи основной задачей данного параграфа является выявление направлений и характеристик карьерных траекторий представителей политической элиты на основании качественных данных биографий, которые позволят нам

идентифицировать существующие каналы элитной мобильности в российском обществе.

Прежде всего стоит отметить, что исследование карьерных траекторий представителей элиты, а также поиск взаимосвязи между предыдущим карьерным опытом и принимаемыми управленческими решениями в настоящем является одним из основных сюжетов для заметной части западных элитологов. Так, С. Сантили и Р. Скарамучино в рамках исследования политической элиты Италии отмечали, что до трети итальянских чиновников высшего ранга в прошлом имели тесные связи с итальянским бизнесом, вследствие чего их представительство в европейском парламенте в настоящее время тесно сопряжено с отстаиванием интересов итальянского бизнеса на общеевропейском уровне.²²⁹ Е. Вартоломей в рамках исследования карьерных траекторий членов румынского Парламента выяснил, что значимая часть парламентариев до карьеры в системе государственного управления занимали высокие места в структурах гражданского общества и со временем смогли конвертировать их в политический капитал.²³⁰ К. Эллерсгаард в рамках исследования карьерных траекторий 149 советников министров Дании с 2001 по 2024 годы выявил, что доля советников с опытом в бизнесе и бизнес-ассоциациях является неизменно высокой при снижении доли тех, кто имеет опыт в СМИ и профсоюзов, что достоверно подтверждает востребованность в политической элите Дании людей с опытом в реальной экономике.²³¹

Не менее высокий интерес со стороны западных политологов и социологов отмечается по отношению к исследованию карьерных траекторий российских политических деятелей. К примеру, Е. Хаски, исследуя механизмы рекрутирования российской политической элиты, выделил два ключевых фактора

²²⁹ Santilli C., Scaramuzzino R. Civil Society Elites in the Italian Third Sector / In: A Comparative Perspective. Palgrave Studies in Third Sector Research, 2024. P. 35-36

²³⁰ Vartolomei E.L. The Political Careers of the PNL Members in the Governments Related to the 2020-2024 Legislature Perspective // Perspective Politice. 2024. Vol. 17. P. 209-216

²³¹ Ellersgaard C.H., Lunding J.A., Henriksen L.F., Grau Larsen A. Pathways to the power elite: The organizational landscape of elite careers // The Sociological Review. 2019. 67(5). P. 1119-1140

элитобразования: низкая ценность предыдущих заслуг кандидата при принятии на государственную службу в пользу личных и семейных контактов, а также ярко выраженная ведомственная специализация карьерных траекторий, обеспечивающая идеологическое и организационное единство. Соответственно, основное ядро политической элиты России, по мнению Хаски, представлено чиновниками, чей карьерный путь сопряжен с кумовством, дирижизмом и профессиональной специализацией.²³² П. Ратланд в рамках исследования российской политической элиты выделял четыре типа субэлитных групп, разграниченных на основании предыдущего карьерного опыта: 1) олигархи, нажившие свои капиталы в 90-е годы и ставшие полностью лояльными действующей власти в 2010-е; 2) силовики, представленные в большей степени выходцами из спецслужб (ФСБ, ФСО, СВР); 3) «ближний круг Путина», представленный бывшими коллегами по работе в мэрии Санкт-Петербурга; 4) чиновники в лице государственной бюрократии.²³³

На современном этапе можно выделить несколько исследований карьерных траекторий представителей политической элиты России, проведенных российскими авторами. Так, О.В. Крыштановская, прогнозируя основные тренды формирования управленческой элиты России 2019-2030 гг., выделяет четыре основных типажа молодых управленцев федерального уровня: 1) московский юрист-экономист – самый распространенный типаж с наивысшим потенциалом; 2) регионал – второй по распространенности типаж, самые гибкие и амбициозные; 3) силовик – небольшая, но очень влиятельная группа внутри истеблишмента; 4) дипломат – группа управленцев с долгой герметичной ведомственной карьерой.²³⁴

К. Клычникова, опираясь на типологию карьерного продвижения Е. Молла, выделяет три типа карьер, характерных для высших руководителей органов

²³² Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43. № 4. P. 363-372

²³³ Ратланд П. Постсоветские элиты России // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 3. С. 55-72

²³⁴ Крыштановская О.В. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020-2030 гг. // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2020. № 5(102). С. 129-130

государственной власти РФ: «традиционная (линейная) карьера: средняя скорость продвижения, преимущественно определяется управленческими способностями руководителя; последовательность не нарушена; должностной рост постепенный, иногда возможны пропуск одной позиции либо непродолжительное понижение <...> авантюрная карьера: высокая скорость продвижения с нарушенной последовательностью и пропуском, как правило, двух промежуточных позиций; возможно существенное изменение сферы деятельности <...> суперавантюрная карьера: очень высокая скорость должностного продвижения с нарушенной последовательностью и пропуском значительного числа промежуточных позиций (три и более), возможно резкое изменение сферы деятельности»²³⁵. По результатам эмпирического исследования автор приходит к выводу, что «у руководителей высоких должностных позиций, как правило, преобладает сочетание «традиционного и суперавантюрного» типа в этапах карьерного пути (31% от группы респондентов) и «авантюрного и традиционного» типа карьеры (19% от группы респондентов). В чистом виде суперавантюрная карьерная траектория зафиксирована только у трех человек из данной группы руководителей»²³⁶.

На основании проведенного анализа данных диссертационного исследования становится очевидным, что члены политической элиты РФ отличаются высоким уровнем карьерной мобильности как в прошлом, так и в настоящем – данный факт подтверждается богатым опытом работы в разнообразных сферах профессиональной деятельности, причем главы субъектов, в сравнении с представителями федерального сегмента элиты, имеют более разносторонний опыт трудовой деятельности: 3,0 и 3,4 различных сфер деятельности в 2013 году и 2,9 и 3,3 в 2023 году соответственно. Таким образом элитарии, заняв свою должность, уже имеют обширный трудовой опыт, сопряженный не только со сферой государственной службы.

²³⁵ Клычникова К.А. Карьерные траектории руководителей системы государственного управления // Образование личности. 2018. № 2. С. 52

²³⁶ Там же. С. 53

Огромный интерес представляют предыдущие карьерные треки элитариев в контексте профессиональных сфер деятельности, по которым осуществляется рекрутирование в элиту. Проведенный частотный анализ показывает, что ключевым каналом элитной мобильности как для федерального, так и для регионального сегмента элиты была и остается государственная служба, а именно – работа в системе исполнительных органов государственной власти. По нашему мнению, данная тенденция обусловлена историческими особенностями развития российского государства, где жесткая централизация управления осуществлялась за счет обширного государственного аппарата и силовых ведомств (табл. 3).

Таблица 3. Карьерные траектории представителей федерального и регионального сегмента политической элиты в динамике (в %)

Сфера трудовой деятельности	Федеральный сегмент		Губернаторский корпус	
	2013 год (n=125)	2023 год (n=124)	2013 год (n=83)	2023 год (n=89)
Исполнительные органы власти	89,5	88,7	90,3	97,7
Государственный бизнес	39,5	26,6	61,4	40,5
Частный бизнес	35,5	33,1	33,7	54,4
Научная и/или образовательная деятельность	30,6	30,6	21,3	15,7
Президентуры (Администрация Президента РФ, Совет Безопасности РФ)	32,3	29,8	12,1	19,2
Законодательные органы власти	23,4	21,8	75,8	44,1
Специальные службы (ФСБ, ФСО, СВР и др.)	13,7	13,7	2,2	5
Партийное строительство (включая КПСС)	13,7	7,3	30,2	8,7
Общественная сфера (профсоюзы, НКО и др.)	10,5	8,1	6,3	12,9
Вооруженные Силы РФ	8,1	5,6	5,2	12,8
Судебные органы власти (судьи, адвокатура, прокуратура)	6,5	9,7	4,5	2,6
Правоохранительные органы (МВД, Росгвардия)	4	8,1	5,2	6,1
Медицина	2,4	3,2	–	1,1
Телевидение, журналистика	0,8	4	5,2	5,2

Данные выводы подтверждаются в целом как предыдущими эмпирическими исследованиями²³⁷, так и мнением экспертов, которые называли госслужбу основным каналом элитной мобильности, причем как на федеральном, так и на региональном уровне. Стабильно высокая доля элитариев, имеющих опыт в сфере государственного и частного бизнеса, что также отмечается в рамках современных исследований²³⁸, хотя по мнению опрошенных экспертов бизнес, хоть и является достаточно частым каналом мобильности, в динамике утратил свои позиции и уступил их структурам, связанным с силовым блоком (армия, правоохранительные органы, спецслужбы) – по крайней мере именно представители силового блока имеют на данный момент наибольшее влияние на политический курс страны. Политические партии, по мнению экспертов, играют в основном фасадную роль, не являются каналом элитной мобильности и тем более не оказывают значимого влияния на выработку стратегического курса развития страны.

Следует отметить, что наблюдаемое сокращение числа представителей элиты, имеющих опыт в государственном секторе экономики на фоне увеличения доли выходцев из частного бизнеса, в значительной степени связано с трансформацией политического строя – ключевым проявлением этой связи является постепенное сокращение когорты поколения беби-бумеров, которое формировалось в советский период. Для представителей этого поколения был характерен карьерный старт на государственных предприятиях в условиях фактического отсутствия частного предпринимательства.

Что касается представителей губернаторского корпуса, то отдельный интерес представляют сферы государственной службы, с которых они начинали свое восхождение. Так, сравнительный анализ сфер входа глав субъектов в

²³⁷ См., например: Ветренко И.А. Механизмы и каналы рекрутирования политической элиты: на примере сравнительного анализа РФ и США // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. №4(24). С. 169-174; Усова Ю.В. Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования: монография / Ю.В. Усова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. 268 с.

²³⁸ См., например: Коряковцева О.А., Карпов А.Ю. Российская политическая элита в трансформационных процессах современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. №3. С. 204-209

политический класс (совокупность всех государственных служащих) подтверждает рост значимости государственной службы в рамках региональной исполнительной власти (табл. 4)

Таблица 4. Первая должность глав субъектов в рамках политического класса (в %)

Сфера государственной службы	2004 год (n=90)	2014 год (n=86)	2024 год (n=89)
Элитная должность в рамках федеральных органов власти (законодательных, исполнительных, судебных)	33	12	0
Должность главы субъекта РФ	22	2	0
Должность в рамках региональных органов исполнительной власти	24	41	45
Должность в рамках федеральных органов исполнительной власти	4	7	8
Должность в рамках силовых ведомств (правоохранительные органы, армия, спецслужбы)	8	8	11
Должность в рамках региональных органов законодательной власти	23	23	14
Должность в структурах политических партий	0	5	4

На примере попадания глав субъектов в политический класс отдельно хочется отметить тренд на институализацию формирования политической элиты, который наиболее явно прослеживается в период с 2004 по 2014 годы и достигает своего пика в 2024 году – так, если в 2004 году каждый второй губернатор вошел в политический класс сразу на элитную должность, то к 2014 году их доля упала до 12%, а к 2024 году уже не было ни одного главы субъекта РФ, который вошел в политический класс сразу на элитную должность.

Помимо этого, анализ продолжительности пребывания представителей губернаторского корпуса (по состоянию на 2024 год) в рамках политического класса (СССР и РФ) для глав субъектов 2004 года составлял 26,1 лет, на 2014 год – 27 лет, на 2024 год – уже 24,5 года. Если учитывать, что немалая часть губернаторов 2004 и 2014 года уже вышли из политического класса, а губернаторы 2024 года находятся в самом расцвете своей карьеры – налицо значительное увеличение среднего стажа пребывания в системе власти каждого последующего поколения губернаторов. Данные факты, помимо всего прочего, свидетельствуют о стабилизации политической системы РФ, когда назначению на высшую должность

предшествует работа в рамках системы государственного управления на различных уровнях, а назначения людей, никогда ранее не имевших опыта государственной службы, сводятся на нет.

Вместе с тем отметим, что по результатам анализа первых элитных должностей глав субъектов можно сделать вывод о том, что губернаторская должность для 2 из 3 губернаторов является первой элитной должностью в карьере (табл.5).

Таблица 5. Первая элитная должность глав субъектов (топ-4, в %)

Элитная должность (топ-4)	2004 год (n=90)	2014 год (n=86)	2024 год (n=89)
Должность главы субъекта РФ	67	56	67
Должность в рамках Государственной Думы РФ	17	20	9
Должность в рамках Совета Федерации РФ	9	10	6
Должность в рамках правительства РФ	4	7	11

Руководство субъектом в большинстве случаев подразумевается как трамплин для дальнейшего роста – согласно результатам исследования траекторий российских губернаторов 1991-2020 годов, «наиболее частым направлением посткарьерного перехода стали федеральные органы власти»²³⁹, что дополнительно подтверждается нашими данными: только один из трех глав субъектов возглавил регион, занимая элитную должность в рамках федеральной власти, причем за 20 лет почти втрое увеличилась доля губернаторов, ранее занимавших элитные должности в рамках правительства РФ.

Также отметим, что логичным следствием смены поколений является снижение доли губернаторов, имеющих опыт работы в рамках советской политической системы: с 73,3% в 2004 году до 50% в 2014 году и 11,2% в 2024 году. Вместе с тем также отметим тенденцию – по мере сокращения численности лиц, обладающих опытом работы в органах власти советского периода, уменьшается и доля губернаторов, чей карьерный путь начался в политической системе

²³⁹ Флягин А.М. Посткарьера российских губернаторов 1991-2020: основные траектории // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. №2. С. 126

современной России: с 67,8% в 2004 году до 47,7% в 2014 году и 16,9% в 2024 году. Приведенные выше данные во многом подтверждают тезис о том, что новая российская элита была сформирована вокруг старой номенклатуры, плавно трансформировавшейся из советской в российскую.

Особого внимания заслуживает рассмотрение процесса профессионализации представителей политической элиты, под которым мы в данном исследовании подразумеваем уровень профессиональной подготовки для выполнения своих должностных обязанностей. Несмотря на то, что фактическая продолжительность пребывания и депутатов, и бюрократов у власти зависит от ряда внешних факторов (в исследуемый период к таковым относятся формирование нового правительства после избрания В. Путина на третий президентский срок, роспуск Кабинета министров в 2020 году, электоральные циклы и т.д.), устойчивая тенденция к росту профессионализма политической элиты прослеживается вполне явно: так, в рамках федерального сегмента политической элиты средний стаж работы в текущей профессиональной сфере увеличился с 9,85 лет в 2013 году до 16,62 лет в 2023 году, при этом доля тех, кто у кого стаж в рамках текущей профессиональной сферы был менее 7 лет, сократилась за 10 лет вдвое: в 2013 году их насчитывалось до 50%, в 2023 году – чуть более 25%. Похожая динамика наблюдается и по отношению к стажу работы на текущих должностях – средний стаж вырос с 3,97 лет до 6,48 лет за аналогичный период.

Стоит отметить, что увеличение трудового стажа, помимо роста профессионализации, косвенно подтверждает и тренд на старение федеральной элиты, когда возрастные элитарии не спешат уходить в отставку и занимают свои должности в течение долгого времени, что также отмечалось отдельными экспертами в интервью.

Описанные выше тенденции в некоторой степени характерны и для представителей регионального сегмента политической элиты: так, если в 2013 году средний возраст глав субъектов при назначении на должность составлял 48,11 лет, то в 2023 году возраст снизился до 46,91 лет (рис. 3).

Рисунок 3. Возраст представителей регионального сегмента политической элиты в разбивке по 4-м одинаковым квартилям (n=83 (2013) и n=89 (2023))

Наибольшая динамика изменений отмечена в 1-м квартиле, что говорит о возросшем числе назначений относительно молодых руководителей на должности глав регионов. Кроме того, в 2023 году доля молодых губернаторов, которым на момент назначения был 41 год и менее (1-й квартиль) значительно чаще имеют опыт работы в рамках исполнительных органов федерального уровня (32%).

Стоит отдельно отметить высокую динамику ротации губернаторского корпуса в России: за десятилетний период с 2013 по 2023 год сохранили свои позиции лишь 16% от общего числа руководителей субъектов, занимавших данный пост на начало указанного периода. Указанная тенденция является прямым следствием масштабных кадровых ротаций, осуществленных в 2010-х годах и получивших в академической литературе обозначение «губернаторопад»: ««нулевая» волна, ставшая апробацией политической технологии, отмечается уже в первой половине 2014 г.: накануне единого дня голосования произведены точечные замены глав 10 регионов. В последующие годы всего с сентября 2014 по март 2019 г. произошло 58 губернаторских отставок. Описанная практика принимает лавинообразный характер в 2016-2018 гг., с осени 2019 г. темпы обновления кадрового состава губернаторов стремительно снижаются. В 2020-2021 гг. фиксируются лишь отдельные кейсы, как правило, обусловленные положением дел в регионах»²⁴⁰.

²⁴⁰ Марков Р.С. Влияние ротации губернаторского корпуса на федеративные отношения в современной России // Социально-политические науки. 2022. №1. С. 66

Отметим, что процесс масштабного обновления губернаторского корпуса имеет глубокую историческую протяженность – так, в период с 2005 по 2012 год коэффициент сменяемости глав исполнительной власти субъектов РФ достиг 58,4%, при этом пиковое значение данного показателя (90,5%) было зарегистрировано в 2012 году.²⁴¹ Согласно данным нашего исследования, в период 2013-2023 годы сменяемость глав субъектов составила 84,2%, что дополнительно подтверждает динамичность регионального сегмента политической элиты.

Высокая динамичность губернаторского корпуса так или иначе сопряжена с продолжительностью пребывания у власти, но тут нужно отметить, что при высокой сменяемости губернаторов (84,2%) срок пребывания в губернаторской должности за период 2013-2023 годы не изменился и составил в среднем 5,4 года. Учитывая пятилетний срок пребывания в должности согласно законодательству РФ²⁴² можно констатировать, что более 50% глав субъектов занимали свою должность больше одного срока. Что касается губернаторов, находившихся в должности два и более срока, то их доля практически неизменна: 17% в 2013 году и 16% в 2023 году.

Помимо этого, в период с 2013 по 2023 год наблюдалось сокращение доли так называемых «губернаторов-долгожителей» – яркой иллюстрацией данной тенденции послужила отставка таких многолетних руководителей регионов, как Е. Савченко, Н. Меркушкин и А. Тулеев, которые на момент 2013 года занимали свои посты 20, 18 и 16 лет соответственно. Данный факт, на наш взгляд, служит дополнительным подтверждением мнения опрошенных экспертов, которые отметили тенденцию к увеличению доли управляемых из центра губернаторов, которые полностью обязаны ему своим положением. Таким образом, данные нашего исследования подтверждают описанные ранее тренд на назначение

²⁴¹ Реутов Е.В. «Назначение» губернаторов в России: итоги эксперимента // *Via in tempore. История. Политология.* 2012. №13 (132). С. 176

²⁴² Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021. Официальный сайт Президента России [Электронный источник] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47393> (дата обращения: 01.10.2025)

«губернаторов-варягов» – «относительно молодых федеральных чиновников, приехавших из Москвы в регион»²⁴³.

На современном этапе ряд экспертов отмечает существенное увеличение влияния федерального центра на формирование губернаторского корпуса. Так, по мнению Р. Маркова, несмотря на введение прямых равных и тайных выборов, данная процедура имела скрытый подтекст: «заложенные в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» механизмы сменяемости власти позволили разработать новую политическую стратегию – легитимацию назначения посредством выборов. Положения ст. 18-19 указанного закона сохраняли право Президента РФ решать кадровые вопросы, в частности, принимать отставки глав регионов, назначать врио высшего должностного лица субъекта РФ, отрешать от должностей губернаторов из-за утраты доверия»²⁴⁴. По мнению А. Старостина, описанная выше тенденция назначению и.о. губернатора с последующим назначением на должность главы региона подтверждается практикой: «с 2012 г. практически все назначенные и.о. в последующем победили на выборах. Таким образом, введение прямых, равных и тайных выборов в целом сложно назвать проявлением открытой демократии»²⁴⁵.

Еще одним свидетельством усиления влияния центра является принятие «уравнивающего» ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», исходя из положений которого «наименование должности высшего должностного лица не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы

²⁴³ Слатинов В.Б. Губернаторы-«технократы» во главе российских регионов: промежуточные эффекты новой кадровой стратегии федерального центра // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, Курск, 05–06 июня 2020 года. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 485

²⁴⁴ Марков Р.С. Влияние ротации губернаторского корпуса на федеративные отношения в современной России // Социально-политические науки. 2022. №1. С. 65

²⁴⁵ Старостин А.Ю. Трансформация губернаторского корпуса постсоветской России в контексте усиления вертикали власти // Социально-гуманитарные знания. 2019. №8. С. 348

государства – Президента Российской Федерации»²⁴⁶. По мнению экспертов, основной причиной вышеописанных изменений являются конституционные поправки 2020 года, а также с введением понятия «публичная власть» и связанных с ним принципов всех уровней власти, включая вертикальную и горизонтальную соподчиненность.²⁴⁷

При анализе механизма вертикальной мобильности важным аспектом выступает *членство в политических партиях*. Так, если во времена Советского Союза включенность в ряды Коммунистической партии было обязательным условием мобильности в политическую элиту, то в современной России наблюдается несколько иная картина: согласно ФЗ-79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» госслужащий имеет право быть членом политической партии, но с некоторыми оговорками, а именно «использовать полномочия в интересах политических партий <...> публично выражать свое отношение к ним <...> создавать в государственных органах структуры политических партий <...> не допускать принуждения подчиненных гражданских служащих к участию в деятельности политических партий <...> соблюдать нейтральность, исключаящую возможность влияния на свою профессиональную деятельность решений политических партий»²⁴⁸.

Исследование партийной принадлежности федерального сегмента позволяет выделить устойчивую долю (треть) представителей «Единой России» от общей численности элитариев: 30,9% в 2013 г. и 31,7% в 2023 г. Это дает нам основания предположить, что членство в данной партии, вероятно, является значимым фактором карьерного роста и вертикальной мобильности для элитариев, которые

²⁴⁶ Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021. Официальный сайт Президента России [Электронный источник] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47393> (дата обращения: 01.10.2025)

²⁴⁷ Муравель М.А., Окунев А.С., Магомедова Е.А. Институт губернаторства как основа федерализма // Правовая реформа. 2023. № 1. С. 20-21

²⁴⁸ Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 г. Официальный сайт Президента России [Электронный источник] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210/page/1> (дата обращения: 01.10.2025)

«дорожат своим партбилетом в той мере, в какой обладание им способно принести некие дивиденды»²⁴⁹. Тем не менее некоторые эксперты скептически относятся к партии «Единая Россия» как весомому предиктору карьерного роста, поскольку она «не оказывает значимого влияния на назначения на политические и административные должности и никак не влияет на решения, определяющие политику государства. В частности, она крайне редко используется для выдвижения кандидата в президенты от действующей власти, а если, как это было в 2007 и 2011 гг., ей доверят официально выдвинуть такого кандидата, его избирательный штаб формируется на базе АП»²⁵⁰.

Совсем другая ситуация отмечается по отношению к членам губернаторского корпуса. Результаты нашего исследования дают основание полагать, что партийная принадлежность – в большей степени это относится к «Единой России», – играет значимую роль для выдвижения кандидатов на пост главы субъекта: абсолютное большинство губернаторов являются членами «Единой России» (в 2013 году – 92,3%, в 2023 году – 88,4%). Минимальное сокращение губернаторов от «Единой России» происходило на фоне минимального увеличения доли глав регионов, представляющих иные политические силы: так, доля членов КПРФ возросла с 1,2% до 3,3%, ЛДПР – с 1,2% до 2,1%, партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» – с 1,2% до 2,1%.

Представленные выше данные дают нам основание предположить, что принадлежность губернатора к партии «Единая Россия» может служить важным фактором вертикальной мобильности и устойчивости карьеры, однако источник данной поддержки коренится не столько в ресурсах партии, сколько в административном потенциале федеральных властей, поскольку сам аппарат правящей партии «в действительности не определяет кадровую политику и не формирует состав кандидатов в губернаторы, а лишь формально оформляет

²⁴⁹ Попова Ю.В. «Единая Россия» как опорный институт персоналистского режима // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. №3. С. 93

²⁵⁰ Нисневич Ю.А. Российская «партия власти» vs доминантная партия // Полития. 2021. №4 (103). С. 194-195

решения, де-факто принятые в федеральном центре – в Администрации Президента РФ»²⁵¹.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение посткарьерных траекторий представителей федерального и регионального сегмента элиты, которые удалось проследить по отношению к элитариям, занимавшим свою должность по состоянию на 01.01.2013 год. Так, по результатам нашего исследования можно зафиксировать следующие базовые сценарии карьерного роста: треть элитариев (33,3%) за 10 лет сохранили свое присутствие в политической элите, чуть более четверти (26,3%) также смогли сохранить должности. Покинули элиту к 2023 году 76,7%, причем наиболее популярными сферами выхода стала государственная служба различных уровней (21,7%), государственный бизнес (15,4%), частный бизнес (10,6%), президентуры (Администрация Президента РФ, Совет Безопасности РФ) (10,6%). На пенсию (без дальнейшего трудоустройства) ушли только 1,7% элитариев.

Для регионального сегмента элиты основным трендом является переход на федеральный уровень. По мнению опрошенных экспертов, ключевым фактором перехода являются уникальные управленческие компетенции, полученные на региональном уровне и востребованные на федеральном.

Упомянутый выше вывод о том, что пост главы субъекта является трамплином для попадания на федеральный уровень, еще раз нашел свое подтверждение при анализе посткарьерных траекторий – наиболее популярным местом продолжения карьеры бывших губернаторов являются федеральные органы законодательной власти, представленные в большинстве случаев Советом Федерации. По мнению А.М. Флягина, «переход на работу в Совете Федерации считается почетной синекурой для бывших губернаторов и чаще воспринимается как почетная отставка или пенсия, нежели чем активное продолжение

²⁵¹ Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2020. С. 1016

политической карьеры»²⁵². В этой связи переход бывшего губернатора на работу в Совет Федерации, на наш взгляд, целесообразнее рассматривать как процесс частичного исключения из элиты, когда новая должность формально остается элитной, но на деле не подразумевает прежнего объема ресурсов и полномочий.

По данным исследования, 20% глав субъектов впоследствии получили назначение на более высокую должность в федеральных органах исполнительной власти, представленных различными министерствами и ведомствами, а также в президентурах, представленных в большинстве случаев Администрацией Президента РФ, реже – Советом Безопасности РФ.

9% губернаторов в последствие подверглись уголовному преследованию, что почти в два раза превышает аналогичный показатель в сравнении с представителями федеральной политической элиты по состоянию на 2013 год (5%). Всего же, по данным ТАСС, по состоянию на 2023 год, в России «с 1996 года к уголовной ответственности были привлечены 20 действующих и 15 бывших глав регионов»²⁵³.

В целом данные выводы в многом подтверждаются результатами экспертных интервью. Так, все эксперты заявили о преобладании сценария частичного выхода из элиты, когда бывший представитель не уходит на условно околоэлитную должность. Причинами данного положения дел эксперты называли как нежелание терять лояльность бывших членов элиты к текущей власти, так и высокую квалификацию бывшего члена элиты, который всегда востребован в различных сферах деятельности. Тем не менее, ряд экспертов отмечают тенденцию ужесточения правоохранительной системы, в связи с чем нередки случаи, когда некоторые представители элиты уходили не добровольно, но в то же время без скандала.

²⁵² Флягин А.М. Посткарьера российских губернаторов 1991-2020: основные траектории // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. №2. С. 123

²⁵³ Кого из бывших губернаторов приговорили к реальным срокам заключения. Официальный сайт информационного агентства ТАСС [Электронный источник] – URL: <https://tass.ru/info/17017975> (дата обращения: 01.10.2025)

Отдельного внимания в контексте выявления ключевых каналов элитной мобильности заслуживает анализ эффективности существующих механизмов рекрутирования представителей политической элиты. В научной литературе принято делить существующие механизмы элитной мобильности на открытые и закрытые – главным различием между ними является наличие первичного институционального барьера: в первом случае рекрутирование ограничивается действующими государственными служащими, во втором случае рекрутирование проводится среди всех желающих. Примерами закрытого механизма являются программы резерва управленческих кадров федерального и регионального уровней, программа Президентского кадрового резерва («Президентская сотня»), «Школа губернаторов», «Школа мэров», примерами открытого механизма являются конкурсы управленцев «Лидеры России», «Лидеры возрождения», «Время героев».

На наш взгляд, перед началом анализа эффективности каналов необходимо сделать важную оговорку – полностью открытых механизмов рекрутирования в России не существует. Так, одним из условий участия в конкурсе «Лидеры России» является «наличие опыта управления не менее двух лет»²⁵⁴, в конкурсе «Лидеры возрождения» – опыт управления от одного года и иные условия, связанные с проживанием/ работой/ наличием родственников на территории Луганской, Донецкой народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей²⁵⁵, в конкурсе «Время героев» – «высшее образование, опыт управления людьми, участие в СВО»²⁵⁶. В этой связи открытые механизмы элитной мобильности корректнее называть «условно открытые».

²⁵⁴ Положение о конкурсе управленцев «Лидеры России» 2023-2024 гг. Официальный сайт конкурса управленцев «Лидеры России» [Электронный источник] – URL: <https://лидерыроссии.рф/rules23> (дата обращения: 01.10.2025)

²⁵⁵ См., например: Правила участия в кадровом конкурсе «Лидеры возрождения. Луганская народная республика». Официальный сайт кадрового конкурса «Лидеры возрождения. Луганская народная республика» [Электронный источник] – URL: <https://лнр.лидерывозрождения.рф/rules> (дата обращения: 01.10.2025)

²⁵⁶ Порядок отбора лиц для приема на комплекс программ обучения «Время героев». Официальный сайт программы развития для участников специальной военной операции

В рамках анализа эффективности каналов рекрутирования представителей политической элиты мы проанализировали произошедшие впоследствии назначения, которые получили победители конкурсов «Лидеры России», «Время Героев», «Лидеры возрождения», а также членов федерального резерва управленческих кадров.

Говоря о резервах управленческих кадров федерального и регионального уровня закрытого типа в России, большая часть экспертов настроены скептически. Так, С. Бейтеряков в рамках экспертной записки о текущем состоянии кадровой политики на региональном уровне госслужбы выделяет следующие ключевые проблемы: излишняя зарегулированность, приводящая к главенству формальных правил над содержательными результатами; отделы кадров ведомств не имеют времени и ресурсов для развития кадров; отсутствие единого центра кадровой политики на госслужбе; чрезмерная длительность конкурсных процедур; высокая роль иных неформальных критериев²⁵⁷. Хорошей иллюстрацией сказанного выше является кейс Нижегородской области: «63% вакансий на позиции начальников отделов и выше закрываются из внешних источников – при наличии кадрового резерва, включающего 3846 человек, который на 77,5% состоит из госслужащих. Эти соотношения могут говорить о двух проблемах: либо налицо неудовлетворительная работа с резервом, либо компетенции существующих резервистов не устраивают руководителей. В результате региональному правительству (успешно внедряющему передовые подходы) приходится обращаться к внешним кандидатам, хотя до этого было вложено немало ресурсов в формирование резерва»²⁵⁸.

«Время героев» [Электронный источник] – URL: <https://времягероев.рф/rules> (дата обращения: 01.10.2025)

²⁵⁷ Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения. Экспертная записка. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации [Электронный источник] – URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/записка_кадры_30.04.2021.pdf (дата обращения: 01.10.2025)

²⁵⁸ Комиссаров А.Г. Кадровые конкурсы в России: повышение эффективности отбора руководителей для госслужбы» на примере конкурса «Лидеры России» // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. №2. С. 84

Несколько иначе обстоит дело в рамках федеральных кадровых резервов для госслужащих – так, из списка первой Президентской сотни во политическую элиту образца 2013 года впоследствии вошло 10 человек (7% от ее общей численности), в политическую элиту образца 2023 года – 11 человек (7% от ее общей численности). Четыре представителя первой «Президентской сотни», вошедших в состав политической элиты 2013 года, также были включены в состав политической элиты 2023 года (Д.В. Мантуров, Г.В. Минх, М.В. Мишустин, А.В. Новак). В результате последующих изменений, внесенных в Президентскую сотню после 2013 года, в политическую элиту образца 2023 года были включены еще три представителя (Д.В. Аристов, А.А. Козлов, В.Н. Фальков). Таким образом, в состав политической элиты 2013 и 2023 годов вошло в общей сложности 15 человек из «Президентской сотни», включая действующего председателя правительства России.

Тем не менее такая результативность является скорее исключением, чем правилом. Так, по данным А. Комиссарова и И. Шебуракова «суммарная численность назначенных на должности гражданской службы из числа лиц, включенных в кадровые резервы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, практически не меняется и составляет примерно 33% от общего числа лиц, включенных в кадровые резервы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В федеральных органах исполнительной власти данный показатель немного выше – 37%»²⁵⁹. В целом выводы о невысокой эффективности кадровых резервов госслужащих различных уровней, особенно в качестве каналов элитной мобильности, подтверждается в рамках экспертного опроса. Скорее можно говорить о том, что большую роль при продвижении имеют различные неформальные факторы, поэтому реального роста добиваются единицы, а основная масса резервистов остаются на своих позициях.

²⁵⁹ Комиссаров А.Г., Шебураков И.Б. Кадровые резервы в системе государственного управления: опыт и новые смыслы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. №1. С. 30

Высокую эффективность показал всероссийский конкурс управленцев «Лидеры России»: так, по словам Президента Российской Федерации, среди выпускников конкурса по состоянию на 27.05.2025 г. «уже пять губернаторов, девять заместителей федеральных министров, 16 глав городов и муниципалитетов <...> 23 выпускника конкурса «Лидеры России. Политика» были избраны депутатами Государственной думы, а двое назначены сенаторами»²⁶⁰. Также среди бывших участников конкурса можно отметить победительницу сезона 2019-2020 годов М. Львову-Белову, занимающую должность уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. Кроме того, по данным исследования «Экопси Консалтинг», сами конкурсанты оценивают позитивный карьерный эффект конкурса достаточно высоко: «после первого конкурса 84 человека из 103 финалистов получили назначения на руководящие должности в госсекторе или крупном бизнесе, из числа 1200 человек, принявших участие в полуфиналах, назначения на позиции топ-менеджеров получили 400»²⁶¹.

Тем не менее при высокой эффективности ряд экспертов отмечают риски, которые ставят под сомнение меритократический принцип конкурсного отбора кадров. Опасение сопряжено с тем, что в отличие от «школы губернаторов», в архитектуре конкурса отсутствует этап интеграции победителей в систему государственного управления, в связи с чем возникает высокая вероятность того, что данный конкурс выполняет легитимизирующую функцию для назначения на высокие должности уже согласованных кандидатов. Так, И.А. Лавров в своем исследовании социальной мобильности победителей конкурса «Лидеры России» приходит к выводу: «около половины победителей уже состояли на государственной службе или являлись сотрудниками крупных государственных корпораций (назовем их инсайдерами). Стоит предупредить, что имеющегося у нас

²⁶⁰ Более 600 выпускников «Лидеры России» назначены на руководящие должности. Официальный сайт РАПСИ [Электронный источник] – URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20250527/310904504.html (дата обращения: 01.10.2025)

²⁶¹ Комиссаров А.Г. Кадровые конкурсы в России: повышение эффективности отбора руководителей для госслужбы» на примере конкурса «Лидеры России» // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. №2. С. 87

эмпирического материала недостаточно, чтобы судить о наличии пристрастности для всего этого потока, однако его величина позволяет говорить о недостаточной прозрачности движущих сил внутри конкурса»²⁶².

Аналогичные опасения относительно прозрачности конкурсных процедур отмечает и С. Фортеस्कью: «Павел Сорокин, назначенный заместителем министра Минэнерго в марте 2018 года, месяцем ранее стал победителем конкурса «Лидеры России». На встрече с Путиным после его победы президент заявил, что «настало время вас повесить... Уверен, что [министр] Новак будет действовать». С одной стороны, это может указывать на то, что конкурс «Лидеры России» используется для выявления талантов, с другой стороны, Сорокин уже был хорошо известен Новаку, поскольку несколькими годами ранее был им нанят на должность руководителя нового Аналитического центра министерства и входил в его команду на переговорах с ОПЕК»²⁶³. По мнению Фортеस्कью, Сорокин является не единственным победителем, в прозрачности назначения которого есть сомнения: «то же самое можно сказать о Евгении Грабчаке, который был победителем конкурса в 2018-2019 годах – вскоре после победы он был повышен до заместителя министра, однако с 2014 года он возглавлял отдел Минэнерго»²⁶⁴.

Отдельное место среди каналов элитной мобильности занимает конкурс «Время героев» для участников специальной военной операции (СВО), которому Президент РФ уделяет особое внимание: «У нас уже действует специальная программа кадровой подготовки «Время героев», и сейчас среди участников ее первого потока больше 60 кавалеров ордена Мужества, а 21 человек носит звание Героя России. Обязательно будем и впредь опираться на таких людей. Именно они настоящая, не поддельная, а подлинная элита и гордость страны»²⁶⁵.

²⁶² Лавров И.А., Крыштановская О.В. Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России» // *Ars Administrandi*. 2023. №2. С. 305

²⁶³ Fortescue S. Russia's civil service: professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries // *Post-Soviet Affairs*. 2020. Vol. 36. № 4. P. 376

²⁶⁴ Там же. P. 376

²⁶⁵ «Время героев»: новая элита страны. Официальный сайт Вести.ru [Электронный источник] – URL: <https://www.vesti.ru/article/4292078> (дата обращения: 01.10.2025)

Тем не менее, в рамках интервью эксперты хоть и отмечали важность слов Президента о героях СВО как новой элите России, но в своем абсолютном большинстве скептически отнеслись к перспективе занятия ими высших управленческих должностей. «Время героев» как канал мобильности, безусловно, обладает потенциалом, однако на сегодняшний день пока не оказал заметного влияния на формирование политического ландшафта в стране ввиду «токсичности» многих заметных фигур, связанных с СВО, а также отсутствия ключевых навыков и компетенций, необходимых для занятия элитной должности, «которым невозможно научить». В то же время данный канал отлично зарекомендовал себя в плане мобильности для уже существующих элитных игроков, когда участие в СВО добавляет «политических очков» и благотворно сказывается на продвижении.

Мнение экспертов частично подтверждается нашими данными. Так, из 83 участников первого потока программы «Время героев» какие-либо назначения в системе власти получили 54,3% участников, из них 28,9% назначены на руководящие должности регионального уровня исполнительной власти, 22,2% – федеральной бюрократии, 15,6% – в государственные бюджетные некоммерческие учреждения, 11,1% – на муниципальный уровень исполнительной власти, 11,1% – в структуры государственного бизнеса, 4,4% – в муниципальные legislatures, 6,6% должностей относятся к категории элитных. Таким образом можно сделать вывод, что данный канал выполняет в настоящее время скорее функцию интеграции участников в политический класс, а в прямое формирование политической элиты вносит на данный момент вносит небольшой вклад.

Еще одним каналом элитной мобильности стал конкурс «Лидеры возрождения», созданный в первую очередь для формирования политической элиты на новых территориях – Луганской и Донецкой народных республиках, Херсонской и Запорожской областях. По словам Президента России, «у нас очень яркое, талантливое молодое поколение, которое готово работать на благо страны в науке, культуре, социальной сфере, бизнесе и в государственном управлении. Именно для таких людей новые горизонты профессионального роста открывает

<...> проходящий сейчас в новых субъектах федерации конкурс «Лидеры возрождения»²⁶⁶. Тем не менее говорить о высоком потенциале данного конкурса в качестве канала элитной мобильности пока будет преувеличением, хотя этот канал начинает развиваться – по состоянию на октябрь 2023 года всего по итогам конкурса было осуществлено 113 назначений, среди назначенных 7 заместителей региональных министров, 5 руководителей департаментов, 5 руководителей вузов и школ и 8 крупных назначений в коммерческих и некоммерческих организациях.²⁶⁷

В заключение параграфа отметим основные выводы:

1. По результатам анализа можно сделать вывод об институализации формирования политической элиты за последние 20 лет, наиболее ярко проявляющийся на примере глав субъектов. Так, если каждый третий губернатор на момент 2004 года вошел в политический класс сразу на элитную должность, то к 2024 году не был включен в политический класс извне сразу в высшую страту. Кроме того, отмечается тренд на рост среднего стажа пребывания в политическом классе губернаторов на момент 2024 года по отношению к губернаторам на момент 2004 и 2014 годов. Данные факты свидетельствуют о стабилизации политической системы РФ, когда назначению на высшую должность предшествует работа в рамках системы государственного управления на различных уровнях, а назначения людей, никогда ранее не имевших опыта государственной службы, сводятся на нет.

2. По результатам анализа профессиональных траекторий также верифицируется тренд на профессионализацию политической элиты, под которой мы понимаем повышение уровня профессиональной подготовки, необходимой для осуществления властных полномочий: наряду с трансформацией образовательного профиля, отмечается рост стажа в текущей сфере деятельности, рост стажа в

²⁶⁶ Послание Президента Федеральному Собранию от 21.02.2023 г. Официальный портал Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный источник] – URL: <http://duma.gov.ru/news/56440> (дата обращения: 01.10.2025)

²⁶⁷ Состоялось 113 назначений участников кадровых конкурсов «Лидеры возрождения». Официальный сайт конкурса «Лидеры возрождения. Донецкая народная республика» [Электронный источник] – URL: <https://днр.лидерывозрождения.пф/news/tpost/h65kx5dth1-sostoyalos-113-naznachenii-uchastnikov> (дата обращения: 01.10.2025)

рамках текущей должности, а также рост среднего возраста назначения на должности, наиболее ярко проявляющаяся у представителей федеральной элиты.

3. Также нами была обнаружена тенденция формирования группы глав субъектов, получивших название «губернаторы новой волны»: на сегодняшний момент все эксперты отмечают существенное увеличение влияния федерального центра на формирование губернаторского корпуса, которое осуществляется посредством отстранения отдельных глав субъектов в связи с утратой доверия и последующей легитимации новой фигуры через процедуру выборов. Дополнительно данный вывод подтверждается практически втрое за 20 лет увеличением доли губернаторов, ранее занимавших элитные должности в рамках правительства РФ, а также значительным снижением доли губернаторов-старожилов, занимавших свои должности три срока и более.

4. По результатам анализа эффективности сложившихся механизмов элитного рекрутирования можно сделать вывод о том, что существующие каналы элитной мобильности являются скорее каналами инкорпорации кандидатов в структуры политического класса. Данное обстоятельство во многом сопряжено с назначением кандидатов на более низкие должности преимущественно регионального уровня, с последующим ростом по карьерной иерархии в зависимости от результатов. Вместе с тем большинство экспертов отметили непрозрачность основных этапов данного рода конкурсов, что значительно повышает риски, связанные с существованием неформальных практик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы формирования политической элиты в современной России имеют высокую актуальность, что отражается в большом количестве работ как российских, так и зарубежных ученых. Исследование данного вопроса включает в себя анализ восходящей, нисходящей и горизонтальной мобильности ее представителей, сопряженной с этапами поиска, отбора, подготовки, включения и продвижения управленческих кадров и публичных политиков.

Комплексное социологическое изучение указанного механизма может служить инструментом решения совокупности социальных проблем, включая некоторый дисбаланс процесса элитообразования, сформировавшийся в прошлые годы. Эти вопросы имеют высокую практическую значимость в связи с тем, что их игнорирование может привести к дестабилизации общества, вызвать несоответствие характера ротации кадров в политической структуре изменяющимся реалиям и новым глобальным вызовам.

В рамках диссертационного исследования нами была поставлена и достигнута *цель – выявлены изменения механизма рекрутации и трансформации структуры политической элиты в современной России.*

Достижение поставленной цели было достигнуто за счет решения следующих поставленных *задач*:

1. Были исследованы основные теоретические подходы к пониманию элит, даны дефиниции основных понятий, проведена операционализация категории политической элиты, что позволило обнаружить и обосновать выбор метода исследования и единиц наблюдения.

Для решения задачи были проанализированы основные подходы к пониманию элиты (ценностный, позиционный, технократический, сетевой), на основании синтеза различных трактовок было дано сущностное определение элиты как социального меньшинства, занимающего высшие позиции в различных сферах жизни общества, осуществляющего выполнение ключевых функций, таких как управление и интеграция различных социальных групп и институтов, а также

наделенного легитимным правом на принятие решений, касающихся организации производства и перераспределения ключевых общественных благ на определенной территории.

Опираясь на положения теории социальной стратификации М. Вебера, Г. Ленски, Р. Дарендорфа, мы дали определения таким понятиям как власть, политическая власть, политика, государство, политической класс и политическая элита, под который мы понимали *социальную общность, обладающую политической властью, контролирующую основные ресурсы общества и принимающую стратегические решения общегосударственного уровня.*

Отталкиваясь от положений теории социальной стратификации П.А. Сорокина, мы выделили ключевые каналы рекрутирования: государственный аппарат, бизнес, политические партии, церковь, армия. Опираясь на положения теории бюрократии М. Вебера, была описана двойственная структура политической элиты, представленная выбираемыми политиками и назначаемыми чиновниками, и на основании анализа текущего российского законодательства пришли к выводу, что на эмпирическом уровне федеральный сегмент политической элиты представлен руководителями ключевых органов государственной власти, а региональный сегмент – главами субъектов РФ.

Принимая в расчет специфику политической элиты как чрезвычайно закрытой социальной группы, автором была обоснована целесообразность использования в рамках диссертационного исследования таких методов как биографический анализ, анализ статистической информации и вторичный анализ данных социологических исследований, а также полуструктурированные интервью с профильными экспертами.

2. В диссертационной работе были выявлены особенности рекрутации и специфика трансформации политической элиты в новейшей истории России. Для решения данной задачи автором были изучены работы отечественных и зарубежных исследователей, касающихся истории становления российского государства. На основании анализа данных работ определены ключевые факторы,

оказавшие влияние на формирование российской государственности, которые предопределили становление мобилизационного типа социально-политической организации, характеризующегося доминированием государственно-бюрократических интересов над частными экономическими. Были рассмотрены основные этапы становления политической элиты России с 1991 по 2024 годы, что позволило прийти к выводу, что ключевой характеристикой постсоветского периода являлся процесс деинституализации, когда новое руководство было вынуждено значительно ослабить фильтры для кандидатов на элитные должности ввиду распада СССР и смены политического режима, что в итоге привело к снижению ее качества.

3. Была разработана система аскриптивных и дескриптивных показателей, характеризующих российскую политическую элиту, что позволило проанализировать основные тенденции ее динамики. Для решения данной задачи автором было проведено социологическое исследование представителей двух ключевых сегментов политической элиты – федерального и регионального, в рамках которого были обнаружены базовые тренды в трансформации социально-демографических, образовательных и профессиональных характеристик элитариев.

Ключевыми трендами трансформации федерального сегмента политической элиты являются:

- рост среднего возраста (56,2 года, плюс 4,2 года);
- рост рабочего стажа в текущей сфере деятельности (16,6 лет, плюс 6,7 лет) и в текущей должности (6,5 лет, плюс 2,5 лет);
- стабильно высокая доля уроженцев Москвы и Санкт-Петербурга (32%, плюс 2 процентных пункта);
- высокая доля элитариев, получивших свое первое образование в одном из элитных российских вузов (РАНХиГС при Президенте РФ, МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ, МГИМО МИД РФ и др. – 35%);

- трансформация образовательного профиля, заключающейся в планомерном снижении доли образования инженерно-технического профиля (26%, минус 14 процентных пунктов) в пользу таких направлений как государственное и муниципальное управление, юриспруденция, экономика (136%, плюс 36 процентных пунктов);

- ключевыми карьерными траекториями политиков и управленцев на сегодняшний день надо считать следующие: работа в органах исполнительной власти (89%), частный бизнес (33%), научно-образовательная деятельность (31%), президентуры (30%), спецслужбы (14%).

Ключевыми трендами трансформации регионального сегмента политической элиты являются:

- стабильно низкая доля женщин в органах власти на элитных должностях (1%, минус 2 процентных пункта);

- устойчивая тенденция снижения среднего возраста (51,7 лет, минус 2 года за 10 лет, минус 5,3 лет за 25 лет);

- низкая доля уроженцев Москвы и Санкт-Петербурга (11%) при высокой доле остальных регионов – Красноярский край (5%), Костромская, Калужская и Самарская области (по 3%) и др.;

- снижение доли губернаторов, впоследствии возглавивших регион своего рождения (42%, минус 17 процентных пункта);

- снижение доли московских и Санкт-петербургских вузов в качестве первых (27%, минус 7 процентных пункта) и стабильно высокой доле региональных вузов (77 регионов, минус 1 регион);

- увеличении доли окончивших РАНХиГС при Президенте РФ (52%, плюс 22 процентных пункта), что сопряжено с обучением в рамках программы «Школа губернаторов» (57 выпускников возглавили регионы);

- трансформация образовательного профиля, заключающейся в планомерном снижении доли образования инженерно-технического профиля (21%, минус 23 процентных пункта) в пользу таких направлений как государственное и

муниципальное управление, юриспруденция, экономика (112%, плюс 47 процентных пункта);

- снижение доли глав субъектов, для которых их текущая должность стала первой в рамках государственной службы (0%, минус 2 процентных пункта к 2014 году, минус 20 процентных пунктов к 2004 году) при увеличении доли глав субъектов, чей карьерный путь начался в органах региональной исполнительной власти (45%, плюс 4 процентных пункта к 2014 году, плюс 21 процентный пункт к 2004 году);

- рост доли губернаторов, у которых в качестве точки карьерного старта является государственная служба в федеральных ведомствах (8%, плюс 1 процентный пункт к 2014 году, плюс 4 процентных пункта к 2004 году).

4. Определены основные этапы формирования политической элиты, а также эффективность функционирования механизма ее рекрутации в современной России.

В рамках исследуемого периода произошла перенастройка механизма элитного рекрутирования, которую можно разделить на 3 этапа: 2000-2004 годы – этап институализации, связанный с замещением предыдущей политической элиты, происходившим преимущественно в ручном режиме, 2004-2014 годы – этап масштабирования, сопряженный с расширением внедрения апробированных практик предыдущего периода и созданием новых каналов элитной мобильности закрытого типа (программа резерва управленческих кадров федерального и регионального уровней, программа Президентского кадрового резерва – «Президентская сотня»), 2014-2024 годы – этап перезагрузки, сопряженный с созданием новых каналов элитной мобильности для более широких слоев общества, которые можно назвать условно открытыми («Лидеры России», «Лидеры Возрождения», «Время героев»). Тем не менее по результатам анализа отмечается, что данные каналы элитной мобильности *находятся в стадии становления* и в рамках исследуемого периода скорее выполняют функции интеграции победителей в политический класс, либо трамплина для уже

действующих госслужащих. Кроме того, существующие на сегодняшний день кадровые конкурсы являются по своей сути «квазиканалами» мобильности ввиду непрозрачности конкурсных процедур, а также отсутствия этапа интеграции победителей в систему государственного управления.

Таким образом автор делает вывод о подтверждении выдвинутой ранее научной гипотезы. Отмечается, что существовавшие в начале 2000-х годов механизмы формирования политической элиты, направленные в большей степени на преодоление политического кризиса 1990-х годов, а также дефицита доверенных кадров, позволили обеспечить формирование собственной команды вокруг Президента. Произошедшее впоследствии ухудшение экономической и политической обстановки (мировой финансовый кризис, эскалация кризиса в Украине в 2014 году с последующими введением санкционных мер западными странами против России, пандемия COVID-19, а также проведение специальной военной операции в Украине) предопределили трансформацию механизма элитообразования, связанную с внедрением новых элементов открытого и закрытого рекрутирования, масштабной системы дополнительного обучения на базе ведущих образовательных организаций, в значительной степени позволило удовлетворить запрос на стабилизацию и консолидацию политической системы, а также обеспечить рост уровня общественного доверия к ключевым институтам политической системы Российской Федерации²⁶⁸.

Однако беспрецедентный характер внешних вызовов обусловил необходимость концентрации всех доступных ресурсов системы, что, с одной стороны, стало предиктором консолидации элитных групп вокруг действующего политического курса, а, с другой стороны, привело к исключению из элиты тех, кто открыто ориентировался на Запад. Объединение элиты по идеологическому основанию привело к тому, что рекрутирование новых членов происходит

²⁶⁸ Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54-й этап социологического мониторинга, апрель 2024 года. Официальный сайт Института социологии ФНИСЦ РАН [Электронный источник] – URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2024/Kak_zhivesh_Rossiya_54.pdf (дата обращения: 01.10.2025)

преимущественно из «околоэлитных» кругов, представленных действующими «надежными» госслужащими. Вновь созданные каналы вертикальной мобильности, во-первых, пока не стали действенным механизмом рекрутирования в политическую элиту, и, во-вторых, в большинстве случаев являются каналами мобильности для госслужащих, уже включенных в систему государственного управления и работающих на ее дальнейшее воспроизводство. Данная ситуация предопределила снижение политической конкуренции и, как следствие, отсутствие возможности различных социальных групп российского общества донести свое мнение и потребности до высшего руководства страны, являющим ключевым условием устойчивого развития государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Официальный сайт Президента России [Электронный источник] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>
2. Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 г. Официальный сайт Президента России [Электронный источник] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210>
3. Федеральный закон № 440-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.12.2020 г. Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания РФ [Электронный источник] – URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/fz_status
4. Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021. Официальный сайт Президента России [Электронный источник] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47393>
5. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023-2030 годы. Официальный сайт правительства РФ [Электронный источник] – URL: <http://static.government.ru/media/files/ilHtVCKhskBAE9DAfID3AkpD787xAOc4.pdf>

Литература

6. Алябьева Т.К. Россия: от полураспада к централизации // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2018. №5. С. 285-295
7. Антанович Н.А. Перспективы использования сетевого подхода в политической науке // Социология. 2010. № 2. С. 44-53
8. Антология мировой политической мысли: Зарубежная политическая мысль. XX в. В 5-ти томах. Т. 2 / Отв. ред.: Алексеева Т.А.; Ред.-сост.: Ашин Г.К., Морозова Е.Г. М.: Мысль, 1997. 830 с.

9. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4. М.: Издательство «Мысль», 1983. 829 с.
10. Астафуров А.М. Государственный аппарат и механизм государства: к проблеме соотношения понятий // Вестник ТГУ. 2010. №12. С. 297-302
11. Ачкасов В.А., Абалян А.И. Российский этнофедерализм: становление и перспективы развития // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. №3. С. 203-216
12. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография / Г.К. Ашин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.
13. Бальбот Н.А., Крыштановская О.В. Женщины в политике: укорененность как фактор гендерного представительства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 137-149
14. Барков С.А., Дорохина О.В., Маркеева А.В., Максимов А.А. Династии и фамилии-бренды в политической сфере постиндустриального общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. №4. С. 801-820
15. Батуренко С.А. Социальная стратификация в социологической теории Ральфа Дарендорфа // Социология. 2019. №4. С. 4-13
16. Беленова Е.И. Российская политико-административная элита федерального уровня в 1990-2000 гг.: сравнительный анализ // Pro nunc. 2012. №1 (11). С. 48-55
17. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
18. Биряева А.В., Симаев А.В. Политико-правовые доктрины Сократа о государстве // Контентус. 2018. №12 (77). С. 13-19
19. Богданова О.В. Управленческий консалтинг в повышении социальной эффективности муниципальной элиты в Южном федеральном округе: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08 / Богданова Ольга Владимировна. Ростов-на-Дону, 2018. 166 с.

20. Борщевский Г.А. Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России // Журнал политической философии и социологии политики. 2018. № 1(88). С. 82-99
21. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Рус. Кн., 1992. 525 с.
22. Бурмисторва Е.С., Вершинина Д.Б. Женское политическое представительство: теоретические и исторические аспекты // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. №3. С. 375-382
23. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
24. Вебер М. Политика как призвание и профессия / Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 226 с.
25. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т.1. Социология / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
26. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. М.: Омега-Л., 2002. 607 с.
27. Ветренко И.А. Механизмы и каналы рекрутирования политической элиты: на примере сравнительного анализа РФ и США // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. №4(24). С. 169-174
28. Володин К.С. Кто управляет? Классики элитологии о властвующих элитах городских общностей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 9(89). С. 234-238
29. Гавра Д.П. Цифровая элита vs. аналоговая элита: трансформация социальной стратификации в сетевую эпоху // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2018. № 4. С. 118-128
30. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 97-103

31. Гаман-Голутвина О.В. Страны БРИК: элитобразование и внутриэлитные расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации // Политическая концептология. 2014. №3. С. 117-153
32. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
33. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
34. Грэм Т. Россия и США на мировой сцене. Часть III. Роль мессианства, исключительности, амбиций и выживания в разжигании соперничества // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 50-66
35. Гурьянов П.А. Социально-экономические предпосылки революции 1917 года: уроки истории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. №4. С. 7-30
36. Гэлбрейт Д. К. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж.К. Гэлбрейт. М.: Эксмо, 2008. 1200 с.
37. Давыдов Д.А. И сказал Интернет: сотворим нетократию по образу и подобию нашему. Критический взгляд на концепцию посткапитализма А. Барда и Я. Зодерквиста // Дискурс-Пи. 2022. №4. С. 66-81
38. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С.
39. Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: издательство Фредерик А.Прегер, 1961. 243 с.
40. Дорожкин Ю.Н., Ахунов У.Р. Демократия в представлении политических элит в постсоветской России эпохи Б. Ельцина // Власть. 2010. №6. С. 99-102
41. Дука А.В. Властные элиты в пространстве скандала (случай генерала Золотова) // Власть и элиты. 2018. Т.5. С. 110-149
42. Дука А.В. Перспективы социологического анализа властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том 3. № 1. С. 64-82

43. Дука А.В. Постсоветская элита: институционализация и рекрутирование // Политические институты России и Франции: традиции и современность. 2014. №2014. С. 203-228
44. Дука А.В. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. 2009. № 1(62). С. 142-159
45. Жабров А.В. Эволюция института президентализма в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. №2. С. 227-236
46. Заранкин И.А. Сравнительный анализ моделей и факторов рекрутирования министров правительств Российской Федерации и Французской Республики: дис. ... канд. пол. наук: 23.00.02 / Заранкин Илья Александрович. Москва, 2018. 194 с.
47. Игнатов В.Г., Понеделков А.В., Старостин А.М. Административно-политические элиты России: методологический и феноменологический аспекты исследования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2005. №3-4. С. 36-60
48. Каневский П.С. Политический класс как ключевая категория политического процесса // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 4(56). С. 145-152
49. Кирюшин И.А. Электоральное поведение граждан в условиях цифровизации избирательного процесса: дис. ... канд. соц. наук: 5.4.5. / Кирюшин Иван Артемович. Москва, 2025. 152 с.
50. Клычникова К.А. Карьерные траектории руководителей системы государственного управления // Образование личности. 2018. № 2. С. 51-55
51. Кобизь Т.Н. Особенности социализации подростков в условиях города и села // Социальные трансформации. 2018. № 29. С. 119-126
52. Колесник Н.В. Биография элиты: возможности социоструктурного анализа // Социологические исследования. 2009. № 6(302). С. 76-84
53. Колесник Н.В. Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. Социология. Этнология. 2019. №4. С. 30-48

54. Колесник Н.В. Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект // Власть и элиты. 2017. Т.4. С. 10-30

55. Колесников А.В., Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В., Сиренко С.Н. Нелинейная модель смены поколений элиты // Известия вузов. ПНД. 2022. №4. С. 456-479

56. Комиссаров А.Г. Кадровые конкурсы в России: повышение эффективности отбора руководителей для госслужбы» на примере конкурса «Лидеры России» // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. №2. С. 80-95

57. Комиссаров А.Г., Шебураков И.Б. Кадровые резервы в системе государственного управления: опыт и новые смыслы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 7-38

58. Комиссаров А.Г. Методология оценки компетенций и отбор высших управленческих кадров // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. 58(1). С. 63-85

59. Коряковцева О.А., Карпов А.Ю. Российская политическая элита в трансформационных процессах современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. №3. С. 204-209

60. Косинов С.С. Основные каналы социальной мобильности российской молодежи в современных условиях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. №4(18). С. 91-97

61. Кочетков А.П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. №1. С. 198-212

62. Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI, 2007. 192 с.

63. Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. Москва: Проспект, 2015. 352 с.

64. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
65. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 381 с.
66. Крыштановская О.В., Лавров И.А. Высшее образование в России: элитное vs элитарное? // Мир России. Социология. Этнология. 2023. №4. С. 138-159
67. Крыштановская О.В. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020-2030 гг. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5(102). С. 117-134
68. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51-65
69. Крыштановская О.В. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2019. Т.2. №2. С. 4-11
70. Курбанова К.М. Типология позиционирования и управленческого стиля «новых губернаторов» в РФ в 2017-2022 годы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 3. С. 22-25
71. Курбанова К.М. Трансформация политической элиты Республики Дагестан в 2017-2020 годах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. №3. С. 136-141
72. Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.
73. Лавров И.А. Институализация формирования политико-управленческой элиты в современной России: дис. ... канд. соц. наук: 5.4.4. / Лавров Иван Андреевич. Москва, 2023. 201 с.
74. Лавров И.А. Партии в цифровых джунглях // Вестник университета. 2021. № 12. С. 168-178
75. Лавров И.А., Крыштановская О.В. Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России» // Ars Administrandi. 2023. №2. С. 292-310

76. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Женщина во власти в России: карьерный рост и мотивация // Россия и современный мир. 2010. №1. С. 53-70
77. Ляховенко О.И. Принцип «вращающихся дверей» и проблема взаимной проницаемости политических, научных и бизнес-элит в России / в сб.: SCHOLA-2012: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2012. С. 209-214
78. Марков Р.С. Влияние ротации губернаторского корпуса на федеративные отношения в современной России // Социально-политические науки. 2022. №1. С. 63-69
79. Матюсова А.И. Губернаторы «нового поколения»: требования к личностным качествам // The Newman in Foreign policy. 2022. №64 (108). С. 6-9
80. Матюсова А.И. Личностные особенности представителей губернаторского корпуса России: политико-психологическое исследование: дис. ... канд. пол. наук: 19.00.12 / Матюсова Анастасия Игоревна. Москва, 2022. 238 с.
81. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006. 873 с.
82. Мещерякова Н.Н., Крыштановская О.В. Качество образования российской политической элиты // Высшее образование в России. 2023. №12. С. 138-156
83. Мещерякова Н.Н., Крыштановская О.В. Смарт-элиты: контуры концепции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т.11. №4. С. 30-52
84. Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993. 238 с.
85. Миллс Р. Властвующая элита / Перевод с англ. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль, В.Л. Кон. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 544 с.

86. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко. Под общей редакцией и с предисловием Г.С. Батыгина. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. 264 с.
87. Минченко Е., Петров К., Баландин Ю. «Политбюро 2.0.» и «Новая холодная война»: элиты в поисках «новой нефти». Официальный сайт коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» [Электронный ресурс] – URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Politbyuro_21_final_15.07.21.pdf
88. Миргород Д.А. Военные элиты в политическом процессе стран Ближнего Востока и Северной Африки // Вопросы элитологии. 2022. Т.3. №2. С. 41-50
89. Михайлюк В.М. Пермская шкатулка. Пермь и пермский край в судьбе России. ИД: «Пермские новости», 2007. 312 с.
90. Моска Г. История политических доктрин. Монография / Г.Моска. Изд.: «КноРус», 2015. 390 с.
91. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187-198
92. Муравель М.А., Окунев А.С., Магомедова Е.А. Институт губернаторства как основа федерализма // Правовая реформа. 2023. № 1. С. 20-25
93. Мухаев Р.Т., Жданов А.И. Демократический транзит: траектория и модели политической трансформации: монография. Москва: ИНФРА-М, 2023. 142 с.
94. Нисневич Ю.А. Российская «партия власти» vs доминантная партия // Полития. 2021. №4 (103). С. 183-199
95. Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. / Сост. К.А. Свасьян, пер. Ю.М. Антоновский, Н. Полилов, К.А. Свасьян, В.А. Флерова. М.: «Мысль», 1990. 832 с.
96. Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН [Электронный ресурс] – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHec8a482a3089a91ee4f8e>
с

97. Новейший социологический словарь / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный дом, 2010. 1312 с.
98. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Пер. с исп. А. Гелескула. Москва: АСТ, 2016. 256 с.
99. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2010. 759 с.
100. Палитай И.С. Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011-2021 гг.) // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 148-160
101. Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США / Пер. с 7-го англ. изд. В. Горбатко. М: «Поколение», 2006. 416 с.
102. Парето В. Компендиум по общей социологии / Пер. с ит. А.А. Зотова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 513 с.
103. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2016. 1311 с.
104. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 с.
105. Пляйс Я.А. Политическая элита постсоветской России: этапы трансформации, проблемы совершенствования. АНО «Политическая энциклопедия», 2024. 207 с.
106. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени [Электронный ресурс] – URL: <https://www.hramstrastoterpsy.ru/wp-content/uploads/2020/03/Победоносцев.-Великая-ложь-нашего-времени.pdf>
107. Погребинская В.А. Мобилизационная модель догоняющей модернизации России (первая половина XX века) // Мир новой экономики. 2020. №2. С. 82-90

108. Политология: учебник / коллектив авторов; под ред. В.И. Буренко. – 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2013. 392 с.
109. Попова Ю.В. «Единая Россия» как опорный институт персоналистского режима // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. №3. С. 87-95
110. Прокопенко Л.Я. Женщины и власть (на примере стран Юга Африки). М.: Институт Африки РАН, 2018. 206 с.
111. Пудина С.И. Служба дворянина в первой четверти XVIII в. согласно «Табели о рангах» // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. №1(33). С. 167-173
112. Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
113. Разумовский В.Ю. Региональные режимы правления в контексте генезиса российского федерализма: сущность, противоречия, результаты деятельности // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. №88. С. 146-160
114. Ратленд П. Постсоветские элиты России // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 55-72
115. Реутов Е.В. «Назначение» губернаторов в России: итоги эксперимента // *Via in tempore*. История. Политология. 2012. №13 (132). С. 174-180
116. Розенберг Н.В. Ресурсный потенциал семьи как фактор успешной социальной мобильности молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. Т. 3. № 1(9). С. 51-56
117. Романова К.С. Социальные лифты как средство социальной мобильности // Дискурс-Пи. 2015. № 2(19). С. 30-35
118. Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. 672 с.

119. Сартори Д. Вертикальная демократия // Полис. Политические исследования. 1993. №2. С. 80-89
120. Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. М.: ИД МГУ, 1987. 304 с.
121. Слатинов В.Б. Губернаторы-«технократы» во главе российских регионов: промежуточные эффекты новой кадровой стратегии федерального центра // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, Курск, 05–06 июня 2020 года. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 484-488
122. Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 687 с.
123. Смирнов Р.Г. О показателях социальной мобильности аспирантов // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 132-136
124. Смирнов В.А., Сутырин В.В. Эволюция подходов к изучению политических элит в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: случай Литвы // ПОЛИТЭКС. 2011. №2. С. 115-137
125. Соболев А.В. Вице-губернаторы по внутренней политике: эволюция института и его современное состояние // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. №1. С. 224-235
126. Соловьева Д.Д. Подходы к пониманию структуры и компонентов политического класса // Социально-политические науки. 2020. Т.Х. №1. С.
127. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Соколова; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 33-39
128. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА М – Норма, 1998. 488 с.
129. Сперкач А.И. Цивилизационные основания межэлитного взаимодействия в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. №3. С. 47-54

130. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / В. В. Семенова и др.; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.

131. Старостин А.М., Понеделков А.В. Политическая элитология: институциональный и инновационный аспекты развития // Коммуникология: электронный научный журнал. 2024. Т.9. №1. С. 8-17

132. Старостин А.Ю. Трансформация губернаторского корпуса постсоветской России в контексте усиления вертикали власти // Социально-гуманитарные знания. 2019. №8. С. 344-349

133. Стрелец И.Э. Ельцин и Путин: Президентское лидерство в контексте российской политической трансформации // Актуальные проблемы Европы. 2019. №2. С. 180-210

134. Тев Д.Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России // Власть и элиты. 2018. Т.5. С. 54-86

135. Тев Д.Б. Региональная административная элита: социальнопрофессиональные источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2022. Т.9. №2. С. 146-171

136. Тощенко Ж.Т. Современные лики теократии // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Т. 19. № 2. С. 19-58

137. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

138. Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? Из-во Т8, 2017. 172 с.

139. Турчин П.В. Конец времен [перевод с английского В. Железнова]. Москва: Издательство АСТ, 2024. 432 с.

140. Узланер Д.А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 416 с.

141. Усова Ю.В. Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования: монография / Ю.В. Усова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 268 с.
142. Филатов А.В. Трансформация губернаторского корпуса постсоветской России (1991-2010 гг.): общие оценки // Вестник ТГУ. 2011. №5. С. 22-25
143. Флягин А.М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991-2019 гг. // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. №1. С. 29-39
144. Флягин А.М. Посткарьерная элита российских губернаторов 1991-2020: основные траектории // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. №2. С. 120-128
145. Хакимов Р.Ш. Возрастной и образовательный уровень высшей партийно-государственной элиты СССР // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 12. С. 379-383
146. Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М.: Академический проспект, 2005. 1054 с.
147. Хигли Дж. Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа // Сравнительная политика. 2010. №1. С. 50-72
148. Холяев С.В. Смутное время: аристократическая революция 1.0 // Современная научная мысль. 2019. №5. С. 14-30
149. Хоскинг Д. История Советского Союза 1917-1991. Москва: «Вагриус», 1994. 510 с.
150. Челенкова И.Ю. Нравственные аспекты «служения» российской управляющей элиты // Социально-гуманитарные знания. 2022. №7. С. 42-46
151. Чешев В.В. Могла ли в России сформироваться цивилизационная элита? // Идеи и идеалы. 2020. №2-1. С. 29-47
152. Чирикова А.Е. Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов // Вестник Института социологии. 2024. Т.15. №1. С. 165-183

153. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1899. 810 с.
154. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М.: Тип. Мартынова, 1882-1883. 468 с.
155. Шайрян Г.П. Цивилизационно-культурная самобытность Российской государственности на основе воззрений зарубежных авторов // Право – явление цивилизации и культуры, Москва, 30-31 марта 2018 года / Российский университет дружбы народов. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 310-333
156. Шестопал Е.Б. Парадоксы политического лидерства // Полис. Политические исследования. 2023. № 3. С. 181-191
157. Шуликов А.О. Региональная элита в российском актуальном политическом процессе (на материалах Камчатского края): дис. ... канд. пол. наук: 23.00.02. / Шуликов Алексей Олегович. Петропавловск-Камчатский, 2018. 246 с.
158. Шумилина А.Б., Артюхин О.А., Крицкая А.А. Президентская власть в постсоветской России: лично-лидерская проекция // The Scientific Heritage. 2020. №47-4. С. 23-27
159. Энциклопедический словарь. Современная рыночная экономика. Государственное регулирование экономических процессов / Общ.ред.: д.э.н. проф. Кушлин В.И., д.э.н., проф., член-корр. РАН Чичканов В.П. М.: Изд-во РАГС, 2004. 743 с.
160. Barnes A.S. *Owning Russia: the struggle over factories, farms and power.* Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. 273 p.
161. Brezis E.S. *Elitism in Higher Education and Inequality: Why Are the Nordic Countries So Special?* // *Intereconomics*. 2018. №53. P. 201-208
162. Burnham J. *The Managerial revolution. What is happening in the world.* N.Y.: Day, 1941. 258 p.
163. Chaisty P. *The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma* // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol.65. №4. P. 1-20

164. Dahl R.A. A Critique of the Ruling Elite Model // American Political Science Review. 1958. Vol.52. №2. P. 463-469
165. Dahl R.A. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. Vol. 2. №3. P. 201-215
166. Domhoff W. The Higher Circles & The Governing Class in America. N.Y., 1970. 367 p.
167. Egorov A., Malinovsky S. Higher education and regional elite formation in Russia / In Book: Assessing the Contributions of Higher Education. Edited by S. Marginson, B. Cantwell, D. Platonova, A. Smolentseva. Published by Edward Elgar Publishing Limited, 2023. P. 286-299
168. Ellersgaard C.H., Lunding J.A., Henriksen L.F., Grau Larsen A. Pathways to the power elite: The organizational landscape of elite careers // The Sociological Review. 2019. 67(5). P. 1170-1192
169. Fortescue S. Russia's civil service: professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries // Post-Soviet Affairs. 2020. Vol. 36. № 4. P. 365-388
170. Geys B., Læg Reid P., Murdoch Z., Webb Yackee S. I'm a Survivor: Political Dynamics in Bureaucratic Elites' Partisan Identification // American Political Science Review. 2024. P. 1-15
171. Gretton R.H. The English Middle Class. G: Bell and sons, Limited, 1917. 200 p.
172. Grundmann M. Education and Socialization // Soziologie – Sociology in the German-Speaking World. 2020. P. 53-66
173. Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2. №4. P. 725-740
174. Hogan J., Feeney S., O'Rourke B.K. Quantitatively comparing elite formation over a century: ministers and judges // Administration. 2023. Vol. 71. №2. P. 1-25

175. Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. 314 p.
176. Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // Communist and Post-Communist Studies. 2010. Vol. 43. № 4. P. 363-372
177. Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. N.Y.: Random House, 1968. 354 p.
178. Keller S. Elites. International Encyclopedia of the Social Science. N.Y., 1968. 531 p.
179. Knoke D., Pappi F., Broadbent J., Tsujinaka Y. Comparing policy networks. Labor politics in the U.S., Germany and Japan. Cambridge, 1996. 308 p.
180. Kryshchanovskaya, O. Inside the Putin court: A research note // Europe-Asia Studies. 2005. Vol.57(7). P. 1065-1075
181. Lasswell H.D, Marvick D.W. On Political Sociology. Chicago-London, 1977. 456 p.
182. Mlambo C., Kapingura F. Factors influencing women political participation: The case of the SADC region // Cogent Social Sciences. 2019. Vol. 5. Iss.1. P. 1-13
183. Mosca G. The Ruling Class / A. Livingston (ed.). New York, 1939. 514 p.
184. Nurdiningsih S., Susilo D., Murwani E. Social Network Analysis: Political Elite Actors #DemokratLawanBegal on Twitter // Jurnal Komunikasi Profesional. 2024. 8(1). P. 19-37
185. Riesman D. The Lonely Crowd. N.Y.: Doubleday Anchor Edition, 1953. 363 p.
186. Rutland P. The Political Elite in Post-Soviet Russia / In: Best, H., Higley, J. (eds) The Palgrave Handbook of Political Elites. London: Palgrave Macmillan, 2018. 698 p.
187. Santilli C., Scaramuzzino R. Civil Society Elites in the Italian Third Sector / In: A Comparative Perspective. Palgrave Studies in Third Sector Research, 2024. P. 17-36

188. Strauss B., Strauss W., Howe N. The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: Morrow, 1991. 538 p.

189. Vartolomei E.L. The Political Careers of the PNL Members in the Governments Related to the 2020-2024 Legislature Perspective // Perspective Politice. 2024. Vol. 17. P. 209-216

190. Viktorov I., Kryshtanovskaya O. Presidential Succession in Russia: Political Cycles and Intra-Elite Conflicts // Russian Politics. 2023. 8(1). P. 97-121

191. Weible C., Sabatier P. Theories of the Policy Process. New York: Westview Press, 2018. 416 p.

192. Winters A.J. Oligarchy. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 323 p.

Интернет-источники и статистические сборники

193. Более 600 выпускников «Лидеры России» назначены на руководящие должности. Официальный сайт РАПСИ [Электронный источник] – URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20250527/310904504.html

194. «Время героев»: новая элита страны. Официальный сайт Вести.ru [Электронный источник] – URL: <https://www.vesti.ru/article/4292078>

195. Диссертационные скандалы в России. Официальный сайт ИД «Коммерсант» [Электронный источник] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3427960>

196. Евгений Минченко: «Все карьеры сейчас будут через Донбасс!». Официальный сайт деловой электронной газеты «Бизнес Online» [Электронный источник] – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/560803>

197. Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения. Экспертная записка. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации [Электронный источник] – URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/записка_кадры_30.04.2021.pdf

198. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54-й этап социологического мониторинга, апрель 2024 года. Официальный сайт Института

социологии ФНИСЦ РАН [Электронный источник] – URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2024/Kak_zhivesh_Rossiya_54.pdf

199. Кого из бывших губернаторов приговорили к реальным срокам заключения. Официальный сайт информационного агентства ТАСС [Электронный источник] – URL: <https://tass.ru/info/17017975>

200. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты населения [Электронный источник] – URL: <https://mintrud.gov.ru/docs#>

201. Официальный сайт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ [Электронный источник] – URL: <https://www.ranepa.ru/filialy/>

202. Положение о конкурсе управленцев «Лидеры России» 2023-2024 гг. Официальный сайт конкурса управленцев «Лидеры России» [Электронный источник] – URL: <https://лидерыроссии.рф/rules23>

203. Порядок отбора лиц для приема на комплекс программ обучения «Время героев». Официальный сайт программы развития для участников специальной военной операции «Время героев» [Электронный источник] – URL: <https://времягероев.рф/rules>

204. Послание Президента Федеральному Собранию от 21.02.2023 г. Официальный портал Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный источник] – URL: <http://duma.gov.ru/news/56440>

205. Правила участия в кадровом конкурсе «Лидеры возрождения. Луганская народная республика». Официальный сайт кадрового конкурса «Лидеры возрождения. Луганская народная республика» [Электронный источник] – URL: <https://лнр.лидерывозрождения.рф/rules>

206. Путин сообщил, что 57 выпускников «Школы губернаторов» РАНХиГС возглавили регионы. Официальный сайт информационного агентства ТАСС [Электронный источник] – URL: <https://tass.ru/politika/21232051>

207. Российская элита – 2020. Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». Официальный сайт НИУ ВШЭ [Электронный источник] – URL: clck.ru/34Cbgv

208. Российский статистический ежегодник 2024. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный источник] – URL: www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejagodnik_2024.pdf

209. Состоялось 113 назначений участников кадровых конкурсов «Лидеры возрождения». Официальный сайт конкурса «Лидеры возрождения. Донецкая народная республика» [Электронный источник] – URL: <https://днр.лидерывозрождения.рф/news/tpost/h65kx5dth1-sostoyalos-113-naznachenii-uchastnikov>

210. Февраль 1917: дворяне против дворянского государства. Правовые расследования РАПСИ. Официальный сайт РАПСИ [Электронный источник] – URL: https://rapsinews.ru/incident_publication/20181120/291332387.html

211. ЭИСИ в своем новом докладе представил ТОП-10 губернаторов новой волны. Официальный сайт «Экспертного института социальных исследований» [Электронный источник] – URL: clck.ru/34RQ8q

212. Greenstone M., Looney A., Patashnik J., Yu M. Thirteen economic facts about social mobility and the role of education [Электронный источник] – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/THP_13EconFacts_FINAL.pdf

213. Shreeves R., Prpic M., Claros E. Women in politics in the EU. European Parliamentary Research Service [Электронный источник] – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/635548/EPRS_BRI\(2019\)635548_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/635548/EPRS_BRI(2019)635548_EN.pdf)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Динамика изменения аскриптивных и дескриптивных характеристик глав субъектов Российской Федерации

Таблица №1. Динамика социально-демографических характеристик представителей губернаторского корпуса

Показатели	Состав губернаторского корпуса		
	2004 г. (n=90 чел.)	2014 г. (n=86 чел.)	2024 г. (n=89 чел.)
Численность (средний возраст)	53,7	53,7	51,7
Средний год рождения	1949	1959	1971
Доля женщин	1%	3%	1%
Доля рожденных в Москве	5,6% (5)	2,3% (2)	7,9% (7)
Доля получивших высшее образование в Москве	18,9% (17)	20,9% (18)	21,4% (19)
Доля выходцев из того региона, который впоследствии возглавил (рожденных в регионе и позднее возглавивших его)	53,3% (48)	59,3% (51)	41,6 (37)

Таблица №2. Образовательные характеристики представителей губернаторского корпуса

Показатели	Состав губернаторского корпуса		
	2004 г. (n=90 чел.)	2014 г. (n=86 чел.)	2024 г. (n=89 чел.)
Доля имеющих высшее образование	99%	100%	100%
Среднее количество полученных дипломов о высшем образовании	1,9 (172)	1,8 (157)	2,2 (200)
Доля имеющих ученую степень	54,4% (49)	58,1% (50)	42,7% (38)
Доля получивших высшее образование за рубежом	10% (9) союзные республики – 9 человек	8,1% (7) союзные республики – 3 человека	12,4% (11) союзные республики – 3 человека
Доля тех, кто проходил обучение в РАНХиГС при Президенте РФ	38,9% (35)	33,7% (29)	50,6% (45)

Таблица №3. Изменения в характере образования представителей губернаторского корпуса

Характер образования	Состав губернаторского корпуса		
	2004 г. (n=90 чел.)	2014 г. (n=86 чел.)	2024 г. (n=89 чел.)
Экономическое	18,9% (17)	24,4% (21)	33,7% (30)
Юридическое	10% (9)	23,3% (20)	30,3% (27)
Военное	8,9% (8)	7% (6)	15,7% (14)
Инженерно-техническое	51,1% (46)	44,2% (38)	21,4% (19)
Гуманитарное	6,7% (6)	8,1% (7)	7,9% (7)

Управленческое	4,4% (4)	17,4% (15)	48,3% (43)
Другое	22,2% (20)	16,3% (14)	15,7% (14)

Таблица №4. Карьерные траектории представителей губернаторского корпуса

Показатели	Состав губернаторского корпуса		
	2004 г. (n=90 чел.)	2014 г. (n=86 чел.)	2024 г. (n=89 чел.)
Доля имеющих опыт работы в советском политическом классе	73,3% (66)	50% (43)	11,2% (10)
Доля тех, кто начинал карьеру в политическом классе РФ	67,8% (61)	47,7% (41)	16,9% (15)
Средний стаж пребывания в элите РФ	16,1 лет	13,9 лет	8,3 года
Средний стаж пребывания в политическом классе РФ (вкл. элитные должности)	21,6 лет	23,8 лет	20,9 лет
Средний стаж пребывания в политическом классе (партийная работа в СССР + политический класс в РФ вкл. элитные должности)	26,1 лет	27 лет	24,5 лет
Средний возраст входа в элиту РФ	47,5 лет	46,7 лет	44,8 лет
Средний возраст входа в политический класс (вкл. номенклатуру в СССР)	34,5 лет	32 года	29 лет
Точка входа в элиту РФ	Первая элитная должность РФ: ГУБ – 67% ГД РФ – 17% СФ РФ – 9% ПРАВ РФ – 4%	Первая элитная должность: ГУБ – 56% ГД РФ – 20% СФ РФ – 10% ПРАВ РФ – 7%	Первая элитная должность: ГУБ – 67% ГД РФ – 9% СФ РФ – 6% ПРАВ РФ – 11%
Точка входа в политический класс РФ	Первая должность системы власти РФ: Элитная – 33% (из них ГУБ – 22%) Рег. Чиновник – 24%	Первая должность системы власти РФ: Элитная – 12% (из них ГУБ – 2%) Рег. Чиновник – 41%	Первая должность системы власти РФ: Элитная – 0% (из них ГУБ – 0%) Рег. Чиновник – 45%

	Фед. Чиновник – 4% Силовик – 8% Рег. Депутат – 23% Парт.строительство – 0%	Фед. Чиновник – 7% Силовик – 8% Рег. Депутат – 23% Парт.строительство – 5%	Фед. Чиновник – 8% Силовик – 11% Рег. Депутат – 14% Парт.строительство – 4%
Доля отбывающих наказание в пенитенциарной системе РФ	5,6% (5)	9,3% (8)	0% (0)
Следующая должность после губернаторской	Действующий губернатор – 1% Фед. Законодательство – 33% Фед. Бюрократия – 21% Рег. Законодательство – 4% Рег. Бюрократия – 3% НС госбизнес – 2% НС частн.бизнес – 4% НС НКО – 2% НС ВУЗЫ – 2% Арест – 2% Нет информации – 16% Умер – 4%	Действующий губернатор – 17% Фед. Законодательство – 22% Фед. Бюрократия – 16% Рег. Законодательство – 1% Рег. Бюрократия – 0% НС госбизнес – 9% НС частн.бизнес – 3% НС НКО – 1% НС ВУЗЫ – 1% Арест – 2% Нет информации – 15% Умер – 1%	Действующий губернатор – 100%

Гайд экспертного полуструктурированного интервью на тему «Трансформация рекрутации и структуры политической элиты в современной России»

1. Ни у кого не вызывает вопросов, что в любом обществе рано или поздно выделяется меньшинство, которое получило название «элита». На Ваш взгляд, какие ключевые функции выполняет элита?

2. В целом как бы Вы могли описать современную политическую элиту России? Могли бы Вы назвать 3 ключевых прилагательных-характеристики, которые описывают российскую политическую элиту на современном этапе?

3. Если сравнивать современную политическую элиту и политическую элиту 10-ти летней/ 20-ти летней давности – качество современной элиты улучшилось, ухудшилось или осталось без изменений? Какие ключевые отличия современной политической элиты от политической элиты 10-ти летней/ 20-ти летней давности Вы можете назвать?

4. Существуют ли в рамках современной политической элиты России какие-либо неформальные объединения/ группы интересов/ субэлитные группы или нет? По какому принципу они складываются (родственный, отраслевой, идеологический, этнический, землячество и др.)? Есть ли какая-то специфика функционирования/ противостояния таких объединений на федеральном/ региональном уровне?

5. В целом, какое образование (профиль), какие навыки необходимы современному представителю политической элиты на федеральном/ региональном уровне? Произошли ли какие-то изменения относительно требований к навыкам за последние 10-20 лет?

6. Какие каналы элитной мобильности (госслужба, политическая партия, бизнес, армия, церковь и др.) на сегодняшний день являются основными? Можно сказать, что за прошедшие 10-20 лет какие-то каналы мобильности стали более эффективными/ значимыми, а какие-то менее? Существует ли специфика функционирования каналов на федеральном/ региональном уровне?

7. На Ваш взгляд, Специальная военная операция оказала влияние на рекрутирование политической элиты или нет? Как бы Вы оценили эффективность таких каналов как «Время героев», «Лидеры возрождения»? Какие ключевые плюсы/ минусы данных каналов можно выделить?

8. В последнее время много говорится о таком канале открытой элитной мобильности как конкурс «Лидеры России». На Ваш взгляд, эффективен ли данный канал на сегодняшний день или нет? Какие ключевые плюсы/ минусы данного канала можно выделить?

9. Помимо Лидеров России существуют и другие каналы – например, программы кадрового резерва госслужащих федерального и регионального уровня, «школа губернаторов», «школа мэров». Как бы Вы оценили эффективность данных каналов? Какие ключевые плюсы/ минусы данных каналов можно выделить?

10. Если говорить о горизонтальной элитной мобильности – насколько она распространена в настоящее время? Можно ли сказать, что за прошедшие 10-20 лет горизонтальная элитная мобильность получила более широкое распространение или нет? Есть ли специфика горизонтальной мобильности на федеральном/ региональном уровне?

11. Как известно, существует два вида нисходящей элитной мобильности – полное исключение из элиты (выход на пенсию, «громкое» увольнение, уголовное преследование) и частичное (перевод на другую должность). Скажите, какой вид мобильности преобладает в

настоящее время? Существует ли федеральная/ региональная специфика? Произошли ли какие-либо изменения относительно сценарием нисходящей мобильности за последние 10-20 лет или нет?

Благодарю Вас за участие в исследовании!